

январь–февраль
1 (75) 2017 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

- ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
КУЛЬТУРНОЙ
ПОЛИТИКИ** **10 ПУРТОВА Т. В.**
АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ
КУЛЬТУРЫ И РАЗВИТИЕ ПРОГРАММ ЭТНОТУРИЗМА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ** **18 БЫХОВСКАЯ И. М.**
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ПРАКТИК
И ПРАКТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ
- 29 АРОНОВ А. А.**
ДОЛГОЛЕТИЕ ТВОРЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ
- 39 РЕМИЗОВ В. А., КОРОБКИНА А. Н.**
МЕДИАФИЛОСОФИЯ КАК МЕХАНИЗМ
«МАШИНЫ АБСТРАКЦИЙ» И НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ
«НОВОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ»
- 48 КОЛОДИНА А. А., ДОБРЫНИНА В. И.**
СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ В РОССИИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

56 БУТОРОВ С. А.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

66 АБЫ ШОРЕШ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ КУРДИСТАНА
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ У КУРДОВ ТУРЦИИ
(СЕВЕРНЫЙ КУРДИСТАН)

77 ПАВЛИЧ Д. И.

АПОКАЛИПСИС В СОВРЕМЕННОМ МАССОВОМ КИНО

**СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

**84 МАЦУКЕВИЧ О. Ю., ГЕРАСИМОВА И. А.,
ГЕРАСИМОВ А. П.**

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ
КАДЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

96 КОЛОДИНА А. А.

СЕМЬЯ – ТРАНСЛЯТОР КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

104 ГЛАДЫШЕВ К. В.

МОДЕЛЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ КАЗАЧЕСТВА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

110 СТРЕЛЬЦОВА Е. Ю., ГОРБУНОВА Н. А.

МОТИВЫ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА

116 БАБАНОВА О. И.

ВНЕАУДИТОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ
КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ

122 ПОДОСЁНОВ Л. А.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЖИССЁРА И ХУДОЖНИКА
В СОЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА
ТЕАТРАЛИЗОВАННОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

**БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ****132 ИВАНОВА Г. А.**

ГЕНЕЗИС БИБЛИОТЕЧНОЙ ПЕДАГОГИКИ
КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

142 КЛЮЕВ В. К.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ
ПО НАПРАВЛЕНИЮ «БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»:
КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ПРОФИЛИЗАЦИИ

152 КОНЬКОВА Т. Ю.

ФОРМИРОВАНИЕ У ШКОЛЬНИКОВ
ИНТЕРЕСА К ЧТЕНИЮ КЛАССИЧЕСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАК НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

**ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ****160 ВАРГАНОВА Г. В., МУТЬЕВ В. А.**

ФОРСАЙТ-ТЕХНОЛОГИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ

**167 БАКЛАНОВА Н. К., БАКЛАНОВ К. В.,
КАНАПЬЯНОВА Р. М.**

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
СОЦИАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛИСТА В ПРОЦЕССЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

176 НИКИТИН В. Ю.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
КРИТЕРИИ ОТБОРА ОДАРЁННЫХ ДЕТЕЙ
В ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

184 СПИНЖАР Н. Ф., СПИНЖАР Н. С.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНЫХ
И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И САМОРЕАЛИЗАЦИИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

193 ГРИГОРЬЕВА Е. И., ПАНКОВА Е. И.

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
САМОРАЗВИТИЯ В СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

200 АХМЕРОВА А. Ф.

ТВОРЧЕСТВО КАК СПОСОБ САМОРЕАЛИЗАЦИИ
СТУДЕНТОВ

January–February
1 (75) 2017
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- THEORY AND PRACTICE OF CULTURAL POLICY** **10** **PURTOVA T. V.**
UPDATING OF FOLK ARTS AND AMATEUR CREATIVITY AND DEVELOPMENT OF PROGRAMS OF ETHNOTOURISM IN THE RUSSIAN FEDERATION
- CULTURAL STUDIES** **18** **BYKHOVSKAYA I. M.**
CULTURAL PRACTICES, MEANINGS AND PRACTICAL MEANINGS OF CULTURAL STUDIES
- 29** **ARONOV A. A.**
LONGEVITY OF THE CREATIVE ACHIEVEMENTS
- 39** **REMIZOV V. A., KOROBKINA A. N.**
MEDIA PHILOSOPHY AS THE MECHANISM OF THE "MACHINE ABSTRACTION" AND A CARRIER OF CULTURE "NEW RATIONALITY"
- 48** **KOLODINA A. A., DOBRYNINA V. I.**
FORMATION OF INFORMATION CULTURE IN RUSSIA AND ITS IMPACT ON THE PROCESS OF CONTINUITY OF CULTURAL VALUES

56 BUTOROV S. A.

POLITICAL CULTURE IN RUSSIA:
THE CONDITION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

66 ABY SHORESH

ACTIVITY OF THE KURDISTAN WORKERS' PARTY
AS A FACTOR IN THE FORMATION OF POLITICAL
CULTURE AMONG THE KURDS OF TURKEY
(NORTHERN KURDISTAN)

77 PAVLICH D. I.

THE APOCALYPSE IN THE CONTEMPORARY
MASS CINEMA

**SOCIAL AND CULTURAL
ACTIVITIES**

**84 MATSUKEVICH O. YU., GERASIMOVA I. A.,
GERASIMOV A. P.**

SOCIAL AND CULTURAL TRADITION
OF MILITARY EDUCATION IN RUSSIA

96 KOLODINA A. A.

FAMILY AS A TRANSLATOR OF CULTURAL VALUES

104 GLADYSHEV K. V.

THE MODEL FOR THE REVIVAL OF THE
EDUCATIONAL TRADITIONS OF THE COSSACKS
IN MODERN CULTURAL INSTITUTIONS

110 STRELTSOVA E. YU., GORBUNOVA N. A.

EVENT TOURISM MOTIVES

116 BABANOVA O. I.

EXTRACURRICULAR ACTIVITIES AS A RESOURCE
OF DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE CULTURE
FUTURE LEADERS OF ETHNO-CULTURAL CENTERS

122 PODOSENOV L. A.

INTERACTION OF DIRECTOR AND ARTIST
IN THE PROCESS OF THEATRICAL PERFORMANCE
IMAGE CREATION

**LIBRARY AND
INFORMATION
ACTIVITIES****132 IVANOVA G. A.**

GENESIS OF THE LIBRARY PEDAGOGIC
AS SCIENTIFIC DISCIPLINE

142 KLYUEV V. K.

PROFESSIONAL TEACHER TRAINING STUDENTS
IN "LIBRARY AND INFORMATION ACTIVITIES":
COMPETENCE APPROACH TO PROFILING

152 KONKOVA T. YU.

THE FORMATION OF STUDENTS' INTEREST
IN READING CLASSICAL LITERATURE AS
A SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL PROBLEM

**EDUCATION
IN THE FIELD
OF CULTURE****160 VARGANOVA G. V., MUTYEV V. A.**

FORESIGHT TECHNOLOGY IN EDUCATIONAL
ACTIVITIES IN INSTITUTES OF CULTURE

**167 BAKLANOVA N. K., BAKLANOV K. V.,
KANAPYANOVA R. M.**

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION
OF SPECIALIST TRAINING

176 NIKITIN V. YU.

PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL CRITERIA
FOR THE SELECTION OF GIFTED CHILDREN
IN CHOREOGRAPHIC ART

184 SPINZHAR N. F., SPINZHAR N. S.

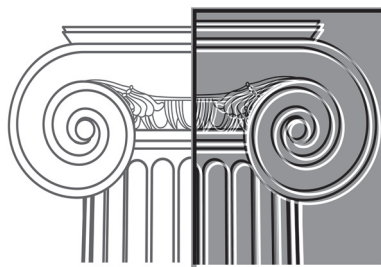
THE RELATIONSHIP OF SOCIAL AND INDIVIDUAL REPRESENTATIONS OF THE PROFESSIONAL ACTIVITY AND SELF-REALIZATION IN STUDENTS OF HIGH SCHOOL

193 GRIGORYEVA E. I., PANKOVA E. I.

STUDENT SCIENTIFIC SOCIETY AS A FACTOR OF PERSONAL-PROFESSIONAL SELF-DEVELOPMENT IN THE SOCIAL AND CULTURAL SPHERE

200 AKHMEROVA A. F.

CREATIVITY AS A WAY OF SELF-REALIZATION STUDENTS

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ И РАЗВИТИЕ ПРОГРАММ ЭТНОТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 304.44:39

Т. В. Пуртова

Государственный Российский Дом народного творчества имени В. Д. Поленова

В статье рассматривается актуальное направление культурной политики – этнотуризм, ориентированный на пропаганду традиционной культуры народов России. Дается описание многочисленных культурных событий в России, организованных Домами (Центрами) народного творчества в различных регионах нашей страны. Раскрываются особенности этнотуристических программ, маршрутов и культурной деятельности молодежных клубов и фольклорных коллективов и их роль в увеличении туристического потока. Автор описывает ещё одно важное направление в развитии туризма – работу по охране, сохранению и популяризации нематериального культурного наследия.

Ключевые слова: культурная политика, народное художественное творчество, нематериальное культурное наследие, этнотуризм, фестивали народного творчества, Государственный Российский дом народного творчества.

T. V. Purtova

The Russian National House of Folk Art's and Amateur Creativity, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury), Sverchkov pereulok, 8/3, 101000, Moscow, Russian Federation

UPDATING OF FOLK ARTS AND AMATEUR CREATIVITY AND DEVELOPMENT OF PROGRAMS OF ETHNOTOURISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the current direction of cultural policy – ethno-tourism, oriented on propaganda of traditional culture of peoples of Russia. There is description of many cultural events in Russia, organized by centers of folk arts in different regions of our country. Readers can make acquaintance with special ethno-touristic programs, routes and cultural activities of youth clubs and folklore groups to increase of tourist flow. The author describes one more important part of work in

ПУРТОВА ТАМАРА ВАЛЕНТИНОВНА – кандидат искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, директор Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова, председатель Российского комитета по сохранению нематериального культурного наследия при Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

PURTOVA TAMARA VALENTINOVNA – Ph.D. (Art Criticism), Professor, Honored worker of arts of the Russian Federation, Head of the Russian National House of Folk Art's and Amateur Creativity, Head of the Russian Committee for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage at Commission of the Russian Federation for UNESCO

the direction of tourism development, it is work in safeguarding, preserving and promoting of intangible multicultural heritage.

Keywords: cultural policy, folk arts, intangible cultural heritage, ethno-tourism, festivals of folk art, the State Russian house of folk art.

Для цитирования: Пуртова Т. В. Актуализация традиционной народной культуры и развитие программ этнотуризма в Российской Федерации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 10–16.

Российская культура во все времена являлась узнаваемым в мире позитивным «брендом» России, а богатейший пласт народных традиций – это одна из наиболее ярких и выигрышных её составных частей. Общеизвестно, что традиционная народная культура способна стать единственным средством сохранения культурного разнообразия в борьбе с глобализацией и ассимиляцией. Отечественный и мировой опыт свидетельствует о том, что забвение народных традиций, их утрата грозят не только распадом этнокультурных связей (в первую очередь – межпоколенных), потерей национального суверенитета, но и в целом образованием чуждых природе этноса аномалий в жизни общества, подчас имеющих тяжёлые, необратимые последствия. Вытесненные из жизни общества как пережитки прошлого многие элементы этнических культур сегодня начинают играть заметную роль как в современном культурном пространстве в целом, так и непосредственно в жизни народов – носителей этих традиций. Всё отчетливее осознаётся задача восстановления и стимулирования естественного механизма передачи, воспроизведения, сохранения культурного традиционного материала на основе его дополнения современными технологиями поддержки и пропаганды. В этом смысле развитие такого направления деятельности, как этнотуризм, является благодатной почвой для Домов

(Центров) народного творчества – уникальной методической системы, успешно работающей в течение многих десятилетий на территории Российской Федерации.

1. Пропаганда традиционной культуры народов России

1.1. Среди разных направлений деятельности в сфере создания туристической привлекательности регионов и поддержки традиционной культуры самыми яркими являются фестивали, выставки, конкурсы народного искусства, регулярно проводимые Домами (Центрами) народного творчества во всех регионах России. Среди таких фестивалей, завоевавших заслуженный авторитет, следует в первую очередь назвать Международный фестиваль фольклора и ремёсел «Садко» в Великом Новгороде, Международные фестивали народного творчества «Золотое кольцо» во Владимирской области, «Двенадцать ключей» – в Тульской области, «Бердемлек» – в Башкирии и «Содружество» – в Ростовской области, «Горцы» – в Республике Дагестан.

Большую известность и значение имеют такие общероссийские художественные акции, как Всероссийский праздник русского танца на приз Т. А. Устиновой во Владимире, Всероссийский фестиваль-конкурс народно-певческих ансамблей «Поёт село родное» в Кирове, Кемерово, Челябинске, Всероссийские фестивали-

конкурсы ансамблей и оркестров национальных народных инструментов «Многоликая Россия», ансамблей и оркестров русских народных инструментов на приз имени Н. Н. Калинина, юных исполнителей народной музыки «У Лукоморья» в Пскове, «Играй, гармонь!» в Иванове, Всероссийский конкурс оркестров русских народных инструментов, Всероссийские конкурсы «Голоса России» в Смоленске, русской песни имени А. Руслановой в Саратове, русской частушки в Брянской области, Российская детская фольклорная Ассамблея в Великом Новгороде и Томске, «Родники России» в Чебоксарах, Всероссийская выставка-конкурс «Русь мастеровая» в Чебоксарах, Иркутске, Челябинске, проект «Русский костюм на рубеже веков» в Ярославле, Всероссийская выставка «Лоскутная мозаика» в Иваново, всероссийские проекты – выставки народных мастеров «Гончары России», «Глиняная игрушка», «Береста России», «Вышитая картина» и многие другие.

1.2. Всё более интересуют туристический бизнес такие календарные обрядовые праздники, как Святки, Рождество, Масленица, Пасха, Троица, Спас, Покров, Сретенье, Сороки, Вербное воскресенье, Петров день, день Ивана Купала в регионах Центральной России, Северо-Запада, Сибири и Урала, а также красочные праздники народного календаря в республиках России, среди них: «Сабантуй» в Татарстане и Башкирии, «Акатуй» в Чувашии, «Обряд первой борозды» в Дагестане и десятки других для почти 190 наций и народностей нашей страны, которые традиционно находятся в ареале деятельности региональных Домов (Центров) народного творчества.

1.3. Большое будущее для увеличения туристического потока в регионах России имеют и наши новые формы фестивальной практики – этнофутуристические проекты и сельские фестивали на открытых площадках. Это масштабные акции – «Мир Сибири» в селе Шушенском Красноярского края, «Русь песенная, Русь мастеровая» в селе Воробьёвка Воронежской области, Бажовский фестиваль в селе Непряхино Челябинской области, Коренская ярмарка в селе Малая Свобода Курской области, «Усть-Цилемская горка» в селе Выльчегорт Республики Коми, этнофутуристический фестиваль «Воршуд» (Святыня рода) на территории музея-заповедника «Лудорвай» в Удмуртии, «Эль-Ойын» в Горном Алтае, «Зов Пармы» в селе Камгорт Чердынского района Пермского края, «Шумбрат, Мордовия!» в Саранске, «Сетомаа» в деревне Сигово Печорского района Псковской области, «Каравон» в Татарстане, каждый из которых собирает на открытых площадках от 2–3 до 50 тысяч зрителей.

Перспективный проект «Свадьба в Обломовке» рождён нашими коллегами в Ульяновске, в ходе представления которого показывается общее и особенное в свадебных обрядах разных народов, и эта тема сегодня становится одной из самых востребованных у молодёжи.

В целом можно сказать, что проводимые фестивали, конкурсы и проекты – это, в большинстве своём, мультикультурные проекты, объединяющие различные жанры традиционной и современной культуры различных этнических групп и национальностей. Целями и задачами таких акций являются не только популяризация новых форм соединения традиционной культуры с современным искусством,

выявление и поддержка самобытных авторов-исполнителей и коллективов, но и интеграция народных традиций в современное культурное пространство, а главное – привлечение в качестве соучастников большого количества зрителей.

Часть из упомянутых проектов уже сегодня представляет собой туристические бренды регионов, как, например, новая жизнь села Шушенского за счёт «Мира Сибири», «Бердемлек» в Башкирии, «Садко» в Великом Новгороде, Международный фестиваль фольклора в Москве, проводимый Государственным Российским Домом народного творчества по Распоряжению Президента Российской Федерации от 2005 года, который Комитет по туризму Москвы с 2013 года включил в перечень приоритетных событий для туристов, посещающих нашу столицу, а в реализованном проекте Пермского края «59 фестивалей 59 региона» каждый фестиваль был включён в туристические маршруты.

Следует учитывать всё возрастающий интерес публики к выставкам-ярмаркам изделий декоративно-прикладного искусства, особенно сопровождаемым мастер-классами того или иного ремесла, открытыми уроками изготовления изделий. Они привлекательны для туристов как сами по себе, так и внутри масштабных фестивалей и праздников.

Основная задача Домов (Центров) народного творчества по трём вышеназванным формам работы – информирование туристических организаций, государственных и коммерческих структур, занимающихся туристическими услугами, о традиционно проводимых в регионе акциях, способных привлечь в качестве зрителей зарубежных и российских туристов.

Информация должна быть насыщена фактами, цифрами, интересными для рядового зрителя подробностями, носить рекламный характер, то есть быть яркой, красочной и доступной для восприятия.

2. Создание специальных туристических программ

2.1. На основе обычаев и обрядов, уникальных традиций и секретов ремесла многие Дома (Центры) народного творчества внедряют специальные программы по обслуживанию внутреннего и международного культурно-познавательного и событийного туризма.

Как один из наиболее удачных примеров сотрудничества с туристической отраслью можно привести Новгородскую область. Здесь Областной центр народного творчества специально для туристов проводит на своей территории Фестиваль раннесредневековой ремесленной культуры на базе Дружинного Дома богатого Новгородского купца, а также «Новгородскую масленицу», «Новгородское вече» или разыгрывает для зрителей – туристов – уникальный спектакль древнерусской народной драмы «Лодка».

Владимирский областной центр народного творчества, начиная с 2007 года, проводит областной туристский фестиваль «Богатырские забавы» во Владимире, Александрове, Гороховце, Муроме, Суздале, Юрьеве-Польском. В Ковровском районе на базе бывшего сельского Дома культуры с. Маринино, в усадьбе Танеевых, создан историко-культурный и музейно-досуговый центр, где только за год проводится 350 мероприятий. Муромский районный Дом народного творчества организовал уже 92 про-

граммы для туристов, Гороховецкий Дом народного творчества и ремёсел – 82, среди которых «Игры на Царском дворе», «Красавицы девицы – умницы мастерицы», «Купеческий разгуляй», «Горохов день», «Праздник самовара» и другие.

Особой популярностью пользуются обряды сватовства и свадьбы по традиционным канонам. Такие программы разрабатываются специалистами-фольклористами с учётом региональных особенностей материала, его соответствия традиции и в то же время с ориентацией на современную аудиторию. Их опыт с успехом могут использовать коллеги из других регионов.

Безусловно, в этом направлении необходимо серьёзное укрепление материально-технической базы, строительство или реставрация домов народной культуры и быта, домов и мастерских фольклора в структуре Домов (Центров) народного творчества, как это уже сделано в Великом Новгороде и Владимире, Иркутске и Нижнем Новгороде, Пскове, постепенно делается в Смоленске, Туле и некоторых других регионах.

2.2. Активное развитие получили в последние десятилетия молодёжные клубы экспериментальной истории и русской культуры, так называемого ролевого движения, что привело к организации большого количества масштабных спектаклей-реконструкций, воссоздающих традиции календарных праздников и военных сражений, изготовления костюмов, восстанавливающих ремёсла, рецепты национальной кухни. Сегодня только в Свердловской области число участников ролевого движения превышает 1,5 тысяч человек, основной их возраст 15–30 лет. Зрителями таких акций являются десятки

тысяч человек. Интересный опыт работы по историческим реконструкциям накоплен в Калининградской области.

2.3. Ещё одной формой этнотуристической деятельности являются самостоятельные или совместно проводимые с музеями программы на территориях музеев-заповедников, музеев деревянного зодчества, музеев традиционной культуры и быта под открытым небом. Яркими примерами могут служить уже упоминавшийся «Лудорвай» в Удмуртии, «Витославицы» в Великом Новгороде, где региональные Дома (Центры) народного творчества проводят экскурсионные и художественно-познавательные маршруты и фестивали. Праздники и обучающие программы по традиционной культуре развиваются в Иркутске, Чувашии, Марий Эл и других регионах. Примером может служить муниципальная программа развития туризма в Шолоховском районе Ростовской области, где совместными усилиями Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова и районного отдела культуры внедрены программы знакомства с традиционным бытом казачества, пользующиеся большой популярностью у посетителей.

К сожалению, иногда представители туристического бизнеса заключают прямые договора с фольклорными коллективами, которые в погоне за коммерческой выгодой обращаются в своём репертуаре к эклектичным образцам, не имеющим ничего общего со своей основой, с реальными этносами и реальными территориями, превращая традиционную культуру в китч.

Поэтому важной задачей становится участие методических служб, специалистов сферы культуры в создании гра-

мотных этнотуристических программ, методическая помощь коллективам, участвующим в их реализации в сотрудничестве с представителями туристического бизнеса, а также активизация сотрудничества с музеями-заповедниками под открытым небом.

3. Популяризация объектов Реестра нематериального культурного наследия народов Российской Федерации

Наглядным подтверждением уникальности нашей страны в сфере традиционной культуры служит тот факт, что в Список шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО были за одно пятилетие внесены от России два объекта – якутский героический эпос «Олонхо» и Культурное пространство и устное творчество семейских – староверов Забайкалья. Факт тем более примечательный, что Российская Федерация до сих пор не ратифицировала Конвенцию по охране нематериального культурного наследия, принятую ЮНЕСКО, и после рассмотрения выше-названных кандидатур пока больше не имела права представлять свои следующие материалы. Однако, начиная с 2010 года, Государственный Российский Дом народного творчества имени В. Д. Поленова совместно с регионами реализует программу

создания общероссийского Реестра объектов нематериального культурного наследия, который на сегодняшний день уже насчитывает свыше тысячи описанных примеров. Список объектов нематериального культурного наследия постоянно пополняется, и места бытования особо ценных его образцов могут стать в перспективе привлекательными для посещения туристами.

Почему площадь Джема-эль-Фна в Марракеше (Марокко), признанную ЮНЕСКО шедевром нематериального наследия, ежегодно посещают миллионы туристов, а о старообрядцах Забайкалья из того же списка сегодня пока знают только сотни, если не десятки человек?

Предложения по разработкам возможных новых туристических маршрутов на основе объектов нематериального культурного наследия народов России становятся одной из задач Домов (Центров) народного творчества регионов.

Таковы современные реалии и перспективные направления деятельности Домов (Центров) народного творчества в Российской Федерации по развитию и совершенствованию культурно-познавательного и событийного туризма – одного из весомых составляющих государственной культурной политики России на ближайшие годы.

Примечания

1. Год культуры 2014. Новые векторы культурной политики : документы и материалы / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Организационный комитет по проведению в Российской Федерации Года культуры ; отв. ред. З. Ф. Драгункина, предисл. В. И. Матвиенко. Москва : Издание Совета Федерации, 2014. 351 с.
2. Народное творчество России на рубеже веков : [сборник] / Министерство культуры Российской Федерации, Государственный Российский дом народного творчества ; [ред.-сост. Л. А. Богуславская, Т. В. Пуртова]. Москва, 2001. 252 с.
3. Основы государственной культурной политики : утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 N 808 [Электронный ресурс]. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf
4. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный

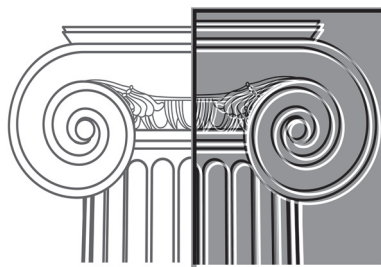
ресурс]: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 г. № 326-р // Гарант.Ру : [веб-сайт]. Электрон. текст. дан. 10 марта 2016. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71243400/>

5. Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений : материалы Всероссийской научно-практической конференции / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Барнаульский юридический институт ; [под ред. Ю. В. Анохина]. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. 185 с.

References

1. Dragunkina Z. F., ed. *God kul'tury 2014. Novyye vektory kul'turnoy politiki : dokumenty i materialy* [Year of Culture 2014. New Vectors of Cultural Policy: Documents and Materials]. Moscow, Publication of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation, 2014. 351 p.
2. Boguslavskaya L. A., Purtova T. V., ed. *Narodnoye tvorchestvo Rossii na rubezhe vekov* [Folk art of Russia at the turn of the century]. Moscow, Publishing House of the Russian National House of Folk Art's and Amateur Creativity, 2001. 252 p.
3. *Osnovy gosudarstvennoi kul'turnoi politiki: utverzhdeny Ukazom Prezidenta RF ot 24.12.2014 N 808* [Fundamentals of state cultural policy approved by Presidential decree of 24.12.2014 N 808]. Available at: static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf
4. *Strategiya gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na period do 2030 goda: utverzhdena Rasporyazheniyem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 29.02.2016 g. № 326-r* [The strategy of the state cultural policy for the period till 2030: it is approved by the Order of the Government of the Russian Federation from 2/29/2016 No. 326-r]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71243400/>
5. Anokhin Yu. V., ed. *Traditsionnaya narodnaya kul'tura kak deystvennoye sredstvo patrioticheskogo vospitaniya i formirovaniya mezhnatsional'nykh odnosheniy. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Traditional folk culture as an effective tool for patriotic education and the formation of international relations. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Barnaul, Publishing House of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. 185 p.

*

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ПРАКТИК И ПРАКТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 130.2

И. М. Быховская

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (ГЦОЛИФК)

В статье рассмотрен процесс формирования такого сегмента культурологического знания, как *прикладная* культурология. Формирование прикладного направления в культурологии было ответом на актуальный социальный запрос, возникший в 1990-е – 2000-е годы в связи с происходившими в обществе трансформациями, необходимостью развития новой культурной политики, укрепления нового типа экономики и т.п. Рассмотрены основные различия фундаментального и прикладного блоков культурологии, их основные характеристики и функциональные особенности. Показана возможность и необходимость выявления культурной составляющей применительно к любому виду социальных практик.

Ключевые слова: культурология, культурологический анализ, прикладная культурология, прикладные культурологические исследования, фундаментальный и прикладной уровни познания, социальные практики, культурные смыслы.

I. M. Bykhovskaya

Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (SCOLIPE),
Ministry of Sport of the Russian Federation, Sireneviy boulevard, 4, 105122, Moscow, Russian Federation

CULTURAL PRACTICES, MEANINGS AND PRACTICAL MEANINGS OF CULTURAL STUDIES

The article considers the process of formation of such a segment of cultural knowledge as *applied* cultural studies. The formation of the applied direction in cultural studies was a response to the urgent social demand that arose in the 1990s and 2000s in connection with the transformations taking place in society, the need for the development of a new cultural policy, the strengthening of a new type of economy, and so on. The main differences between the fundamental and applied blocks of culturalology, their main characteristics and functional features are considered. We tried to substantiate and to show the possibility and the necessity to reveal the cultural component and cultural dimensions of any kind of social practices in the context of cultural analysis.

БЫХОВСКАЯ ИРИНА МАРКОВНА – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (ГЦОЛИФК)

BYKHOVSKAYA IRINA MARKOVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of cultural studies, sociocultural anthropology and social communications, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (SCOLIPE)

e-mail: byk.irina@gmail.com
© Быховская И. М., 2017

Keywords: culturology, culturological analysis, applied culturology, applied cultural studies, fundamental and applied levels of knowledge, social practices, cultural senses.

Для цитирования: Быховская И. М. Культурологические смыслы практик и практические смыслы культурологии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 16–28.

История становления культурологии как самостоятельного блока научного знания в структуре его социально-гуманитарного сегмента не столь велика по продолжительности, как у многих смежных с ней научных дисциплин. Тем не менее сегодня мы уже можем, оглядываясь на несколько десятилетий назад, проследить векторы движения культурологии, заметить «разноокрашенность» этапов её развития – от эйфорических настроений периода становления, через сопротивление тотальному скепсису со стороны «ближайших родственников» (в научно-дисциплинарном смысле) к этапу самоопределения, серьёзных размышлений о сделанном и несостоявшемся, о горизонтах и ориентирах для движения без потери темпа, а лучше – с его наращиванием...

Важным параметром процесса развития каждой науки, несмотря на все их различия, является характер и особенности взаимодействия *различных уровней* знания в рамках *одной* научной дисциплины.

Именно к этому аспекту становления и развития культурологического знания мы обратимся в данной статье, акцентируя внимание на соотношении, сопряжении, взаимодополнении таких его уровней, как фундаментальный и прикладной, что, в свою очередь, диктует также необходимость обратиться к таким целевым ориентациям, как развитие теоретического и практико-ориентированного культурологического знания.

Институционализация культурологии как научной отрасли была стимулирована, подобно процессу становления ряда других наук, как минимум, влиянием двух групп факторов. С одной стороны, собственно *логикой развития* знания о культуре, приведшей на определённом этапе к осознанию необходимости создания своего рода единой «системы координат» в данной области познания; системы, которая бы позволила соотнести, структурировать, обеспечить сопряжённость результатов, полученных на основе «разножанровых» и разновекторных исследований многоликого поля культуры. Однако анализ и понимание лишь *логики познания* той или иной области, ведущей к формированию некоего нового познавательного сегмента, вряд ли будет достаточно для объяснения процесса «отстраивания» культурологии, её позиционирования как самостоятельной науки.

Известно, что для «взятия такой высоты» должна быть ещё и *реальная заинтересованность*, социальная *потребность* в том знании, которое вызывает в научном «парнике».

Применительно к культурологии такая заинтересованность, социальная востребованность, действительно, оказалась благодатным ферментом, послужила мощным стимулом для развития отечественных наук о культуре в целом и для обретения культурологией, в частности, своего институционального статуса в перестроечные 80–90-е годы прошлого века.

В условиях кардинальных трансформаций, происшедших практически во всех областях жизни, в условиях реальных и потенциальных утрат и обретений в самом широком социальном масштабе, вполне объяснима потребность социальных субъектов разного уровня: государства, отдельных групп (политических, экономических, этнокультурных, профессиональных и других), общественных организаций и корпоративных структур – в получении *практически применимого* знания о культурных факторах социальных процессов, о механизмах их объективного влияния, о возможностях целенаправленного использования, манипулятивного блокирования и т.д. – словом, о том, как можно и нужно работать с культурной составляющей глобального социально-тектонического сдвига. Научно фундированные (хотя иногда, к сожалению, и просто наукоподобные) модели рекомендуемой практической деятельности, программы и проекты социокультурного развития, потеснив абстрактно-теоретические построения, заняли заметное место среди продуктов, разрабатываемых и реализуемых специалистами в сфере культуры. Востребованность такого рода продукции была обусловлена необходимостью (и – что не менее важно! – желанием) искать новые подходы и решения в самых разных социокультурных областях – в вопросах государственной культурной политики, при поиске эффективных путей этнокультурного самоопределения, в региональном противостоянии тотальной глобализации, в решении задач по «раскручиванию» кандидатов во время избирательных кампаний, в более частных вопросах, вроде разработки локальных культурно-досуговых технологий, например, для

успешного «тим-билдинга» в пределах отдельной корпорации.

Именно в связи с этим многопрофильным социальным запросом блок прикладных культурологических исследований получил мощный толчок, стимул к интенсивному развитию, да и подпитка (в самом широком смысле) этого научного направления тоже сыграла свою роль. Продукция, созданная в этот период бурного развития прикладных культурологических исследований, в силу многообразия её источников, потребителей и пр., конечно, далеко не вся оказалась на поверхности, не вся доступна для анализа и оценки. Однако, пусть и в весьма ограниченном масштабе, составить представление об этом периоде в развитии прикладной культурологии можно, просто даже обратившись к соответствующим разделам перечней публикаций, диссертаций по культурологии [см., например: 6, 8 и др.].

Все эти процессы стали значимыми обстоятельствами, которые повлияли не только на формирование и развитие *данного направления* в культурологии, но и оказались немаловажными для развития и институционализации культурологии *как таковой*.

Можно вполне обоснованно утверждать: интенсивный количественный рост именно прикладных исследований культурологического профиля, расширение их тематического спектра стали своего рода катализатором процесса оформления культурологии как самостоятельного научного направления в пространстве отечественного социально-гуманитарного знания.

В то же время в сфере прикладной культурологии достаточно быстро обозначилась ситуация «перепутаницы» и размы-

тости. И определялось это не просто тем, что в новую и уже этим привлекательную, становившуюся модной научную область хлынул значительный поток работ, связанных к тем социокультурным практикам, которые традиционно рассматривались, скажем, в педагогическом блоке (социально-культурная деятельность, библиотечное дело и другие). И связано это «смещение жанров» было в значительной степени с тем, что ещё не до конца осознавалось следующее обстоятельство: научно-культурологическая составляющая прикладного исследования обеспечивается не тем, какой социальной практике посвящён анализ, с каким видом деятельности связана решаемая проблема, а *логикой исследовательского движения*: от исходного выявления собственно культурологического аспекта, «среза» изучаемого явления или процесса, через анализ культурных факторов возникновения и развития изучаемой проблемы к построению научно (здесь = культурологически) фундированной модели деятельности, содержащей оценку и обоснование возможности «работы» с данными факторами – их усиления, деструкции и т.п. – для *разрешения* этой проблемы. Таким образом, целевая ориентация здесь – не столько получение результата в виде описания набора операций, методик, приёмов, обеспечивающих соответствующую практику (это лишь «технологическая проекция» научного исследования), сколько выход на модель (социально-конкретную, связанную к «здесь и сейчас»), содержащую культурологическое описание / объяснение проблемных зон изучаемого явления и возможных «точек роста» (а чаще – «точек трансформации»), в соответствии с социальным запросом, заказом, предпри-

санием – словом, с поставленной практической задачей.

Рассмотрим более подробно особенности прикладной культурологии в соотношении с другими блоками данной науки.

Развитие прикладной культурологии, как особого вектора познания культуры и как блока знания о ней, результирующего этот процесс, представлено несколькими, далеко неравноценными по объёму, группами отечественных публикаций.

Попробуем провести их небольшой ретроспективный анализ (соответственно, в списке литературы преимущественно представлены источники периода становления этого блока знания).

Первая группа – это весьма немногочисленные специальные работы, посвящённые базовым характеристикам этой научной области, её методологическим основаниям, структурным, функциональным особенностям и другой научно-дисциплинарной атрибутике. Здесь необходимо назвать такие имена, как М. А. Ариарский, В. Л. Глазычев, Б. С. Ерасов, Л. Г. Ионин, Л. Н. Коган, А. П. Марков, Э. А. Орлова, В. М. Розин, В. В. Савельев и другие¹.

Вторая группа – это существенно более обширный, о чём уже упоминалось, массив публикаций, представляющих разнопредметные и многожанровые прикладные культурологические исследования. Ещё одна группа – это разного рода общекультурологические работы, в которых так или иначе затрагивается вопрос о структуре культурологического знания и

¹ Отметим, что далеко не всегда в названиях работ этих авторов прикладная культурология обозначена напрямую, «в лоб» (это ещё и вопрос постепенности вхождения термина в научный оборот); более существенно содержание, предметность проведённых ими исследований.

в этих рамках – высказывается понимание того, что такое прикладная составляющая этой науки. Наконец, значительный арсенал учебной литературы по дисциплине «Культурология», где, как правило, проблемы прикладной культурологии были либо не представлены вообще, либо упоминались в крайне скудном объёме¹.

Не останавливаясь здесь на особенностях этих групп публикаций, отметим лишь, что в каждой из них присутствует (естественно, с разной степенью рефлексивности и эксплицитности) определённая интерпретация того, что понимается под прикладной культурологией, определённый набор тем и проблем, которые, по мнению авторов, соответствуют этому блоку культурологического знания.

Для того чтобы хотя бы в какой-то мере представить многообразие подходов, выделим некоторые наиболее типичные толкования.

Одним из наиболее распространённых является отождествление прикладной культурологии с разработкой проблем культурной политики и вопросов социокультурного проектирования. Как отмечается, например, в работе Б. С. Ерасова [4], ключевой проблемой прикладной культурологии является решение комплекса вопросов о том, какие параметры социокультурных процессов нуждаются в прогнози-

ровании, проектировании и управленческом регулировании, какие цели при этом должны преследоваться, какие методы и средства употребляться, какие типы объектов культуры и культурных процессов должны избираться в качестве управляемых, на каком уровне и на какой стадии должно осуществляться это управление. Ещё один акцент, присутствующий в ряде работ, связанных с прикладной культурологией, – это выделение такого признака, как ориентированность этой области на создание благоприятной среды для приобщения человека к достижениям мировой и отечественной культуры.

Одна из наиболее устойчиво сохраняющихся интерпретаций прикладной культурологии – понимание данной области как совокупности всего множества социокультурных практик. При этом, по сути, происходит редуцирование определённого уровня научного знания к содержанию непосредственной практической деятельности (чаще всего к её определённым видам – культурно-просветительской, культурно-воспитательной, культурно-управленческой и т.п.). Как и прежде, этот подход присутствует не только в публикациях, выступлениях на конференциях, но и находит свою «объективацию» в ситуациях нового обозначения нередко традиционных видов профессиональной деятельности, связанной со сферой культуры: к примеру, можно нередко услышать про практика-культуролога (то есть как бы представителя той самой прикладной культурологии), который на деле оказывается, скажем, инструктором-организатором в сфере досуга, сотрудником отдела (департамента) культуры в той или властной, корпоративной структуре, аниматором и т.п. Встречалось в публикациях и

¹ Эта ситуация вызывает наибольшие сожаления, поскольку эффективность изучения и усвоения материала дисциплин социально-гуманитарного блока зависит в том числе и от умения профилировать их в соответствии с особенностями профессиональной подготовки студентов. Прикладная культурология в этом отношении даёт замечательные возможности для того, чтобы «проиграть» многие культурологические темы на предметном поле, близком будущим специалистам-технарям, медикам, экологам и т.д.

такое: человек, применяющий научное знание на практике, является носителем прикладной культурологии.

Ещё один довольно распространённый тезис: если исследование направлено на изучение того или иного вида социокультурной *практики* – то это уже достаточное основание, чтобы отнести его к разряду «прикладных». Думаю, что некорректность такого утверждения очевидна для любого специалиста, по крайней мере, в силу его знакомства, скажем, с серьёзными фундаментальными философскими трудами, посвящёнными вопросам практики, да и сегодняшняя культурфилософская мысль активно работает в этой области [см., например: 3]. Поэтому распространённое отождествление любого *изучения практики* (по объекту) с *прикладным* (по характеру) разделом знания, как минимум, не слишком обоснованно.

Конечно, этот культурфилософский уровень осмысления различных видов социокультурной практики чрезвычайно важен как методологический фундамент для последующих трансформационных шагов, обеспечивающих обретение знанием характера прикладного, однако наличие слово «практика» в исходном описании объекта изучения – явно недостаточно для такого перехода.

Обозревая многообразие прикладных исследований, представленных в культурологической литературе, можно отметить постепенную смену тематических трендов. В первой половине 1990-х годов, как уже отмечалось, преобладали работы, посвящённые вопросам социально-культурной работы и культурной политики. Наряду с огромным числом других публикаций, связанных с данными темами, своего рода «собранием сочинений» по этой

тематике является многолетнее периодическое издание Министерства культуры Российской Федерации «Ориентиры культурной политики». Культурная политика и сегодня остаётся одним из приоритетных направлений в прикладной культурологии – несомненно, в силу, прежде всего, высокого уровня её социальной, в том числе государственно-административной востребованности. Что же касается социально-культурной деятельности, то, очевидно, данное словосочетание постепенно утрачивало привлекательность для прикладных исследователей, всё более ориентирующихся на такие предметные поля, как массмедиа, визуальная культура, творческие индустрии, культурный менеджмент, межкультурные взаимодействия и т.д. Хотя, заметим, нередко за титулами исследований, звучащими современно и модно, скрывался традиционный (по подходу и предмету изучения) вектор анализа. Это, вероятно, объясняется, с одной стороны, сохранением в обществе многих устоявшихся видов социально-культурной деятельности, а с другой – сложностями *реального* (а не «титального», номинального) исследовательского вхождения в новые культурные практики, малоизученные в отечественной науке и недостаточно аналитически представленные в переводной литературе.

Очевидное, что самое распространённое и напрашивающееся понимание прикладной науки – это просто *использование знания* на практике. Однако насколько сопрягается такое определение с толкованием прикладной культурологии как одного из разделов *науки* культурологии, наряду с теоретическим и историко-культурологическим? Акцентируем: *культурологии*, то есть знания, концепции, учения

о культуре. Чисто *функциональное* определение прикладной культурологии, отождествление её лишь с процессом *использования* знания, по сути, выводит её за рамки собственно научного пространства, и в таком случае нет никаких оснований рассматривать прикладную культурологию как *составную часть* науки культурологии. В то же время очевидно и то, что без акцентировки этого функционального вектора, без выхода **за пределы** собственно научного процесса, ориентированного по своей сути не на применение, а на приращение знания, невозможно описать специфику *прикладной* науки. В сопоставлении с другими составляющими науки культурологии, эта специфика проявляется, очевидно, в *пограничном характере* прикладной культурологии, который, в свою очередь, связан с особенностями процесса порождения самого этого знания, а именно – с происходящей здесь трансформацией теоретико-*концептуального* культурологического знания в теоретико-*технологическую модель*. Эта модель должна включать в себя (в снятом виде) как исходный теоретический конструкт изучаемого явления (процесса, ситуации), так и сопряжённый с ним базовый сценарий, стратегию действий, адекватную той реальной / гипотетической проблемной ситуации, которая выступает для науки как «вызов» со стороны социальной практики. В этом отношении к этому уровню знания о культуре можно, со всеми условностями, применить уже устоявшийся (в другом контексте) термин «*глокальный*», описывая в данном случае интеграцию **глобального** (культурологического знания) и **локального** (конкретно-проблемного запроса).

Находясь между «теоретическим молотом» и «практикой-наковальной», кон-

цептуально-технологическая модель не может быть простым описанием технологий, методик, операций как таковых; это – пусть и особый, но всё же блок научного знания, соотносимый не только с «внешним» для науки культурологии пространством (в своих функциональных параметрах), но и с её «внутренним» содержанием (с точки зрения структурной соподчинённости). Формируемые затем на этой основе собственно социокультурные технологии, процедуры действия – это следующий шаг, осуществляемый с использованием результатов научного познания, но находящийся уже за его пределами.

Понимание гуманитариев-прикладников как тех, кто переводит идеи в технологии, имеет прямое отношение именно к этой процедуре «выхода», которая условно включает в себе как вектор движения «наука культурология → прикладной культурологический анализ» (сфера ответственности исследователей-прикладников), так и вектор «прикладной культурологический анализ → социокультурные технологии», где существует пространство для самореализации прикладников-технологов. Можно ли это успешно совмещать «в одном лице» – вопрос отдельный, и не только научный.

Определение специфики прикладного культурологического знания осложняется нередко довольно распространённым смешением таких характеристик знания, как «фундаментальное» и «теоретическое», «прикладное» и «эмпирическое».

Как известно, различение *теоретического* и *эмпирического* – это выявление особенностей каждого из *уровней* знания, обусловленных такими характеристиками, как источники их формирования, генезиса, методы построения, степень обоб-

щённости знания, уровень его систематизированности и другими. Когда же стоит задача соотнести *фундаментальное* и *прикладное* знание, то критерием, принципиально значимым для их различения, является, прежде всего, *характер задач*, которые решаются / должны решаться в рамках научно-познавательной деятельности (из чего, несомненно, следуют и различия в средствах их достижения). В случае ориентации на фундаментальность решается задача развития, углубления, приращения *самого знания* как такового; это процесс получения *нового знания* о культуре как целом и о её отдельных составляющих; это приращение теоретически *обобщённого* знания о культурных явлениях и процессах как таковых. Как правило, *двигатель, стимулятор* этого типа познания – сама логика научно-познавательного процесса. Характер *целевой* ориентированности – это ключевое основание для обозначения демаркационной линии между *фундаментальной* и прикладной культурологией. Что же касается соотнесения *теоретического* и прикладного, то ситуация здесь другая: для решения задач прикладного характера знание теоретическое не менее важно, чем эмпирическая база данных, а потому в структуру прикладного анализа полноправно и даже необходимо входит (а не противостоит ему) и теоретический блок. Основная задача прикладного культурологического познания – *научно-стратегическое обеспечение практики* разрешения реальных социальных проблем, которое основано на эффективном *использовании имеющегося теоретического знания* о культурных факторах, механизмах, закономерностях. Мотор, стимулятор этого вида исследовательской деятельности – потребности социальной

практики, её запрос или непосредственный социальный заказ. Такого рода *«внешняя»* ориентированность создаёт и иное понимание *объекта* прикладного культурологического анализа (в отличие от фундаментального) – это может быть *любое социальное явление или процесс*, практическая работа с которыми требует понимания и учёта культурных факторов, механизмов влияния, оценки с точки зрения культуросообразности и т.п.

Конечно, в процессе прикладного исследования тоже может *в итоге* происходить *приращение* культурологического знания (посредством анализа и осмысления новых фактов, явлений, нового «взгляда» на факты известные и пр.), однако эта задача не является здесь имманентной.

Рассмотренные выше характеристики прикладной культурологии относятся, как уже подчёркивалось, к её определению как особой компоненты в структуре культурологического знания в целом. Эти характеристики позволяют говорить об особенностях этого блока знания в соотнесении с другими блоками, интегрированными под общим названием «Культурология». Однако при переходе от описания статуса и специфики прикладной культурологии в этом *научно-дисциплинарном контексте* к рассмотрению отдельных исследовательских векторов в данной области, к реализации продекларированных общих принципов *в контексте отдельных прикладных культурологических исследований* (для краткости, обозначим их как «ПКИ»), возникает необходимость в прояснении и уточнении и некоторых других, связанных именно с этим уровнем анализа вопросов. Один из вопросов, который неизбежно встанет при формировании про-

граммы исследования, – какую выбрать теоретическую, концептуальную основу в качестве отправной точки?

Понятно, что под названием «теории культуры» на сегодняшний день представлена достаточно пёстрая и разножанровая концептуальная мозаика. С одной стороны, множественность интерпретаций культуры обусловлена научно-дисциплинарной дифференциацией (культур-философские, культур-антропологические, культур-психологические и другие подходы). С другой стороны, внутри каждой дисциплины, в большей или меньшей мере связанной с постижением культуры, существует немалое разнообразие между школами, традициями, методологическими основаниями, определяющими характер и результат этого постижения. Наличие богатой теоретико-концептуальной палитры является своего рода барьером, который должен преодолевать исследователь всякий раз, переходя от размышлений о многообразии интерпретаций культуры к формированию стратегии и тактики *конкретного* прикладного исследования. Из всего этого богатого, обобщающего культурологического знания важно выбрать ту парадигму, в рамках которой можно наиболее эффективно решить конкретные задачи исследования.

Естественно, универсального совета для такого отбора не существует – в каждом случае практические целевые ориентации, характер фактологической базы и другие факторы будут влиять на «отсечение лишнего» и акцентировку адекватного в пространстве «концептуальных предложений», известных специалисту-исследователю. Однако очевидно то, что далеко не любые научно-дисциплинарные подходы к пониманию культуры могут «ра-

ботать» в поле прикладной культурологии. Скажем, широко распространённое понимание культуры как мира артефактов, искусственно созданного человеком пространства его бытования. Значимая на уровне *философии* культуры, эта концепция плохо подходит для конкретного анализа конкретного явления в рамках отдельного исследования. А, скажем, знаково-символическая концепция культуры во многих случаях, почти напрямую, может стать методологическим основанием вполне конкретного анализа, если этот подход позволяет выйти на решение содержащихся в нём задач. В этом смысле выбор «опор» – это не столько поиск истинного знания (что, естественно, не отменяется), сколько выбор – из этого истинного – «удобного» в применении, эвристичного для прикладного анализа.

Пустой спор – какая из концепций культуры лучше, правильней. И символическая, и аксиологическая, и иные, достаточно обоснованные, концепции культуры в равной степени важны и нужны; моё же право и даже обязанность, как исследователя, выбрать, в соответствии с решаемой задачей и целью, ту концепцию культуры, которая будет реально работать. Например, когда мы говорим об изучении культурных оснований той или иной социальной практики, то очевидна продуктивность, скажем, *регулятивной концепции* культуры, ориентирующей на выявление ценностно-нормативной «подкладки», определяющей значимые характеристики деятельности любого профиля.

К сожалению, нередко автор, при описании методологических оснований того или иного конкретного исследования (представленных в публикациях, диссертациях, пособиях), без особых селектив-

ных усилий, перечисляет через запятую все известные ему подходы к пониманию культуры как базу для собственного, вполне частного, ограниченного конкретным предметным полем и задачами, анализа. Конечно, можно согласиться с классическим: «лишних знаний не бывает», и все имеющиеся у специалиста – его реальный капитал, который когда-нибудь, где-нибудь да пригодится. Однако неумение распорядиться этим капиталом, в данном случае – сформировать и обосновать теоретико-методологическую базу для конкретного случая, определённых исследовательских целей, по сути, тождественно её отсутствию в качестве *реального* навигатора при формировании стратегии и тактики анализа.

Умение *оперировать* знаниями, то есть отобрать из имеющихся то, что требуется «здесь и сейчас», как известно, важнейший показатель реального профессионализма, что серьёзно отличает такого специалиста от просто «носителя» информации. В этом отношении переход на конкретно-прикладной уровень культурологического анализа с уровня знания концепций и концептов – это не редукция «от сложного к простому», как иногда может показаться, а сложная и творческая работа специалиста-«пограничника», который, по сути, должен быть двуликим Янусом, но не только «смотрящим», но и *прицельно* «видящим» нужное как в теоретическом, так и в практическом горизонтах исследования.

Примечания

1. *Ариарский М. А.* Прикладная культурология : [монография] / Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Ассоциация музеев России. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Эго, 2001. 287 с.
2. *Быховская И. М.* Апология культурологии // Александрова Е. Я., Быховская И. М. Культурологические опыты / Министерство культуры РФ ; Российская академия наук ; Российский институт культурологии. Москва, 1996.
3. *Волков В., Хархордин О.* Теория практик. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 297 с.
4. *Ерасов Б. С.* Социальная культурология : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Социология», «Культурология». 3-е изд., доп. и перераб. Москва : Аспект Пресс, 2000. 591 с.
5. *Ионин А. Г.* Социология культуры. Москва : Логос, 1996. 280 с.
6. Культурология в системе наук и образования. Аннотированный библиографический указатель / под ред. Т. С. Федоровой ; сост. М. А. Кинсбургская. Москва : Российский институт культурологии, 2000.
7. Культурология в теоретическом и прикладном измерениях : материалы межрегионального научно-практического семинара / Министерство культуры Российской Федерации, Научно-образовательный центр Российского института культурологии, Кемеровская государственная академия искусств и культуры ; [редкол.: Г. Н. Миненко (отв. ред.) и др.]. Кемерово ; Москва, 2001. 341 с.
8. Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований : [монография] / Российский институт культурологии, Научно-образовательный центр Российского института культурологии, Институт системных исследований и координации социальных процессов ; [Аванесова Г. А., Аверина М. В., Акопян К. З. и др. ; под ред. И. М. Быховской]. Москва : Смысл, 2010. 640 с.

9. Ориентиры культурной политики. Информационный журнал Министерства культуры РФ. Москва, 1995–2002.
10. Орлова Э. А. Социокультурные проблемы и формы их решения. Парадигмы социального взаимодействия. Москва : ГНИИ семьи и воспитания, 2001. 126 с.
11. Прикладная культурология в контексте научного знания. Библиографический указатель / сост. М. А. Кинбурская. Москва : Российский институт культурологии, 2003.
12. Розин В. М. Прагматический критерий истинности культурологического знания // Науки о культуре – шаг в XXI век : сборник материалов ежегодной конференции-семинара молодых учёных, Москва, 23–24 дек. 2002 г. Москва : Российский институт культурологии, 2003.

References

1. Ariarsky M. A. *Prikladnaya kul'turologiya [Applied Cultural Studies]*. 2nd edition. St. Petersburg, 2001. 287 p.
2. Bykhovskaya I. M. Apologiya kul'turologii [Apology of Culturology]. In: Aleksandrova E. Ya., Bykhovskaya I. M. *Kul'turologicheskie opyty [Cultural Experiences]*. Moscow, Publishing House of Russian Institute for Cultural Research, 1996.
3. Volkov V., Kharkhordin O. *Teoriya praktik [Theory of practices]*. St. Petersburg, Publishing House of European University at St. Petersburg, 2008. 297 p.
4. Erasov B. S. *Sotsial'naya kul'turologiya [Social Cultural Studies]*. 3rd edition. Moscow, Publishing house "Aspect Press", 2000. 591 p.
5. Ionin L. G. *Sotsiologiya kul'tury [Sociology of Culture]*. Moscow, Publishing House "Logos", 1996. 280 p.
6. Kinsburskaya M. A., comp., Fedorova T. C., ed. *Kul'turologiya v sisteme nauk i obrazovaniya. Annotirovanny bibliograficheskiy ukazatel' [Culturology in the system of sciences and education. Annotated bibliographic index]*. Moscow, Publishing House of Russian Institute for Cultural Research, 2000.
7. Minenko G. N., ed. *Kul'turologiya v teoreticheskom i prikladnom izmereniyakh : materialy mezbrezional'nogo nauchno-prakticheskogo seminar [Culturology in theoretical and applied dimensions: materials of the interregional scientific and practical seminar]*. Kemerovo, Moscow, 2001. 341 p.
8. Bykhovskaya I. M., ed. *Kul'turologiya: fundamental'nyye osnovaniya prikladnykh issledovaniy [Culturology: Fundamental Foundations of Applied Research]*. Moscow, Publishing House «Smysl», 2010. 640 p.
9. *Orierty kul'turnoi politiki. Informatsionnyi zbornik Ministerstva kul'tury RF [The guidelines of cultural policy. Information journal of the Ministry of culture of the Russian Federation]*. Moscow, 1995–2002.
10. Orlova E. A. *Sotsiokul'turnyye problemy i formy ikh resheniya. Paradigmy sotsial'nogo vzaimodeystviya [Sociocultural problems and the forms of their solution. Paradigms of social interaction]*. Moscow, 2001. 126 p.
11. Kinsburskaya M. A., comp. *Prikladnaya kul'turologiya v kontekste nauchnogo znaniya. Bibliograficheskiy ukazatel' [Applied culturology in the context of scientific knowledge. Bibliographic Index]*. Moscow, Publishing House of Russian Institute for Cultural Research, 2003.
12. Rozin V. M. Pragmaticheskiy kriteriy istinnosti kul'turologicheskogo znaniya [Pragmaticheskiy kriteriy istinnosti kul'turologicheskogo znaniya]. *Nauki o kul'ture – shag v XXI vek : sbornik materialov yezhegodnoy konferentsii-seminara molodykh uchonykh, Moskva, 23–24 dek. 2002 g. [The science of culture – a step in the XXI century: a collection of materials of the annual conference-seminar of young scientists, Moscow, 23–24 December, 2002]*. Moscow, 2003.

ДОЛГОЛЕТИЕ ТВОРЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ

УДК 008

А. А. Аронов

Московский государственный институт культуры

В настоящей статье вновь поднимается вечно актуальная и всегда значимая проблема – как для креативной личности, так и для цивилизации в целом. В данном случае проблема рассматривается на примере художественной культуры, где амортизация творческих достижений в силу ряда причин протекает особенно интенсивно. Между тем многие открытия в области науки, опять-таки в силу ряда причин, во многих случаях отличаются завидным долголетием, и сегодня остаются в благодарной памяти человечества имена выдающихся физиков, химиков, математиков, биологов, астрономов и многих других учёных. В статье приводятся различные варианты живучести творческих достижений, анализируются конкретные случаи. В качестве индикатора процессов неуязвимости или старения достижений в данном случае выступают оценочные суждения социума о том или ином креативе, прослеживается динамика подобных суждений.

Ключевые слова: творчество, долголетие, субъект творчества, амортизация творческих достижений.

A. A. Aronov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

LONGEVITY OF THE CREATIVE ACHIEVEMENTS

In this article rises eternally relevant and always important problem – both for the creative individuals and for the civilization in general. In this case, the problem is considered on the example of artistic culture, where the depreciation of the creative achievements of a number of reasons is especially intense. Meanwhile, many discoveries in science, again for a number of reasons, in many cases, differ enviable longevity and remain in the grateful memory of mankind the names of prominent physicists, chemists, mathematicians, biologists, astronomers and many other scientists. This article describes the different options for the survivability creative achievements, analyzed specific cases. In this case

АРОНОВ АРКАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – доктор педагогических наук, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой истории и истории культуры социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

ARONOV ARKADY ALEKSEYEVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Full Doctor of Cultural Studies, Head of Department of history and cultural history, Faculty of humanities and social studies, Moscow State Institute of Culture, Honored worker of higher education of the Russian Federation, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation

e-mail: agkazakova@yandex.ru

© Аронов А. А., 2017

as an indicator of the processes of aging the immortality or achievements are the value judgments of the society about a particular creation, traced the dynamics of such judgments.

Keywords: creativity, longevity, creative subject, amortization of the creative achievements.

Для цитирования: Аронов А. А. Долголетие творческих достижений // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 29–38.

Как мы полагаем, рассмотрение проблемы предполагает ряд аспектов: прослеживание долголетия собственно результатов творчества, прослеживание судеб субъектов творчества. Вот в такой органической взаимосвязи нам и хотелось бы посмотреть на заявленную тему. Как велики коррективы, предъявляемые временем к феномену творчества? Как соотносятся между собой коррективы, предъявляемые к тому или иному виду творчества? Возможно ли появление таких творческих достижений, над которыми время не властно? Совершенно очевидно, что, отвечая на эти вопросы, мы не сможем абстрагироваться от субъектов творчества, авторов шедевров и открытий: ведь пока в памяти людей живут эти шедевры, до тех пор продолжается жизнь их создателей. Умирает лишь тот, кто может быть забыт (или уже забыт). Таким образом, время выступает в роли главного эксперта качества, жизнеспособности продуктов творчества. Время решает: что принадлежит лишь одному поколению, одному конкретному, порой совершенно небольшому отрезку времени, либо – что простирается за пределы жизни самой творческой личности, объективно принадлежит последующим поколениям, не поддаётся старению, амортизации, какой-либо корректировке. Аксиоматично, конечно же, то обстоятельство, что в наших рассуждениях идёт речь не просто о времени как факторе бытия, одной из самых глобальных философских категорий.

В данном случае под временем мы понимаем эволюцию оценочных суждений о талантах и их творениях, степень сохранения в памяти поколений творческих явлений прошедших времён, степень востребованности состоявшихся прежде творческих достижений последующими поколениями и новыми этапами развития цивилизации.

Итак, обратимся к одному из аспектов проявления оценочной миссии времени, к глубокому сожалению, самому масштабному аспекту, когда время безжалостно заслоняет собой, скрывает от наших глаз некогда популярных творцов и их некогда яркие достижения. Печальная статистика свидетельствует, что подобная участь весьма скоро постигает большинство творческих судеб, в особенности – в сфере художественной культуры. Изначально заметим, что приведённая закономерность в гораздо меньшей степени распространяется на область науки, затрагивает судьбы учёных и их достижения.

Рассматривая первый аспект проявления корректирующей, оценочной миссии времени, мы обратимся в плане иллюстрации лишь к тем именам, которые некогда блистали, ими восхищались, их прославляли. Но прошли годы, и сегодня некогда блиставшие имена стали фактически достоянием лишь узкого круга специалистов, знатоков, профессионалов. И более того: упомянутый круг с годами постоянно и неизменно сокращается, кумиры прежних лет становятся всё менее осязаемыми

и конкретными, их привлекательность всё больше стирается. Обратимся к конкретным примерам.

Александра Александровича Бестужева (1797–1837, псевдоним – Марлинский) В. Г. Белинский назвал «зачинщиком русской повести». Романтические повести принесли Марлинскому всероссийскую известность, которая, как тогда считали, превзошла даже славу Пушкина. К слову сказать, такого же мнения придерживался известный поэт, литературный и театральный критик Аполлон Григорьев.

Марлинским зачитывались все, его произведения выходили большими по тем временам тиражами, многие его повести инсценировались [5]. Марлинский остался верен романтизму навсегда. Но судьба романтизма в конце 30-х годов XIX века была уже решена. По словам Белинского, Бестужев (Марлинский) «пролетел в литературе ярким метеором, который на минуту ослепил всем глаза и – исчез без следа...» (1847; рецензия на собрание сочинений Бестужева).

Скажем несколько слов о блистательном русском актёре-трагике Алексее Семёновиче Яковлеве (1773–1817), которому удалось добиться невиданных ранее в трагическом репертуаре простоты приёмов и внутреннего напряжения. Яковлев был первым исполнителем на русской сцене ролей в произведениях У. Шекспира (Отелло, Гамлет) и Ф. Шиллера (Карл Моор – «Разбойники»). Во многом права была вдова Яковлева, начертав на памятнике на могиле мужа слова: «Завистников имел, соперников не знал». Однако уже последний период творчества выдающегося трагика отмечен упадком, внутренней неуравновешенностью, утратой строгости формы. Довольно скоро после кон-

чины Яковлева его славу затмят Василий Андреевич Каратыгин (в Петербурге; 1802–1853) и Павел Степанович Мочалов (в Москве; 1800–1848) [6].

Некогда был чрезвычайно популярен французский певец (баритон) Виктор Морель (1848–1923). Он выступал на оперной сцене в 1867–1905 годах, в том числе в Парижской опере (1868, 1879–1894), в театрах Италии, Великобритании, США, а также России (1874–1875, 1878–1879). Морель был первым исполнителем партий Яго, Фальстафа (написаны Верди специально для Мореля), Тонио («Паяцы» Леонкавалло). Певец написал ряд работ, посвящённых оперному исполнительству. Последние два десятилетия своей жизни известный в прошлом певец оказался в тяжёлом материальном положении. Славу Мореля очень быстро превзойдут такие баритоны, как Титта Руффо (1877–1953), Титто Гобби (1913–1984), Джино Беки (р. 1913) [4].

Показательно, что в «Большом энциклопедическом словаре» (Москва, 1998) находим Руффо и Гобби, но здесь нет ни Мореля, ни Беки. Время расставило выдающихся певцов на скрижалях истории. Сегодня о Викторе Мореле знают немногие. Вместе с тем записи голоса Руффо и Гобби и поныне популярны, продолжают волновать слушателей.

Но бывает и так, что время – строгий экзаменатор творческих достижений, *сохраняя память о творцах*, всё же вносит некоторые коррективы в устоявшиеся оценки, по-новому расставляет акценты в творческих судьбах. Так, в течение нескольких десятилетий великий итальянский певец (тенор) Энрико Карузо (1873–1921) стоял, казалось бы, на недосягаемом для других певцов пьедестале,

считался «королём» всех теноров мира. Однако в дальнейшем, в связи с появлением других выдающихся вокалистов, эпитеты, связанные с Карузо, будут корректироваться. Примечательно, как назвал свои мемуары выдающийся итальянский певец (тенор) Беньямино Джильи (1890–1957): «Я не хотел жить в тени Карузо» [1].

В этих мемуарах находим строки: «После дебюта в Метрополитен меня вызывали тридцать четыре раза. Тридцать четыре раза я выходил на сцену. На следующее утро Гатти-Казацца¹ продолжил мой контракт ещё на три месяца². Карузо прислал мне великодушное поздравление. Потом кто-то принёс внушительную кипу невероятно толстых газет. Один из заголовков “Диспетча” гласил: “Тенор со странным именем встал *рядом с Карузо*” (курсив наш. – А. А.). Нью-йоркские газеты, несмотря на довольно сдержанный и солидный тон, были тем не менее гораздо более восторженными, чем я ожидал... “Сан” считала, что “Джилли очень похож на Карузо в молодости”. Макс Смит поместил в “Нью-Йорк Америкен” описание моей манеры петь...: “Голос Джильи – лирический тенор, особенно тёплый и мягкий в среднем регистре, – отличается красотой тембра, замечательно гибкий, изысканный, когда он поёт *mezza voce*, полный и звучный, когда он поёт во всю силу. И сам по себе голос Джильи – один из самых прекрасных теноров, какие только слышал Нью-Йорк после Карузо... [1]».

¹ Гатти-Казацца Джулио (1869–1940) – итальянский театральный деятель; в 1908–1935 годах – директор нью-йоркского театра Метрополитен.

² Примечательно, что дебют Джильи в театре «Метрополитен» состоялся 26 ноября 1920 года, то есть в то время, когда Карузо находился в той же труппе.

Мы видим, что музыкальные критики США (а потом и всего мира) фактически ставили Джильи в *один ряд* с Карузо, правда отдавая при этом пальму первенства великому неаполитанцу. Пройдут годы, и на оперную сцену выйдет новая плеяда выдающихся теноров – Марио Ланца (1921–1959), Марио Дель Монако (1915–1982), Лучано Паваротти (1935–2007), Пласидо Доминго (р. 1941), Хосе Каррерас (р. 1946), Владимир Атлантов (р. 1939), Карло Бергонци (1924–2014), Юсси Бьёрлинг (1911–1960), Джузеппе Ди Стефано (1921–2008), Николай Гедда (1925–2015). И постепенно будет происходить переоценка ценностей временем.

Да, конечно, Карузо – великий певец. Но теперь его постоянно стали сравнивать с другими тенорами, и далеко не всегда сравнение делается в пользу «короля теноров». Так, по мнению музыкальных критиков, Паваротти исполнял партии Ричарда («Бал-маскарад» Дж. Верди) и Рудольфа («Богема» Дж. Пуччини), по крайней мере, не менее интересно, нежели Карузо. Тот же вывод был сделан критикой в отношении Марио Дель Монако (партии Отелло и Хозе – в операх Верди и Бизе), Владимира Атлантова – после исполнения им партии Отелло («Отелло» Верди). Самые лестные отзывы от критики заслужил П. Доминго.

Показательно, что в память о великом неаполитанце были выпущены художественные полнометражные фильмы: «Великий Карузо» (1950; США, Голливуд, киностудия «Метро-Голдвин-Майер»), «Молодой Карузо» (Италия). В американском фильме, триумфально прошедшем по экранам всего мира, играет и поёт «за Карузо» один и тот же человек – Марио Ланца. В итальянском фильме за экраном также звучит голос Марио

Дель Монако. Таким образом, общественное мнение подошло к такому рубежу, когда было признано правомерным играть и *петь* (что самое главное и принципиальное) за Карузо. В своей книге «Великий Ланца» Муслим Магомаев пишет: «Больше всего было удивления от поразительного сходства Ланца с образом Карузо. Киномузыкальный мир пронзило шоком: никто никогда не верил в такое. Образ великого певца считался недоступным для воплощения. Здесь две опасности: либо утрирование, либо примитив. Певческий и актёрский талант Ланца убедил в другом: оказывается, можно иначе. Марио подтвердил свою миссию на земле в роли “наместника” великого Карузо. Эти, казалось бы, фантастические слова теперь обретали реальный смысл. Для миллионов людей Марио Ланца после выхода фильма стал зримым Энрико Карузо. Великим Карузо наяву [3]».

Нелишне заметить, проследивая корригирующую миссию времени, что и по сей день нет ни одного (!) художественного, игрового, полнометражного фильма, посвящённого Фёдору Шаляпину.

Не родился пока человек, который осмелился бы петь и играть «за Шаляпина». И хотя Шаляпин умер в 1938 году, тем не менее время, аккумулировавшее в себе оценочные суждения многих поколений, по-прежнему сохраняет великого русского певца на недосягаемом для всех пьедестале. И сегодня сравнение выдающихся басов нашего времени с Шаляпиным объективно выглядит не только кощунственным, но и просто нелепым.

Факты свидетельствуют о том, что корректировка временем сложившихся представлений, оценочных суждений о талантливых людях в основном осуществля-

ется в направлении заметного последовательного понижения оценочной планки. В случае с Виктором Морелем (первый вариант корректировки временем) подобное понижение планки можно считать абсолютным: певец фактически был забыт ещё при жизни. В случае с Энрико Карузо (второй вариант корректировки временем) певец, как и прежде, на пьедестале, он не забыт, о нём много пишут, тиражируются записи его голоса. Вместе с тем Карузо всё чаще сравнивают с другими тенорами, интерпретация той или иной оперной партии великим (*и сегодня великим*) неаполитанцем фактически перестала быть канонической, непререкаемой.

В то же время, как свидетельствуют факты, есть и третий вариант корректировки временем, вариант редкий, не имеющий широкого распространения.

Речь идёт о тех случаях, когда с течением времени оценочная планка начинает неуклонно подниматься, талант оценивается выше, чем он был оценён современниками. В плане иллюстрации мысли обратимся к конкретным примерам.

При всём том, что похороны А. С. Пушкина превратились в национальную манифестацию, тем не менее гигантские масштабы творческой личности Пушкина не были оценены по достоинству его современниками. Мы уже говорили о том, что творчество Александра Бестужева (Марлинского) в 30-е годы XIX века в России ставилось выше Пушкина. Более того, в широких кругах российского общества получило распространение совершенно невозможное для нас мнение: «Пушкин исписался, исчерпал себя». Хорошо известно то потрясение, которое испытала специальная комиссия, созданная для ознакомления с черновыми

бумагами Пушкина. Обнаружилось, что Пушкин был полон творческих замыслов. Обнаружилось и другое: черновых записей оказалось очень много, в известном смысле слова Пушкин был в литературе «чернорабочим», быстрота и лёгкость написания произведений, видимо, были кажущимися. И, наконец, в-третьих, выяснилось: многие черновые записи Пушкина, содержащие забракованные им варианты стихов, по своему качеству превосходили уже опубликованные стихи многих поэтов. Иными словами, требовательный Пушкин в поисках оптимального варианта нередко отказывался от шедевров. Ещё раз подчеркнём: такого Пушкина комиссия явно не представляла, хотя в составе комиссии (помимо жандарма Дубельта) находился друг Пушкина и его семьи – известный поэт В. А. Жуковский. Пройдут годы, и уже новыми поколениями будет открыт Пушкин-философ, историк, художник, переводчик и т.д. И окажется, что творческий диапазон Пушкина феноменален. И откроется, что «простота» пушкинской поэзии и прозы иллюзорная. И выяснится, что Пушкин открыл своим творчеством эпоху в русской культуре. Именно Пушкину, первому из деятелей отечественной культуры, был открыт памятник в центре Москвы, на Страстной площади, в 1880 году. Если Пётр I заставил мир считаться с Россией как государством, то Пушкин объективно заставил мир признать русскую культуру. Не забудем и того обстоятельства, что вольно или невольно Пётр нанёс русской культуре страшный удар, от которого её лихорадило в течение всего XVIII века, и было не ясно: сохранится ли русская культура как самобытная, оригинальная. Позитивный ответ о сохранении русской культуры даст именно Пушкин.

Одним из первых эту реальность признал из своего далека А. И. Герцен: «Россия ответила на вызов Петра колоссальным явлением Пушкина». Ссылка на Герцена тем более примечательна, что философ, писатель, революционер был современником Пушкина. Вывод Герцена – один из самых первых по времени, в котором личность Пушкина измеряется адекватным масштабам. И впоследствии русский национальный гений не только не утратит своей привлекательности, но будет вызывать всё больший интерес.

Показательно, что в отечественном литературоведении самое массовое, представительное направление – пушкиноведение, развиваемое многими авторитетными исследователями (П. И. Бартнев, П. В. Анненков, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Ю. М. Лотман, Д. Д. Благой, В. В. Вересаев, В. Ф. Ходасевич, П. Е. Щеголев, А. А. Ахматова, С. М. Бонди, С. С. Гейченко, Б. С. Мейлах, Н. Н. Скатов, Л. А. Черейский, И. А. Новиков, С. Л. Абрамович, И. Л. Фейнберг и другие. А когда наступит после Октября 1917 года «исход России из России» и начнётся в экстремальных условиях жизнь первой послеоктябрьской эмигрантской волны (1917–1939), имя Пушкина во всех уголках русской диаспоры будет восприниматься как русский пароль в изгнании.

200-летний юбилей со дня рождения А. С. Пушкина (1999) был торжественно отмечен в России на государственном уровне. Как и прежде, сочинения Пушкина выходят в нашей стране большими тиражами. Ежегодно, в феврале, отмечаются дни памяти национального гения. И каждый год телевидение транслирует многолюдный митинг из города на Неве – возле дома на Мойке, где умер Пушкин.

Вглядимся в лица тех, кто пришёл почтить память поэта: такое ощущение, что трагедия случилась сегодня, на лицах многих видны слезы, люди прощались с близким, дорогим человеком. Время не только не стёрло память о А. С. Пушкине, но и ещё более подняло его в глазах россиян.

Аналогичную миссию времени, связанную с ещё более высокой оценкой творческой личности в истории, мы прослеживаем и на примере видного советского педагога Антона Семёновича Макаренко (1888–1939). Как известно, Макаренко при жизни подвергался необоснованной критике как со стороны Наркомпроса Украины, так и со стороны Наркомпроса России (в лице Н. К. Крупской, совершенно не признававшей Макаренко). При жизни Антона Семёновича и после его смерти в СССР неоднократно проходили диспуты и конференции под рубрикой: «Нужен ли нам Макаренко?» Травля выдающегося педагога тем более вызывает возмущение, что Колония имени А. М. Горького и Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского под руководством Макаренко стали образцовыми воспитательно-трудовыми учреждениями, с именем А. С. Макаренко связаны многие приоритеты в мировой педагогике, по числу переводов педагогико-художественных произведений на языки ведущих стран мира Макаренко стоит на первом месте среди всех педагогов мира. Таким образом, в наши дни уровень оценочных суждений о педагоге не только не понизился, но стал ещё выше. Опальный педагог вопреки всему был признан всем цивилизованным миром. Парадокс в данном случае заключается в том, что на Украине, в России и Республике Беларусь, с которыми была связана деятельность Макаренко, педагог и сегодня оценивается

более чем скромно, его работы не переиздаются, о самом педагоге почти ничего не пишут и не говорят. Вместе с тем во многих странах мира А. С. Макаренко чрезвычайно популярен, его педагогическое наследие постоянно издают, его принципиальные идеи учитывают в современной педагогической практике. В ряде стран, в отличие от России, Украины, Беларуси, давно уже созданы и плодотворно работают макаренковские научно-исследовательские центры, на базе которых организуются встречи макаренковедов, публикуются работы Макаренко.

Самый первый подобный центр был организован в Марбурге (Германия, земля Гессен). В первые годы работы этого центра им руководил немецкий макаренковед Фрезе, затем – Хиллиг. Показательно, что в 1988 году, объявленном ЮНЕСКО годом А. С. Макаренко (столетие со дня рождения), в СССР было выпущено 8-томное собрание сочинений Макаренко, а в это же время в Германии, на базе Марбургского центра, вышло 22-томное собрание сочинений педагога. Немецкие макаренковеды уверены: Макаренко удалось создать педагогику будущего.

Итак, мы рассмотрели уже три варианта корригирующей миссии времени по отношению к талантам и их созданиям: время стирает память о таланте (первый вариант, наиболее распространённый), время ещё больше возвышает талант (второй вариант, относящийся к немногим лицам), третий вариант сводится к тому, что время сохраняет память о таланте, но уже не признаёт его феноменальной исключительности. Однако есть и другие варианты. Один из них заключается в том, что уровень оценочных суждений в отношении таланта практически остаётся без из-

менений, на достаточно впечатляющей высоте. «Когорта славных» в данном случае не очень велика, что представляется совершенно естественным.

Получается так, что меняются времена, приходят новые поколения людей, появляются новые таланты, корректируются оценки талантов и их созданий, но не меняется отношение к героям прежних лет. Безусловно, примеры с Пушкиным и Макаренко родственны этому варианту, поскольку оценочная планка со временем не только не понижается, но имеет очевидную тенденцию к повышению.

Кем же представлена рассматриваемая когорта? Мы убеждены, что здесь находятся такие титаны, как У. Шекспир, Дж. Верди, В. А. Моцарт, Микеланджело Буонарроти, Леонардо да Винчи, Рафаэль Санти, П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков, В. М. Васнецов, В. А. Серов, А. А. Иванов, А. Н. Островский, А. Н. Скрябин, О. Роден, П. Рубенс, Рембрандт Харменс ван Рейн и другие.

В самом деле, оперы великого Джузеппе Верди популярны и сегодня, хотя маэстро умер ещё в 1901 году. И сегодня на крупнейших оперных сценах мира идут «Отелло» и «Фальстаф», «Аида» и «Травиата», «Дон Карлос», «Бал-маскарад», «Набукко» и «Трубадур», «Риголетто» и «Сила судьбы», «Эрнани» и «Сицилийская вечерня», и другие. А перед миланским оперным театром «Ла Скала» стоит памятник оперному гению.

По общему мнению музыковедов, музыкальных критиков, оперы Дж. Верди – прекрасная школа для вокалистов, великолепное средство для формирования эстетических чувств, вкусов и потребностей.

По аналогии мы точно так же говорим о пьесах Шекспира, хотя сам автор

скончался несколько столетий назад, ещё в 1616 году. Тем не менее Шекспир дорог и сегодня, и мир его героев никак не является для нас анахронизмом. В самом деле, во многих театрах мира и сегодня ставятся такие пьесы великого англичанина, как «Ромео и Джульетта», «Ричард III», «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет», «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра», «Укрощение строптивой», «Сон в летнюю ночь», «Много шума из ничего» и другие.

Драматургия Шекспира создавала и создаёт прекрасные возможности для раскрытия актёрских дарований. Так, блестяще проявили себя в роли Гамлета англичане Лоренс Оливье (1907–1989) и Пол Скофилд (1922–2008), русские Павел Мочалов (1800–1848), Александр Ленский (1847–1908), Василий Качалов (1875–1948), Иннокентий Смоктуновский (1925–1994).

Многие пьесы Шекспира были экранизированы («Гамлет», «Укрощение строптивой», «Двенадцатая ночь» и т.д.), многие – переложены на музыку, например, оперы Верди «Отелло» и «Фальстаф», Амбруаза Тома «Гамлет» (у него же балет «Буря» – по одноимённой романтической драме Шекспира). На сюжет «Ромео и Джульетта» были написаны опера Шарля Гуно и балет Сергея Прокофьева. У Гектора Берлиоза находим оперу «Беатриче и Бенедикт» (по комедии Шекспира «Много шума из ничего»), симфонию «Ромео и Джульетта», увертюру «Король Лир». В целом же надо признать, что общее число произведений Шекспира, переложённых на музыку, бесконечно, а авторами выступают, как мы убедились, выдающиеся композиторы.

Не снижается интерес к пьесам великого русского драматурга Александра

Николаевича Островского. По сути дела, почти все пьесы Александра Николаевича идут и сегодня в российских театрах, пользуются, как и прежде, любовью зрителей – «Гроза», «Волки и овцы», «Бешеные деньги», «Свои люди – сочтёмся», «Доходное место», «Бесприданница», «Лес», «Таланты и поклонники», «Без вины виноватые», «Снегурочка», «Правда – хорошо, а счастье лучше» и другие. Именно на пьесах Островского сформировались две старейшие российские театральные династии – Садовских и Бороздиных-Музилей-Рыжовых. В пьесах Островского, помимо представителей указанных династий, блистали такие выдающиеся отечественные актёры, как М. С. Щепкин, М. Н. Ермолова, А. А. Яблочкина, Е. Д. Турчанинова, И. В. Ильинский, М. И. Жаров, М. И. Царёв, Т. И. Пельтцер, Е. Н. Гоголева, А. К. Тарасова, И. М. Москвин, А. Н. Грибов и многие другие.

Говоря о неиссякаемом интересе зрительских поколений к Островскому, заметим, что перед фасадом Малого театра стоит памятник драматургу (установлен в 1929 году, скульптор Н. А. Андреев). В 1948 году бывшая улица Малая Ордынка (здесь, в доме № 9, родился Островский) получила имя драматурга. Показательно, что в Москве есть и улицы, названные в честь актёров Малого театра, блиставших в пьесах Островского: Щепкина (с 1962 года; бывшая 3-я Мещанская ул.), Ермоловой (с 1956 года; бывший Б. Каретный пер.), пер. Садовских (с 1939 года; бывший Мамоновский пер.).

Усадьба А. Н. Островского – Щелыково в Костромской области – давно превращена в музейный комплекс. К слову сказать, здесь и скончался Островский, здесь он и похоронен.

Иллюстрируя нашу мысль «времени вопреки», скажем несколько слов о гениальном русском певце Фёдоре Ивановиче Шаляпине. На картине польского художника Тадеуша Стыка (1912 года) за круглым столом сидят три великих оперных артиста: Фёдор Шаляпин (бас), Энрико Карузо (тенор), Титта Руффо (баритон). По общему мнению знатоков оперного искусства, на то время, когда писалась картина, к этому трио «подрисовать» четвёртого вокалиста было совершенно невозможно. Пройдут годы, и время уточнит масштабы каждого из трёх, сидящих за столом. Напомним, что Карузо умер в 1921 году, Шаляпин – в 1938, Руффо – в 1953. И хотя в книге выдающегося итальянского певца Джакомо Лаури-Вольпи (1892–1979) «Вокальные параллели» [2] всем трём знаменитостям автор нашёл параллель для сравнения (Карузо – Де Лючия, Руффо – Беки, Шаляпин – Росси-Лемени), всё же согласимся с тем, что сравнение в принципе посредственного баса Росси-Лемени с гениальным Шаляпиным не просто некорректно, но кощунственно.

Показательно, что Росси-Лемени уже давно отодвинут в тень истории, на сегодня – это совершенно забытое имя. Сделаем две оговорки в связи с непоследовательностью Лаури-Вольпи. Найдя каждому из трёх великих певцов параллель, автор вместе с тем в той же работе пишет: «Подобно Карузо среди теноров и Титта Руффо среди баритонов, Шаляпин стал басом-эталоном, и его имя облетело континенты [2]». Между тем себя Лаури-Вольпи относит к голосам, не имеющим параллелей (!?) [2].

Время оценки Лаури-Вольпи скорректировало. Действительно, оказалось, что можно сравнивать Карузо с другими те-

норами, как и Руффо – с другими баритонами (Беки, Баттистини, Гобби, Каппучилли, Хворостовский). Вместе с тем выяснилось, что и по сей день сравнивать Шаляпина с кем-либо из басов просто невозможно. Показательно, что некоторое время три выдающихся болгарских баса – Михаил Попов (1899–1978), Борис Христов (1914–1993), Николай Гяуров (1929–2004) – носили, каждый в отдельности, неофициальный титул «второй Шаляпин». Однако в дальнейшем время отнимет у каждого из них этот титул. Мы уже говорили о том, что пока не создано ни одного полнометражного художественного фильма о

Шаляпине. В Москве, Казани, Петербурге работают Шаляпинские музеи. Ежегодно в феврале на родине Шаляпина, в Казани, проходят Шаляпинские фестивали, собирающие выдающихся певцов. Тиражируются записи шаляпинского голоса. В Центральном музее имени А. А. Бахрушина, Музее истории музыкальной культуры имени М. И. Глинки проходят циклы вечеров, посвящённых русскому гению.

Шаляпин не устарел и в XXI веке, он также современен, неожиданен, нов, как и прежде. Между тем способность не устаревать – это удел Великих, время над ними не властно.

Примечания

1. *Джилли Б.* Я не хотел жить в тени Карузо / [пер. с итал. И. Константиновой]. Москва : Классика-XXI, 2001. 292 с.
2. *Лаури-Вольпи Дж.* Вокальные параллели / перевод с итал. Ю. Н. Ильина ; [вступ. статья Ю. Барсова]. Ленинград : Музыка. Ленингр. отд-ние, 1972. 303 с.
3. *Магомаев М.* Великий Ланца. Москва ; Баку : Музыка : Шур, 1993. 206 с.
4. Музыкальный энциклопедический словарь / Г. В. Келдыш (ред.). Москва : Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
5. Русские писатели. XIX век. Биобиблиографический словарь. В двух частях. Часть 1. А–Л / под редакцией П. А. Николаева. 2-е издание, доработанное. Москва : Просвещение ; Учебная литература, 1996. 448 с.
6. Русский драматический театр : энциклопедия / под общ. ред. М. И. Андреева [и др.]. Москва : Большая российская энциклопедия, 2001. 565 с.

References

1. Dzhil'I B. *Ya ne khotel zbit' v teni Karuzo [I didn't want to live in Caruso's shadow]*. Moscow, Publishing House "Classica 21", 2001. 292 p.
2. Lauri-Vol'pi Dzh. [Lauri-Volpi Giacomo] *Vokal'nye paralleli [Vocal parallels]*. Leningrad, Publishing house "Music", 1972. 303 p.
3. Magomaev M. *Velikii Lantsa [Great Lanza]*. Moscow, Baku, Publishing house "Music", 1993. 206.
4. Keldysh G. V., ed. *Muzykal'nyi entsiklopedicheskiy slovar' [Musical encyclopedic dictionary]*. Moscow, Publishing house of Soviet encyclopedia, 1990. 672 p.
5. Nikolaev P. A., ed. *Russkie pisateli. XIX vek. Biobibliograficheskiy slovar' . V dvukh chastyakh. Chast' 1. A–L [Russian writers. 19th century. Biobibliographic dictionary. In two parts. Part 1. A–L]*. 2nd edition. Moscow, Publishing House "Prosveshchenie", 1996. 448 p.
6. Andreev M. I. and others, ed. *Russkii dramaticheskii teatr: entsiklopediya [Russian drama theater: encyclopedia]*. Moscow, Publishing house of the Great Russian encyclopedia, 2001. 565 p.

*

М ЕДИАФИЛОСОФИЯ КАК МЕХАНИЗМ «МАШИНЫ АБСТРАКЦИЙ» И НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ «НОВОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ»

УДК 009:304

В. А. Ремизов, А. Н. Коробкина

Московский государственный институт культуры

В статье авторы резюмируют появление особого рода «рациональной рефлексии» – медиа-философии. Отмечается, что «мировой цифровой сдвиг» модифицирует формы чувственного восприятия, визуальной репрезентации, формы межличностной коммуникации, что изменяет архетипичные структуры человека и матрицы пространственно-временных отношений в общественных практиках. В статье рассмотрены основные понятийные модели медиафилософии в европейской и отечественной научной мысли. Делается вывод, что предметом медиафилософии является медиакультурная реальность, заданная новыми технологиями и включающая человека как условие, средство и цель коммуникации.

Ключевые слова: медиа, медиакультура, медиакультурное пространство, рациональная рефлексия, коммуникация, медиафилософия, постмодернизм.

V. A. Remizov, A. N. Korobkina

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

MEDIA PHILOSOPHY AS THE MECHANISM OF THE “MACHINE ABSTRACTION” AND A CARRIER OF CULTURE “NEW RATIONALITY”

The article the authors summarize the emergence of a special kind of "rational reflection" – of mediaphilosophy. It is noted that "the global digital shift" modifcare forms of sense perception, visual representation, forms of interpersonal communications that change archetypical structures

РЕМИЗОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и международного культурного сотрудничества социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

REMIZOV VYACHESLAV ALEKSANDROVICH – Full Doctor of Cultural Studies, Professor of Department of cultural studies and international cultural cooperation, Moscow State Institute of Culture, Honored worker of higher education of the Russia

КОРОБКИНА АННА НИКОЛАЕВНА – соискатель кафедры культурологии и международного культурного сотрудничества социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

KOROBKINA ANNA NIKOLAEVNA – doctoral student of Department of cultural studies and international cultural cooperation, Moscow State Institute of Culture

e-mail: shupik49@mail.ru

© Ремизов В. А., Коробкина А. Н., 2017

and the matrix of spatial – temporal relations in social practices. The article considers the basic conceptual model of mediaphilosophy in European and domestic scientific thought. The conclusion is that the subject of mediaphilosophy is mediaculture reality, given new technologies and incorporating person as the condition, means and purpose of communication.

Keywords: media, media culture, mediaculture space, rational reflection, communication, media philosophy, postmodernism.

Для цитирования: Ремизов В. А., Коробкина А. Н. Медиафилософия как механизм «машин абстракций» и носитель культуры «новой рациональности» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 39–47.

Современность обусловлена тенденциями становления и развития информационного общества, что выражается в идентификации информационно-коммуникативных взаимодействий. Это привнесло в социальную среду медийные средства и способствовало созданию нового типа культуры – медиакультуры [6, с. 85]. Она связана с медиасредой и представляет собой пространство множества взаимодействий, включающих в себя прессу, телевидение, кино, радио, Интернет и пр.

Разноаспектные исследования медиа в воспроизводстве, саморегуляции и самопроектировании социума во времени и пространстве приобретают сегодня всё большее значение. Это непосредственно связано с технократическим фактором – развитием цифровых средств и практик информационного взаимодействия. Они превратили массмедиа во включённое звено эволюции социальных форм жизни. Так, исследователь современной цивилизационной динамики М. В. Силантьева отмечает, что культуры «... уходят со сцены мировой истории» совсем не потому, что их технологии недостаточно развиты или у них нет социального «запаса прочности», а потому, что исчерпан «“запас прочности души” данной культуры [8, с. 175]». В то же время развитие цифрового семиозиса сделало очевидным, что любое средство, играющее роль медиума в обществе, обладает

способностью порождать свои структурные и смысловые пространства.

Цифровые гаджеты стали множиться современными технологиями неограниченно и формировать самые новые, неожиданные и сложные пространственно-временные и организационно-коммуникативные альянсы. Это позволило сформировать открытое поле «мирового виртуального амфитеатра» (Л. В. Нургалева), позволяющего с удалённых «трибун» (мониторов компьютеров, сотовых телефонов, коммуникаторов, телеэкранов и т.д.) наблюдать за конкурентной борьбой образов, идей, знаков, символов, ритуалографики, нормотворчества и включаться в неё при необходимости без промедления.

Современные медиасредства всесторонни в своём порождении семиосферы. Растущая мощь медиа привела к тому, что они превратились в одно из важнейших средств конструирования социокультурной реальности и её массовых образов. Однако, несмотря на то, что цифровые пространства современной культуры развёрнуты для творческого самовыражения, свободных замыслов, коммуникационных игр, личностной самопрезентации, гибкого достраивания ускользающих «убежищ смысла», понимание роли медиа в создании «новой рациональности» и развитии рефлексивных форм культуры пока остаётся нераскрытым [9, с. 237].

Поскольку мировоззренческая картина мира, её образ неразрывны с субъектом её конструирования, то ясно, что секреты современной социальной онтологии кроются в цифровых посредниках её конструирования.

Поток разнообразных форм знаковых интерпретантов в цифровой культуре является беспрецедентным и выражается в многообразии презентационных, имитационных, фантазийных моделей цифровой мультимодальной среды. Это, соответственно, ведёт к изменению матриц социальных репрезентаций, выражающих понимание особенностей организации пространственно-временных отношений в культуре.

Однако «цифровой сдвиг» связан не только с модификацией форм чувственного восприятия, визуальной репрезентацией, формами коммуникации и сетевого взаимодействия, но сказывается и на антропологическом сдвиге – изменении глубинных архетипических структур человека. Известно, что эти априорные структуры предзадают многообразие проектов виртуализации, и каждая из них в той или иной степени связана с проекциями матриц пространственно-временных отношений (топологические, проекционные, координационные аспекты) на сознание современного человека.

Как полагают сегодня психологи и антропологи, программы преодоления ограничений, наложенных телесностью человека, принимают форму религиозного поклонения «идолам» цифровой коммуникации, порождающим виртуальные проекции современных цифровых грёз. Указанные коммуникационные, визуальные и антропологические сдвиги порождают онтологическую и гносеологическую ситуацию,

подрывающую внешний реализм традиционной философии.

Всё это – совершенно новое в культурном осмыслении пространства реальности. Однако и современный онтологический и гносеологический скептицизм, или агностицизм, порождаются определённой ситуацией социального бытия, в которой цифровая коммуникация приобрела субстанциальное и самодовлеющее значение. Для экспликации этой ситуации необходимы не просто определённые формы сознания, но и формы рефлексивного самосознания. Такой формой выступает сегодня медиафилософия. Данная форма сознания связана непосредственно с медиакультурным пространством.

Один из зачинателей теории медиа в отечественной философии В. В. Савчук, соглашаясь с мнением декана философского факультета Санкт-Петербургского университета Ю. Н. Солонина, отмечает, что философская рефлексия актуальных процессов радикально запаздывает [7].

Он же считает, что впервые термин «медиафилософия» ввёл немецкий исследователь Рудольф Фитц в заглавии работы «Медиафилософия. Музыка, язык и письмо Фридриха Ницше» (1992). В том же году этот термин использует Юрген Хабермас.

Тема медиафилософии сегодня активно обсуждается в Германии. Так, заведующий кафедрой теории изображения Йенского университета, президент немецкого общества эстетики Ламберт Визинг в 2005 году представил шесть тезисов о сущности медиафилософии.

Все эти позиции являются, в свою очередь, итогом дискуссий на данную тему, прошедших в рамках известных семинаров в Веймаре.

Первая позиция определяет медиафизиологию как реакцию на «изменения жизненного мира [2]».

Вторая позиция характерна для Рослера, который считает, что медиафилософия строится на мысли о том, что философия якобы преимущественно оперирует понятиями и отсюда медиафилософия выступает производной от понятия «медиа». При этом Рослер отталкивается от Аристотеля с его вневременными дефинициями.

Третья точка зрения расширяет так называемую концепцию «лингвистического поворота» до медиального. Данный подход утверждает, что функционально язык аналитической философии и язык медиа – конгруэнтны. Это хорошо представлено в монографии М. Фогеля «Медиа как условия мыслей» [18]. Он считает, что центральной смыслообразующей задачей медиафилософии является «выделение языка медиа» среди других языковых форм.

Четвёртая позиция видит медиафизиологию как вид дискурса для медиаисследований и медиапрактики. В книге «Медиафилософия. Введение» Р. Марграйтер высказывает мысль о том, что медиафилософия может быть рассмотрена как основополагающий культурологический дискурс [15].

Всё это вполне закономерно приводит к выводу о том, что медиафизиологию можно рассматривать как научную теорию исследований не только медиапрактик, но и медиакультурного пространства.

Данный вывод совпадает с позицией зальцбургского медиаисследователя Ш. Вебера, который в работе “Under Construction” («Заключение об эмпирическом понимании медиаэпистемологии»)

подчёркивает, что «медиафилософия подразумевает работу с философскими основаниями медиатеории и теории коммуникации [19]».

Пятая – радикальная – позиция понимания медиафизиологии в ракурсе анализа медиакультурного пространства представлена в работах датского профессора М. Сандеботе [см.: 16; 17]. Он утверждает, что медиафилософия является философской областью консультирования других исследователей, особенно – медиапрактиков. К медиафизиологии же – как самостоятельной теоретической дисциплине – он относится скептически, утверждая, что её как таковой не существует.

Негативное отношение присутствует и в работах Ф. Китлера, но более определённо выражено в статье Е. Эспозито «Слепота медиа и слепота философии», где он отчётливо заявляет, что медиафизиологии нет [13; 14]. То, как она представляется в мыслях, следует искать в психологии и социологии. Другой автор (В. Флюссер) выдвигает версию о «фотографической» природе медиафизиологии и о том, что её основная функция – трансляция практики медиа на «другой язык» [11].

Очевидно, что из шести представленных подходов к медиафизиологии наибольший интерес вызывают именно те из них, в которых медиафизиология не рассматривается как академическая дисциплина. Для многих современных западных философов рассуждения о медиафизиологии носят пока прикладной характер. И даже некоторые из них выражают враждебность по отношению к «университетской философии».

Прикладной взгляд вполне можно считать скорее позитивным. Он исходит из того, что пространство медиа делает чита-

емым, слышимым и видимым как особенное, интерсубъективно действующее тождество. Совершенно ясно, что вне медиапространства мы бы имели дело только с тем, что непосредственно есть. Однако отметим и то, что медиа дают возможность человеку преодолеть свою психофизическую невозможность восприятия и осмысления целого ряда проявлений «виртуальной бытийности», которые не связаны с обонянием, осязанием и т.п. И это имеет большой культурологический смысл.

По причине существования медиа человек живёт не только в физической природе, но и в мире культуры. С данной позиции главной задачей медиафилософии является изучение медиа как единственного средства, которое может освободить человека от «диктата физического».

Исходя из этого и переосмысливая позиции немецких учёных, российский исследователь медиапространства М. Степанов трактует медиа как «машину абстракций» [10, с. 210], а наше знание о реальности – «и есть сама реальность». Такова позиция М. Степанова.

Для становления медиафилософии в нашей стране очень много и на протяжении многих лет сделал В. В. Савчук. Картину новаций современности, как он отмечает, дополняет широкое внедрение в наш язык таких лексических новообразований, как «медиареальность», «медиа-сфера», «медиаобразование», «медиаискусство» и «медиакультура», «медиапространство», «медиаиндустрия», «медиа-субъект». При этом В. В. Савчук часто подчёркивает, что средства коммуникации – вне нас, а медиа – внутри нас. Они и порождают медиафилософию [7, с. 39].

Исследования показывают, что медиафилософия своим возникновением обя-

зана фундаментальным поворотам в философии и культуре XX века: онтологическому, лингвистическому, антропологическому и иконическому.

Предметом медиафилософии является медиареальность, заданная новыми технологиями и включающая человека как условие, средство и цель коммуникации.

Дальнейший анализ показывает: поскольку медиа являются средствами коммуникационного процесса, совершенно естественно возникает искушение согласиться с позицией, что, сами того не подозревая, мы являемся агентами хитрости аутопоэзиса и саморазвития медиа и что медиафилософия неизбежна так же, как в своё время были неизбежны метафизика, гносеология, философия науки и техники, философия искусства, политики и права. Она – адекватный и своевременный ответ на вызовы современности. Кроме того, справедливо отметить претензию медиа на роль «четвёртой власти». Сверх того, в ситуации решительной компьютеризации и интернетизации, принимаемой в настоящее время руководством страны, возникает исключительная возможность исследовать влияние новых медиа на образ жизни, мировоззрение и сознание больших масс людей, становящихся интернет-пользователями и тем самым втягиваемых в медиакультурное пространство [5, с. 75].

Однако это только одна сторона культурной коммуникативной картины. Современное медиакультурное пространство опеределяет и сам процесс общения, и фактическое содержание духовных феноменов.

Известнейший польско-американский философ-политолог З. Бжезинский придерживается позиции, что общественное сознание и структурно, и содержательно

определено техническими средствами информации. Печать формирует взгляд на мир; телевидение манипулирует, создаёт мозаичный облик картины мира, его культуры. Однако при этом Бжезинский не проводит различия между массовой коммуникацией как процессом, как одной из форм общения людей, и теми средствами, с помощью которых этот процесс реализуется. Особенности, таким образом, расплываются в специфике технических аспектов коммутации информации (печати, телевидения) [12, р. 40].

Такое понимание общения, конечно, искажает суть коммуникаций как разновидности социального общения людей, как подлинно духовных, культурных процессов. Продолжая данную мысль, отметим, что сегодня в либеральном, постмодернистском сознании западных теоретиков (таких как З. Шрам, О. Ларсен, О. Хаэра и другие) смешивается не только техническое и личностное, но и «индустриальное» и индивидуальное сознание, этнонациональное и глобальное, глобальное и региональное. Всё это объявляется единой продукцией Всемирной сети.

Конечно, роль СМИ в «индустриализации сознания» людей нельзя недооценивать и в нашей стране. Авторы работы «Философия культуры» П. С. Гуревич и Н. Н. Палеева выделяют следующие «механизмы» индустрии сознания: механизм проекции, механизм идентификации, механизм сублимации [4].

Известно, что З. Фрейд под механизмом сублимации понимал переключение психологической энергии из одного состояния в другое. Поясняя, Т. Адорно отмечал, что психическое напряжение от неудовлетворённости желания может стать побудительным импульсом фантазии,

творчества, ибо «красивая жизнь» нужна обывателю, чтобы отвлечься от трудностей реальности. Многие люди мучительно переживают накопившиеся раздражения, боль, досаду. В потоке массовой культуры им «на выручку» предлагаются сюжеты расправы, мести, справедливого воздаяния. «Напряжённость» через это демпфируется и получает ложную направленность. Если поведение человека детерминировано неконтролируемыми секторами психики, то манипулятор, минуя порог сознательности, может способствовать пробуждению стихийно складывающихся, в том числе и агрессивных, аффектаций.

Сущностью этого механизма является то, что человек, столкнувшийся с неразрешимыми вопросами, коллизиями и явлениями, просто не в состоянии осознать назначение и смысл бытия и нуждается в системе позиционной коррекции, что позволит ему отождествлять себя с каким-то общепризнанным образцом – с таким, как герой-«браток»; борец за справедливость; «совестливый»; ищущий правду человек; преступник из кинофильма В. Шукшина «Калина красная» и т.д.

Подводя итоги, отметим следующее. Во-первых, медиафилософия с философско-проективной точки зрения есть логическое продолжение тенденции ноосферогенеза, её концептуализация и объективация. Во-вторых, медиафилософия есть плоть от плоти продукт информационного общества. Современный этап этого общества – постиндустриальное общество. Культура этой цивилизации – постмодерн – нашла своё соответствующее осмысление в философии постмодерна. Поэтому логично предположить, что философия постмодерна есть рефлексия над медийными структурами. Это подмечено мно-

гими отечественными авторами, например В. А. Емелиным, В. П. Гриценко [3, с. 210].

В-третьих, изложенные позиции недостаточно принимают во внимание изменения в ментальной культуре, связанные с системой коммуникации информационно-компьютерных технологий. Это объясняет замедленные изменения оценок не только семиотической, но и гносеологической и онтологической ситуации.

Наконец, следует отметить, что медиа-философия является методологическим инструментарием анализа такого феномена, как медиакультурное пространство.

Вместе с тем в первых трёх рассматриваемых позициях недостаточно учитывается то, что методология и теория постмодерна есть результат смешения семиотических, синергетических, постмодернистских и некоторых других категорий.

Центральное место здесь занимает диада: «культура – текст».

Текст и его различные формы имеют существенное гносеологическое значение. Благодаря своей «объёмности» и многомерности, текст (гипертекст, интертекст) совместим с таким современным методологическим веянием, как междисциплинарный подход. Гипертекст в форме гипермедиа способен в одинаковой мере использовать как лево-, так и правополушарное мышление, совмещая несовместимое (с точки зрения классической гносеологии). Наконец, дополняясь виртуальной реальностью, гипертекст превращает семантику виртуальных миров в норму логического мышления. Такова схематика механизма современного медиакультурного пространства как медиафилософского феномена.

Примечания

1. *Бачило И. А.* Важнейший шаг в признании легитимности информационного права // Информационное общество. 2000. № 6. С. 58–60.
2. *Визинг А.* Шесть ответов на вопрос «Что такое медиафилософия?» [Электронный ресурс] / перевод с немецкого Дарьи Колесниковой // Исследовательский Центр медиафилософии : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/vizing_mediaphil/
3. *Гриценко В. П.* Социальная семиотика. Екатеринбург : Институт международных связей, 2006.
4. *Гуревич П. С., Палеева Н. Н.* Философия культуры : монография. Москва : Канон+, 2014. 424 с.
5. *Ковалев А. А.* Медиареальность как феномен современной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 6. С. 70–74.
6. *Ремизов В. А., Коробкина А. Н.* Сущность и структура современного медиакультурного пространства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 83–86.
7. *Савчук В. В.* О предмете медиафилософии [Электронный ресурс] // Международный журнал исследований культуры : научное рецензируемое электронное издание : [веб-сайт]. Электрон. дан. 2011. № 3 (4). URL: <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/69-2011media>
8. *Силантьева М. В.* Диффузия идентичность – современная версия гражданской идентичности // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2 (23). С. 173–179.
9. *Силантьева М. В.* Проблема «культурных границ» в современном мире: ценностный аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 235–239.
10. *Степанов М.* Аппаратное понимание медиа [Электронный ресурс] // ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия : [веб-сайт]. Электрон. дан. 26.10.2011. URL: <http://www.intelros.ru>

ru/intelros/biblio_intelros/mediafilosofiya-mezhdisciplinarnoe-pole-issledovan/11692-apparatnoe-ponimanie-media.html

11. Флюссер В. За философию фотографии / [пер. с нем. Г. Хайдаровой]. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. 145 с.

12. Bzezinski Z. *Between two ages*. N.Y., 1968.

13. Esposito E. *Blindheit der Medien und Blindheit der Philosophie*, in: Münker, Roesler, Sandbothe 2003.

14. Flusser Vilém, Gesten (1991) *Versuch einer Phänomenologie*. Frankfurt am Main, 1994.

15. Margreiter R. *Medienphilosophie. Eine Einführung*. Berlin: Parerga Verl., 2007. S. 29–30.

16. Sandbothe M. *Der Vorrang der Medien vor der Philosophie*, in: Münker, Roesler, Sandbothe, 2003. S. 185–197.

17. Sandbothe M. *Pragmatische Medienphilosophie. Grundlegung einer neuen Disziplin im Zeitalter des Internets*. Weilerswist, 2001.

18. Vogell M. *Medien als Voraussetzungen für Gedanken*, in: Münker, Roesler, Sandbothe, 2003. S. 117.

19. Weber S. *Under Construction. Plädoyer für ein empirisches Verständnis von Medienepistemologie*, in: Münker, Roesler, Sandbothe, 2003. S. 172–184.

References

1. Bachilo I. L. Vazhneishii shag v priznanii legitimnosti informatsionnogo pra-va [An important step in the recognition of the legitimacy of information law]. *Information Society*. 2000, no. 6, pp. 58–60.

2. Vizing L. [Wiesing L.] *Shest' otvetov na vopros "Cbto takoe mediafilosofiya?"* [Six answers to the question "What is philosophy of media?"]. Translated by Darya Kolesnikova. Available at: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/vizing_mediaphil/

3. Gritsenko V. P. *Sotsial'naya semiotika [Social semiotics]*. Yekaterinburg, 2006.

4. Gurevich P. S., Paleeva N. N. *Filosofiya kul'tury [Philosophy of culture]*. Moscow, Publishing House "Kanon+", 2014. 424 p.

5. Kovalev A. A. Mediareal'nost' kak fenomen sovremennoi kul'tury [Mediareality as a phenomenon of modern culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2010, no. 6, pp. 70–74.

6. Remizov V. A., Korobkina A. N. The nature and structure of modern cultural space media. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 2 (64), pp. 83–86. (In Russian)

7. Savchuk V. V. On the Subject of Mediaphilosophy. *International Journal of Cultural Research*. 2011, no. 3 (4). Available at: <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/69-2011media>

8. Silantieva M. V. Diffuziya identichnost' – sovremennaya versiya grazhdanskoj identichnosti [Identity diffusion – a modern version of civic identity]. *MGIMO Review of International Relations*. 2012. № 2 (23). С. 173–179.

9. Silantieva M. V. Problem of "Cultural borders" in modern world: a value perspective. *MGIMO Review of International Relations*. 2014. № 2 (35). С. 235–239. (In Russian)

10. Stepanov M. *Apparatnoe ponimanie media [Hardware understanding of media]*. Available at: http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/mediafilosofiya-mezhdisciplinarnoe-pole-issledovan/11692-apparatnoe-ponimanie-media.html

11. Fliusser V. [Flusser Vilém] *Za filosofiyyu fotografii [For the philosophy of photography]*. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg State University, 2006. 145 p.

12. Bzezinski Z. *Between two ages*. N.Y., 1968.

13. Esposito E. *Blindheit der Medien und Blindheit der Philosophie*, in: Münker, Roesler, Sandbothe 2003.
14. Flusser Vilém, Gesten (1991) *Versuch einer Phänomenologie*. Frankfurt am Main, 1994.
15. Margreiter R. *Medienphilosophie. Eine Einführung*. Berlin: Parerga Verl., 2007. S. 29–30.
16. Sandbothe M. *Der Vorrang der Medien vor der Philosophie*, in: Münker, Roesler, Sandbothe, 2003. S. 185–197.
17. Sandbothe M. *Pragmatische Medienphilosophie. Grundlegung einer neuen Disziplin im Zeitalter des Internets*. Weilerswist, 2001.
18. Vogell M. *Medien als Voraussetzungen für Gedanken*, in: Münker, Roesler, Sandbothe, 2003. S. 117.
19. Weber S. *Under Construction. Plädoyer für ein empirisches Verständnis von Medienepistemologie*, in: Münker, Roesler, Sandbothe, 2003. S. 172–184.

*

СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

УДК 008:316.42

А. А. Колодина¹, В. И. Добрынина²

¹Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

В статье рассмотрены основные характеристики информационной культуры, которая становится доминирующей особенностью современных государств, выступая в подлинных, достаточно развитых формах, а также в виде имиджных форм и симулякров во всём мире. Авторами сформулированы некоторые особенности становления информационной культуры в современной России, которые определяют все сферы бытия: материально-технического, финансово-экономического, социально-политического и духовно-культурного существования российского общества.

Ключевые слова: социальная коммуникация, синергетика, сетевое общество, информационная культура, межпоколенное взаимодействие.

A. A. Kolodina¹, V. I. Dobrynina²

¹Moscow Aviation Institute (National Research University), The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Volokolamskoe shosse, 4, 25993, Moscow, Russian Federation

²The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), The Russian Government, Prospect Vernadskogo, 82, 119571, Moscow, Russian Federation

FORMATION OF INFORMATION CULTURE IN RUSSIA AND ITS IMPACT ON THE PROCESS OF CONTINUITY OF CULTURAL VALUES

The article describes the main characteristics of information culture, which becomes the dominant characteristic of modern States, speaking in an authentic, well-developed forms, and forms our image

¹КОЛОДИНА АННА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры истории, культурологии, молодёжной политики и рекламы Института менеджмента, экономики и социальных технологий Московского авиационного института (национального исследовательского университета)

KOLODINA ANNA ALEKSANDROVNA – Ph.D. (Sociology), senior teacher of Department of Culturology, History, Youth Policy and Advertising, Moscow Aviation Institute (National Research University)

²ДОБРЫНИНА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доктор философских наук, профессор Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

DOBRYNINA VALENTINA IVANOVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА)

e-mail: hoha555@yandex.ru¹, vdobrynina@yandex.ru²

© Колодина А. А., Добрынина В. И., 2017

and simulacra in the world. The authors have formulated some features of formation of information culture in modern Russia, which determines all spheres of existence: logistics, financial-economic, socio-political and spiritual-cultural existence of the Russian society.

Keywords: social communication, synergy, network society, information culture, inter-generational interaction.

Для цитирования: Колодина А. А., Добрынина В. И. Становление информационной культуры в России и её влияние на процесс преемственности культурных ценностей // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 48–55.

Создание и успешное практическое использование кибернетики, а также последующее развитие электроники, радиотехники, телевидения, мобильной связи, сети Интернет и персональных компьютеров, широко распространившихся во всём мире, позволило исследователям современной социальной реальности начать анализ характерных свойств и отличительных признаков становящегося принципиально нового общества, его кардинальных отличий от других, предшествующих обществ, существовавших в разных исторических эпохах и обстоятельствах.

Каждая эпоха отличалась своим типом коммуникации: «племенной человек» осуществлял коммуникативную деятельность с помощью собственных сенсорных средств и анализаторов; «книжный человек» концентрирует знание и память человечества, а книжный текст стандартизирует общество, делает его массовым, учит тому, как должны жить люди; коммуникация с помощью электронных средств рождает «глобальную деревню»: электроника, как внешняя нервная система человечества, создаёт эффект всеобщей включённости, причём содержание информации вторично по отношению к информационным технологиям и их хозяевам – международным информационным системам.

Во второй половине XX века, благодаря становлению информационной куль-

туры и её проникновению во все сферы бытия общества, качественно преобразуется сама социальная коммуникация. Теперь атрибутивный признак человека – его коммуникативная деятельность, всё более становится деятельностно-коммуникационной, зависящей от материально-технических параметров приборов и систем, создающих специфику виртуальной реальности и её составляющих, которые развиваются не столько по законам изменения научно-технических процессов, сколько по законам современного рынка, для которого прибыль, деньги, реклама и продвижение товара являются неизменно доминирующими константами.

Концепция информационного общества стала рассматриваться как модификация концепции постиндустриального общества, в котором главным фактором дальнейшего развития человечества становится производство и многообразное использование информации.

Один из наиболее известных авторов этой концепции – Э. Тоффлер в целом ряде своих работ рассматривает становление информационного общества, обращая при этом внимание на тот факт, что в условиях быстрых темпов развития такого общества миллионы людей постоянно испытывают чувство тревоги, потому что новейшая – техническая – цивилизация навязывает свои, а не соразмерные жизне-

деятельности человека темпы и технологии, под влиянием которых изменяется и само социокультурное бытие каждого человека. В изданной в 1970 году работе «Шок будущего» (перевод на русский язык был осуществлён в 2003 году) он пишет: «шок будущего – это феномен времени, продукт сильно ускоряющегося темпа перемен в обществе. Он возникает в результате наложения новой культуры на старую [10]».

Быстрые и радикальные изменения человеческого мира, произошедшие в конце 80-х годов прошлого века, поставили под сомнение такие фундаментальные основы наук, изучающих развитие человеческого общества, как обязательность внешних причин главного источника изменений общества (то есть причин детерминаций), а также вопрос о бесконечной линейной эволюции человечества. Эти изменившиеся обстоятельства становятся основанием поиска новых, более конкретных объяснений действительного поливариантного развития любых сфер бытия современного человечества, пребывающего в хаотическом состоянии (начиная от каждого человека и до всего человечества).

Новое теоретико-методологическое объяснение мира получило название синергетика (с греч. ‘совместно действующие’). Современные учёные считают, что основу хаотического развития любых открытых динамических систем (начиная от каждого человека до всего человечества) составляют процессы самоорганизации и внутренней саморефлексии.

В работе И. Пригожина и И. Стингерса «Порядок из хаоса» [7] убедительно доказывается, что атрибутом всего мироздания является спонтанная активность. Это значит, что вся человеческая история

всегда развивается не рационально, а хаотически, случайно, альтернативно и многовариантно. Самое удивительное заключается в том, что состояние хаоса не означает отсутствие порядка. Хаос выступает и как определённая созидательная сила, потому что в состоянии неравновесности возникают точки бифуркации, когда взаимодействие и противодействие внешних и внутренних факторов развития и множество непредвиденных последствий действий людей достигают таких критических неустойчивых значений, от любого разрешения которых возможны самые различные варианты последующего развития.

Авторы этой пионерской работы по синергетике считают, что в состоянии неравновесности любая социальная система (социальный объект) может самоструктурироваться и выйти на более высокий уровень организации, то есть упорядоченности. Таким образом, исключается вопрос об акторе, творце и созидателе всего сущего, что характеризовало не только идеалистическую философию, но и многочисленные рационалистически выстроенные социальные утопии, в том числе и марксизм-ленинизм. На базе методологических принципов синергизма вырастает не только критика всех предыдущих теорий общественного развития, но и любые разнообразные формы новейшей постнеклассической методологии, которые создаются в рамках самых разных концепций постмодерна.

Уже на рубеже нового тысячелетия известный исследователь социума М. Кастельс в работе «Информационная эпоха: экономика, общество, культура» [3] писал о том, что возрастание роли информации во всём мире привело к возникновению

и усилению значимости многообразных коммуникативных технологий, которые используются во всех сферах жизнедеятельности практически всех современных народов и государств.

Именно поэтому М. Кастельс называет современную социальную реальность развитых стран мира «сетевым обществом», в котором человек становится не только субъектом своего индивидуально-личностного целеполагания, но и чётко внешне детерминирован мерой включённости в современные коммуникации, которые становятся значимым социальным индикатором новой культуры.

Сетевое общество основывается на достижениях электронной техники и автоматики, его главным товаром является информация. Деятельность инфорбанков, в которых хранится, классифицируется и структурируется информация, становится ведущим видом деятельности сетевого общества, равно как обслуживание глобальных информсетей, их ремонт, эксплуатация, конструирование и моделирование становятся наиболее значимыми профессионально мотивированными специальностями в этом типе общества.

Информационная культура сетевого общества настолько многообразна и динамична, что в современном научном сообществе возникли и не умолкают споры и дискуссии по поводу объёма и содержания исходных дефиниций и базовых понятий, характеризующих этот феномен.

С точки зрения новейших исследователей, в современном отечественном общественном сознании существуют, по меньшей мере, три главные дефиниции, определяющие содержание и сущностные характеристики этого типа общества: «информационно-коммуникативное пространство»,

«коммуникационное пространство», «информационно-коммуникативная среда».

По нашему мнению, каждое из этих определений имеет право на существование, так как любое из них выделяет в качестве доминирующего признака какой-то конкретный, особенно значимый для исследователя параметр этого общества.

В первом случае это – пространственные границы распространения информации, во втором – средства, обеспечивающие коммуникацию, в третьем – рассмотрены пользователи, то есть клиенты информсетей, которые выступают как воплощённое диалектическое единство субъекта и объекта сетевых обществ.

Сетевое общество обладает многообразными коммуникативными связями, которые становятся всё более неотъемлемой частью существующих социальных отношений и способствуют не только их воссозданию, но и их достаточно тенденциозному конструированию во всё более возрастающих масштабах в зависимости от интересов и потребностей владельцев-монополистов сетей и властных структур, а также с учётом интересов массовых пользователей – акторов, неизбежных и необходимых для эффективного функционирования сетей. Таким образом, термин «информационно-коммуникативная культура» обозначает форму и способ передачи информации на основе определённых средств связи и коммуникаций и обусловленных ими технологий, на базе которых формируются конкретно-исторические социальные отношения, социальные практики и артефакты культуры – всё то, что составляет неотъемлемую основу современной социальной реальности.

Базисной основой информационного типа культуры современные исследова-

тели считают социальные сети, которые специалисты называют интерактивными многопользовательскими веб-сервисами, на базе которых формируются и функционируют социальные связи и отношения в виртуальном пространстве. При достижении определённого уровня информационно-коммуникативной культуры её атрибутом становятся именно социальные сети, в которых осуществляется построение многообразных социальных связей и отношений субъектов, то есть пользователей, коммуникаторов, участников – производителей и потребителей виртуального пространства.

В современной России, как и во всём мире, социальные сети имеют множество функций, можно сказать, что они полифункциональны в своей основе. Это позволяет достаточно эффективно использовать их разным социокультурным и половозрастным группам общества для реализации целого ряда конкретных практических задач, а также для осуществления процессов самопрезентации и самоидентификации личности.

Исследователи этих процессов отмечают, что на базе коммуникации, участвуя в социокультурных практиках, личность реализует самоконструирование, демонстрируя целый ряд своих характеристик и свойств, значимых не только для индивидуально-личностных параметров человека и усиливающих его привлекательные черты (или имидж), но и такие свойства, которые способствуют более эффективной коллективной деятельности.

Подобные процессы самопрезентации и самоидентификации достаточно часто осуществляются наиболее активными пользователями сетей в любой семье, особенно «коммуникативно продвинутыми»

её членами. При взаимодействии с информсетями человек является не только пассивным объектом, но и полноценным субъектом социокультурных процессов. Социальные сети являются в первую очередь средством коммуникации, однако в процессе реализации социокультурных практик в сети человек получает возможность продемонстрировать свою активность не только в виртуальном пространстве, но и в реальных практических действиях в реальном мире.

Во всяком случае, современные социальные сети в нашей стране, несомненно, уже служат определённым инструментом инновационной деятельности, обеспечивающим и всё общество, и её значимый социальный институт – семью – возможностями интеграции в мировое информационное пространство, где можно в полной мере приобщиться к достоинствам и недостаткам современной информационной культуры и её социальным сетям.

Становление нового социокультурного типа человека – гражданина новой России – становится важной функцией всех социальных институтов и учреждений общества, заинтересованного в своей стабильности и процветании. Уже в самом начале нового тысячелетия стало особенно очевидным, что по мере становления информационной культуры главным богатством современного общества становятся не его природные и финансово-экономические богатства, что было характерно для индустриального мира, а – подлинный совокупный человеческий капитал.

Фундаментальную основу человеческого капитала, по мысли современных исследователей, составляют компетентные коммуникативные и коммуникационные характеристики личности.

В динамически изменяющемся российском обществе главным капиталом становятся многообразные способности людей, их наличный и легко актуализирующийся творческий потенциал, так как подлинным генератором всех прогрессивных социальных изменений является не «воля к власти» или «самовыражение духа критически мыслящей личности», а творческая деятельность людей, их способность к инновационным изменениям, желание и готовность жить в постоянно изменяющемся мире.

Специалисты считают, что в XXI веке особое значение приобретает творческий потенциал работающих людей, они называют это третьей научно-технической революцией и подчёркивают, что именно отсутствия этого не выдержал СССР, так как административно-бюрократический или тоталитарный строй создавал такие системы воспитания и образования подрастающих поколений, которые не освобождали, а закабалили человека, глушили его инициативу и творческие способности, превращая его в бездумного исполнителя чужой воли.

«Жизненные миры» современного человека, равно как и главные сферы его деятельности, неразрывно связаны со всеми многочисленными социальными институтами и организациями, которые существенным образом определяют как социальные роли, так и статусное положение человека. Для современного общества наиболее значимым элементом социальной системы становится именно организация – как некоторая специфическая стадия развития социального института, возникающего с целью удовлетворения новых и уже осмысленных людьми конкретных новых интересов и потребностей.

Необходимо отметить, что рассмотрение единства и различия между информационными (техничко-коммуникационными) и коммуникативными (преимущественно intersubъективными) концепциями управления позволяет сделать вывод о возрастании роли и значения intersubъективной коммуникации по мере усиления воздействия информационной техники на все сферы жизни современного общества, потому что такое чисто информационное управление, ориентированное главным образом на скорость передачи информации, превращается в безличностно-коммуникационное, в то время как коммуникативное общение всегда имеет конкретный личностный смысл.

Базисный уровень новейшего информационного типа культуры уже имеется в большинстве стран – членов ООН. Он определяется практическим использованием в повседневной практике семей электронной техники, мобильной связи, радио и телевидения, а также определяется широким доступом к сети Интернет, то есть речь идёт о всём том, что превращает информацию в главный и востребованный товар в этом новом типе общества.

Исследователи отмечают, что для современных вузов характерно становление новых форм воспитательных воздействий, которые отличаются не институализированностью, а деятельной социальной избирательностью и культурной самореализацией. При этом духовная и культурная социализация молодёжи становится всё более плюралистичной и прагматичной, а виртуальное пространство электронной коммуникации становится особой средой бытия современного молодого человека и новым способом реализации социокультурных практик.

Особенности становления информационной культуры в Российской Федерации определяются целым рядом объективных факторов и обстоятельств. К ним относятся:

- огромное геопространство страны, которое стимулирует и одновременно усложняет становление и функционирование социальных сетей;
- существенная материально-техническая, экономико-технологическая и либерально-идеологическая зависимость от международных корпораций и холдингов;
- очевидное доминирование сетей социального контроля и слежения по сравнению с другими формами коммуникативно-коммуникационного общения и взаимодействия.

Становление информационной культуры характеризуется тем, что социальные коммуникации, в том числе и межпоколен-

ные взаимодействия, опосредуются контактами, такая коммуникация осуществляется через многообразные формы и способы существования современной информационной техники.

Современные межличностные контакты зависят от наличия или отсутствия технических устройств; устойчивых каналов связи; необходимых технических знаний у коммуникаторов; их финансовых возможностей и специфики временных характеристик в стране. Внедрение информационной культуры в России осуществляется не только под воздействием объективно существующих и достаточно сложных законов истории, но и с помощью «субъективного фактора», в связи с чем усиливаются социокультурные депривации в обществе и социальные структуры приобретают чёткие гендерно-возрастные очертания.

Примечания

1. *Гитлинг М.* Социальная коммуникация как социокультурная проблема. Москва : Динтер-Интер, 2005. 127 с.
2. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. 3-е издание. Москва : УРСС, 2003. 286 с.
3. *Кастельс М.* Информационная эпоха : Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана ; Государственный университет «Высшая школа экономики». Москва, 2000. 608 с.
4. *Лещев С. В.* Коммуникационное, следовательно, коммуникативное : монография / Российская академия естественных наук. Москва : Эдиториал УРСС, 2002. 172 с.
5. *Лисин В. С., Яновский К. Э.* Институциональные ограничения современного экономического роста / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва : Дело, 2011. 638 с.
6. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга : становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. Москва : Академический Проект : Фонд «Мир», 2005. 495 с.
7. *Пригожин И., Стингерс И.* Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой / [пер. с англ.: Ю. А. Данилов]. 4-е изд., стер. Москва : УРСС, 2003. 310 с.
8. *Селиванов Ю. Р.* Феноменология отчужденного духа. Москва : ЭКОН, 1999. 284 с.
9. *Соколов А. В.* Общая теория социальной коммуникации : учебное пособие. Санкт-Петербург : Михайлов, 2002. 460 с.
10. *Тоффлер Э.* Шок будущего / [пер. с англ. Е. Руднева и др.]. Москва : АСТ, 2001. 558 с.

References

1. Gitling M. Sotsial'naya kommunikatsiya kak sotsiokul'turnaya problema [Social communication as a social and cultural problem]. Moscow, Dinter-Inter Publishing House, 2005. 127 p.
2. Kapitsa S. P., Kurdyumov S. P., Malinetsky G. G. *Sinergetika i prognozy budushchego* [Synergetics and forecasts of the future]. 3rd edition. Moscow, Editorial URSS, 2003. 286 p.
3. Kastel's M. [Castells Manuel] *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obschestvo i kul'tura* [Information epoch: economy, society and culture]. Moscow, Publishing House of National Research University Higher School of Economics, 2000. 608 p.
4. Leshchev S. V. *Kommunikatsionnoe, sledovatel'no, kommunikativnoe* [Communication, therefore, communication]. Moscow, Editorial URSS, 2002. 172 p.
5. Lisin V. S., Yanovsky K. E. *Institutsional'nye ogranicheniya sovremennogo ekonomicheskogo rosta* [Institutional restrictions of modern economic growth]. Moscow, 2011. 638 p.
6. Marshall McLuhan. *The Gutenberg Galaxy*. University of Toronto Press, 1962. (In Rus. ed.: Maklyuen M. *Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [Gutenberg's galaxy: formation of the person printing]. Moscow, Publishing house "Academic Project", 2005. 495 p.)
7. Prigozhin I. [Prigogine Ilya], Stingers I. [Stengers Isabelle] *Poryadok iz khaosa. Novyi dialog cheloveka s prirodoi* [Order out of chaos. Human's new dialogue with nature]. 4th edition. Moscow, Editorial URSS, 2003. 310 p.
8. Selivanov Yu. P. *Fenomenologiya otchuzhdenного dukha* [Phenomenology of alienated mind]. Moscow, 1999. 284 p.
9. Sokolov A. V. *Obschchaya teoriya sotsial'noi kommunikatsii* [General theory of social communication]. St. Petersburg, 2002. 460 p.
10. Toffler E. [Toffler Alvin] *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow, Ast Press Publishing House, 2001. 558 p.

*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 008:304

С. А. Буторов

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена характеристике состояния и перспектив развития политической культуры в России. Автором предпринята попытка анализа тех причин, которые обусловили снижение за последнее десятилетие политической активности россиян и прежде всего молодёжи. Особый акцент в статье делается на том, что оказание доминирующего влияния властвующей элиты на процесс формирования политической культуры не всегда является консенсусным. Автор предлагает пути преодоления возникающих спорных вопросов в обществе, способствующие воссозданию объективной истории России и повышению уровня политической культуры в стране.

В статье делается вывод о том, что процесс формирования и становления политической культуры в России проходит в условиях сложной социально-политической ситуации в российском обществе, а также обострившейся геополитической обстановки в мире, что обуславливает необходимость достижения стабильности и согласия в стране.

Ключевые слова: политическая культура, властвующая элита, процесс формирования и становления, консенсусный, социальная группа, уровень политической зрелости, национальное самосознание, геополитическая обстановка, стабильность, согласие.

S. A. Butorov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

POLITICAL CULTURE IN RUSSIA: THE CONDITION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

The article is devoted to the characteristics of the condition and prospects of development of political culture in Russia. The author attempts an analysis of the causes that have led to a decline in the last decade, political activity of Russians and especially young people. Special emphasis is done on providing the dominant influence of the ruling elite in the process of formation of political culture is not always consensual. The author suggests ways to overcome the issues in society that contribute to the reconstruction of the objective history of Russia and raising the level of political culture in the

БУТОРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры иностранных языков социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

BUTOROV SERGEY ALEKSEEVICH – Full Doctor of Philosophy, Professor of Department of Foreign Languages, Faculty of Social Studies and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: anutav1@yandex.ru

© Буторов С. А., 2017

country. The article concludes that the process of formation and establishment of political culture in Russia is in a difficult socio-political situation in the Russian society, and the aggravated geopolitical situation in the world, underlining the need to achieve stability and harmony in the country.

Keywords: political culture, the ruling elite, the process of forming and formation, a consensus, a social group, the level of political maturity, national identity, geopolitical situation, stability, harmony.

Для цитирования: Буторов С. А. Политическая культура в России: состояние и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 56–65.

Понятие «политическая культура» было малоиспользуемым в советской обществоведческой науке. Примечательно то, что фундаментальный пятитомный труд «Философская энциклопедия», изданный в 1960–1970 годах, этот термин обошёл стороной [23, с. 118–121]. Определение «политическая культура» не нашло отражения и в «Философском энциклопедическом словаре», вышедшем в свет в 1989 году [24, с. 295]. Такое пренебрежение к этому понятию объясняется тем, что основоположник теории политической культуры и политической науки – известный американский политолог Г. Алмонд и его работы были в СССР под запретом.

Надо отметить, что значительный вклад в разработку термина «политическая культура» внесли русские мыслители, такие как Н. Я. Данилевский [7], К. Н. Леонтьев [12], Н. А. Бердяев [2], П. А. Сорокин [19] и другие. Однако их труды также не издавались в Советском Союзе, а выпущенные в свет книги этих авторов в дореволюционный период хранились в отделах специального хранения советских библиотек. После краха советской тоталитарной системы интерес отечественной обществоведческой мысли к исследованию политической культуры заметно возрос. В связи с этим следует выделить труды В. С. Ажаевой, Е. В. Ана-

ньевой, К. С. Гаджиева [17], А. В. Каменец [16], М. М. Назарова [14], В. А. Тихоновой [22], С. Ф. Черняховского [25] и других [см.: 1; 4]. К числу последних фундаментальных работ по данной теме следует отнести учебное пособие «Политическая культура», вышедшее в свет в 2015 году под редакцией профессора Г. А. Тульчинского [18].

В отечественной обществоведческой науке политическая культура рассматривается как система знаний, ценностных ориентаций, навыков, опыта в сфере политики, определяющая политическое поведение людей, социальных групп, народа.

Политическая культура способствует включению индивида в политическую систему, и в этом смысле она – универсальное средство его политической социализации. Политическая культура – одна из подсистем глобальной культуры, находящаяся в различных зависимостях с её частями. К основным элементам политической культуры относятся политическое сознание, установки, идеалы, ценности, знание, ориентации, нормы и т.д. В объективном смысле политическая культура есть исторический опыт, память общества в политической сфере, которая и определяет политическое сознание и поведение политических субъектов, представителей различных концепций политиче-

ской культуры – настоящего и прошлого, национальных и региональных, которые взаимодействуют во времени и пространстве, борются, вступают в диалог, обогащают друг друга. Важнейшей характеристикой политической культуры является уровень овладения политическими знаниями и опытом, накопленными предшествующей историей. Большое значение для достижения достаточно высокого уровня политической культуры имеет практическое обучение людей через их участие в управлении производством, государственными и общественными делами, в политической жизни. В формировании массового политического сознания большую роль играют средства массовой информации, а также мнения и суждения авторитетных политических деятелей [3, с. 563–564].

Процесс формирования политической культуры в современной России характеризуется противоречивостью и неоднозначностью. По нашему глубокому убеждению, одним из ключевых факторов формирования политической культуры является переосмысление и воссоздание исторической правды, увековечивание памяти известных государственных деятелей России и знаменательных дат. Эта деятельность предполагает:

- глубокое и всестороннее изучение той или иной вехи исторического прошлого страны, жизни выдающихся личностей, имена которых на протяжении многих лет были преданы забвению;
- открытый доступ к архивным материалам, значительная часть которых до сегодняшнего дня остаётся под грифом секретности;
- свободную дискуссию по спорным историческим вопросам, вызывающим живой интерес со стороны общественности;

- проведение научных экспертиз с привлечением учёных, возможно придерживающихся противоположных научных взглядов;

- социологические исследования и, безусловно, учёт общественного мнения.

Лишь при наличии таких условий представляется возможным восстановить историческую справедливость и воссоздать подлинную историю нашей страны.

Следует подчеркнуть, что за последние три десятилетия в этом направлении в России была проведена колоссальная работа. Сознание россиян постепенно избавляется от идеологических догм, которые служили препятствием для критического переосмысления исторического прошлого страны и формирования принципиально нового феномена общественной жизни – политической культуры. Безусловно, эта деятельность представляет собой не единовременный акт, она требует глубоко продуманных и тщательно взвешенных решений. Свидетельством тому может служить история, связанная с установлением в 2016 году, а через некоторое время демонтажем в Санкт-Петербурге на здании Военного инженерно-технического университета мемориальной доски с именем генерала Русской армии, а позднее – маршала и президента Финляндии К. Маннергейма.

Она была установлена в соответствии с решением Российского военно-исторического общества. К. Маннергейм был генералом Русской армии, но во время Советско-финской войны 1939–1940 годов командовал армией Финляндии. С началом Великой Отечественной войны он активно участвовал в боевых действиях на стороне нацистской Германии. В Финляндии действовало объединённое немецко-финское

командование. Будучи верховным главнокомандующим, Маннергейм позволил союзным войскам Гитлера расположиться на финской территории. 8 июля 1941 года он подписал приказ об обустройстве финских концентрационных лагерей на территории России. В этих лагерях содержалось 24 тысячи этнических русских из числа местного населения. По финским данным, около 4 тысяч узников погибло от голода.

Наступление советских войск в 1944 году вынудило Маннергейма подписать мирный договор с СССР, в результате чего он, в отличие от других нацистских военачальников, избежал Нюрнбергского процесса, так как Сталин вычеркнул вчерашнего союзника Гитлера из списков военных преступников.

В октябре 2016 года мемориальная доска К. Маннергейму была демонтирована. Причиной её демонтажа послужили массовые случаи вандализма со стороны неустановленных лиц, которые выступали против увековечивания в Северной столице памяти об этой неоднозначной личности. История, связанная с установлением, а затем демонтажем мемориальной доски К. Маннергейму, со всей убедительностью показала, что реализация такого рода проектов, вызывающих противоречия и споры в обществе, должна осуществляться лишь только после проведения социологических «замеров», изучения общественного мнения.

Процесс институционализации политической культуры в обществе может осуществляться лишь тогда, когда учитывается мнение простых граждан. Манипулирование общественным мнением, принудительное насаждение в сознание людей лженаучных и популистских идей неиз-

бежно оборачивается деструктивными процессами. В России это процесс усугубляют отсутствие общенациональной идеи и затянувшийся на четверть века процесс отречения от издержек прошлой эпохи, в результате чего у граждан, прежде всего у подрастающего поколения, наблюдаются неопределённость и двусмысленность оценок жизни и деятельности отдельных политических деятелей прошлого и целых исторических эпох.

За последнее время история с «увековечиванием» личности К. Маннергейма – не единичный случай, когда память о сложной и противоречивой личности в истории нашей страны нередко входит в противоречие с современными реалиями.

14 октября 2016 года в Орле открыли памятник Ивану IV Грозному – первый в России. Торжества по случаю открытия монумента неоднократно переносились по причине протестных выступлений жителей города и проходили на фоне острой общественной полемики в силу противоречивости личности первого российского царя. Руководство Орловской области, по существу, проигнорировало мнение не только многих жителей города Орла, но и широких кругов российской общественности, которые выступали против сооружения памятника Ивану IV Грозному.

Примечательно, что открытие монумента в Орле вызвало альтернативные действия со стороны оппонентов, не согласных с увековечиванием памяти «кровавого царя». Вскоре после сооружения монумента в Орле в Красноярске был установлен другой «памятник» Ивану IV Грозному в виде деревянного кола.

Нельзя не отметить, что установка памятника в Орле стала предметом исследования социологов. Согласно результа-

там социологического опроса, который провёл «Левада-Центр» в ноябре 2016 года, 53 процента граждан России поддерживали идею установки памятника Ивану IV Грозному [11].

Между тем, на наш взгляд, вызывает вопрос сроки проведения представителями «Левада-Центра» своего исследования. Как показывает мировая практика, опросы, выявляющие общественные настроения граждан по дискуссионным проблемам, проводятся, как правило, до принятия решения по спорному вопросу.

Заслуживает также внимания высокий показатель числа сторонников увековечивания памяти об Иване IV Грозном. По нашему мнению, рейтинг далеко неоднозначного российского царя напрямую связан с поверхностным знанием опрошенных респондентов эпохи его правления.

Известный русский историк Н. М. Карамзин в своих трудах выразил крайне негативное отношение к государю и его деятельности [9, с. 513]. «Ему недоставало внутреннего, природного благородства, – писал об Иване IV Грозном другой выдающийся русский историк В. О. Ключевский. – Он был восприимчивее к дурным, чем к добрым, впечатлениям; он принадлежал к числу тех недобрых людей, которые скорее и охотнее замечают в других слабости и недостатки, чем дарования или добрые качества. В каждом встречном он прежде всего видел врага. Всего труднее было приобрести его доверие [10, с. 176–187]».

Следует также подчеркнуть, что на барельефе памятника «Тысячелетие России» в Великом Новгороде, открытом в 1862 году, отсутствует скульптурное изображение фигуры Ивана IV Грозного. Потомки сочли его недостойным стоять среди лучших людей России.

Общественная полемика по увековечиванию памяти одного из далеко не лучших правителей России со всей очевидностью продемонстрировала неглубокое знание россиянами истории своей страны и, как следствие, низкий уровень их политической культуры. Деятельность отдельных инициативных групп, идущих вразрез с общественным мнением, неизбежно усугубляет разобщённость в обществе, порождает среди населения настроения, подрывающие авторитет государства и власти, способствует политической пассивности граждан.

Другим показателем политической зрелости россиян, уровня их политической культуры является их социальная активность, участие в государственных и общественных делах, включая избирательные кампании различных уровней. Как нам представляется, за последнее десятилетие явно наметилась тенденция к нарастанию инертности и апатии в настроениях российских граждан относительно перспектив развития страны и гражданского общества в целом. Так, если рассматривать последние выборы в Государственную думу 2016 года, то, по сведениям Центральной избирательной комиссии России, итоговая явка избирателей составила 47,88 процента. В абсолютных цифрах это означает, что свой гражданский долг выполнили лишь менее половины избирателей. По существу, каждый второй россиянин не реализовал своё конституционное право и проигнорировал выборы [8].

Если сравнить эти показатели активности участия российских граждан в голосовании с явкой избирателей на выборах в Государственную думу России 2011 года, то она заметно снизилась. По данным Центральной избирательной комис-

сии России, около пяти лет назад она составила 60,21 процента [8]. Явка избирателей на выборах в Госдуму России 5-го созыва – в 2007 году – была значительно выше: 63,78 процента имевших право голоса россиян приняли участие в голосовании [6].

Явно неблагоприятная тенденция наметилась, прежде всего, в молодёжной среде. Согласно результатам исследования Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук, проведённого в январе 2016 года, современную молодёжь не устраивает сложившаяся в России «элитарная» модель капитализма и демократии, когда некоторый рост уровня материального благосостояния населения сопровождается сужением «коридора возможностей» в разных сферах и областях жизни, включая сферу политики. Лишь четверть молодых респондентов в возрасте 18–25 лет и треть в возрасте 26–30 лет отмечают рост возможности политического участия большинства граждан, в то время как 63 процента и 57 процентов соответственно полагают, что эти возможности увеличились лишь для узкого круга людей, либо не претерпели никаких существенных изменений [20].

Как уже было отмечено нами выше, значительное влияние на формирование политической культуры общества и пробуждение национального самосознания оказывает живое слово политика или публичное заявление общественного деятеля, авторитет и компетентность которых имеют общенациональный масштаб. История России знает немало примеров, когда обращение государственного должностного лица вызывало не только широкий международный резонанс, но и ста-

новилось мобилизующим фактором для возрождения и обновления страны, способствовало формированию высоких патриотических чувств. Подтверждением тому может служить фраза министра иностранных дел России А. М. Горчакова «Россия сосредотачивается», написанная им в депеше и разосланная в августе 1856 года в российские посольства за границей вскоре после поражения страны в Крымской войне и подписания Парижского мирного договора. «Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит перед лицом таких фактов, которые не гармонируют ни с правом, ни со справедливостью, – говорилось в депеше. – Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится, Россия сосредотачивается!» [13].

Другим примером могут служить слова председателя Совета министров при императоре Николае II П. А. Столыпина: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!», произнесённые им 10 мая 1907 года [21]. Эта фраза стала крылатым выражением и служит призывом для возрождения и обновления современной России.

С сожалением следует признать, что сегодняшние заявления и публичные выступления отдельных политических и общественных деятелей звучат диссонансом словам А. М. Горчакова и П. А. Столыпина и никак не способствуют росту уровня политической культуры в России. Подтверждением тому служит «глубина» знаний истории России губернатора Орловской области В. Потомского, заявившего, что Иван IV Грозный в период своего правления осуществил путешествие «с больным сыном из Москвы в Санкт-Петербург [5]». (В. Потомский был одним из главных инициаторов установки памят-

ника Ивану IV Грозному в Орле. – С. Б.). В ноябре 2016 года депутат Государственной думы России Н. Полонская приписала цитату одного из персонажей произведения А. Грибоедова «Служить бы рад, прислуживаться тошно» русскому полководцу А. В. Суворову [15].

По нашему глубокому убеждению, для современного российского политического истеблишмента, научных и творческих кругов примерами должны стать компетентность и гражданская позиция тех наших соотечественников, которые составляют гордость и славу России.

В заключение считали бы необходимым сделать некоторые выводы.

Процесс формирования политической культуры в России не есть единовременный акт. Понадобятся десятилетия, прежде чем россиянам удастся преодолеть то негативное наследие, которое досталось нам от прежней системы. Одним из важнейших условий формирования политической культуры в обществе является вовлечённость её граждан в политический процесс, их взаимодействие с политической реальностью. Проведённый нами в статье анализ со всей очевидностью пока-

зал, что далеко не все российские граждане вовлечены в активную политическую жизнь.

Между тем, как нам представляется, в российском обществе тот потенциал, который можно было бы использовать для формирования политической культуры граждан реализуется не в полной мере.

Практически отсутствует практика проведения референдумов и опросов общественного мнения по спорным вопросам исторического прошлого страны. Явно ощущается нехватка в обществе духовного и культурного лидера, к мнению которого прислушивалась бы вся страна. Россия сегодня, как никогда в своей истории, нуждается в личностях масштаба А. И. Солженицына и А. Д. Сахарова.

Процесс формирования политической культуры в России осуществляется в условиях сложной социально-экономической ситуации в стране. Заметно обострилась и международная обстановка в мире. Эти факторы имеют чрезвычайное значение. Однако, по нашему глубокому убеждению, движущими силами в формировании этого процесса выступают политическая стабильность и согласие в России.

Примечания

1. *Аронов А. А.* К вопросу о ментальности отечественной культуры: развитие рывками // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1 (63). С. 38–45.
2. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. 318 с.
3. Большая энциклопедия : в 62 томах. Т. 37 / гл. ред. С. А. Кондратов. Москва : Терра, 2006.
4. *Буторов С. А.* Современная культура России: мифы и реальность // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 57–66.
5. *Волин Д.* «Чёрный пиар» Ивана Грозного [Электронный ресурс] // Газета.Ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. 22.07.2016. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/07/22_a_9705299.shtml
6. Выборы в Государственную думу (2007) [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Государственную_думу_\(2007\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Государственную_думу_(2007))
7. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Москва : ДеЛибри, 2015. 768 с.
8. Итоги выборов 18 сентября 2016 года в Госдуму седьмого созыва. Таблица с результа-

- тами [Электронный ресурс] // Informatio.ru : [веб-сайт]. Электрон. дан. 23 сентября 2016. URL: https://informatio.ru/news/glavnoe/life/itogi_vyborov_18_sentyabrya/
9. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. В 4 книгах. Книга третья (тт. VII–IX). Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1990. 528 с.
10. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 томах. Том 2 : Курс Русской истории. Часть 2. Москва : Мысль, 1988. 448 с.
11. «Левада-Центр»: 53% россиян одобрили памятник Ивану Грозному [Электронный ресурс] // Joinfo.ua: независимое новостное интернет-издание : [веб-сайт]. Электрон. дан. 01.11.2016. URL: https://joinfo.ua/sociaty/1185365_Levada-tsentr-53-grossiyan-odobrili-pamyatnik.html
12. *Леонтьев К. Н.* Избранное. Москва : Рарогъ, Московский рабочий, 1993.
13. *Донатников В.* «Россия сосредотачивается» : к 200-летию со дня рождения А. М. Горчакова // Международная жизнь. 1998. № 9. С. 78–85.
14. *Назаров М. М.* Политическая культура Российского общества 1991–1995 гг.: опыт социологического исследования / Российская академия наук, Институт социально-политических исследований. Москва : Эдиториал УРСС, 1998. 175 с.
15. Поклонская приписала Суворову слова героя Грибоедова [Электронный ресурс] // Газета.Ru : [веб-сайт]. Электрон. дан. 06.11.2016. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2016/11/06/n_9300911.shtml
16. Политическая культура России : учебное пособие для всех / А. В. Каменец, Г. Ф. Онуфриенко, А. Г. Шубаков. Москва : Брандес, 1997. 141 с.
17. Политическая культура: теория и национальные модели / [В. С. Ажаева, Е. В. Ананьева, К. С. Гаджиев и др. ; отв. ред. К. С. Гаджиев]. Москва: Интерпракс, 1994. 350 с.
18. Политическая культура : учебное пособие / Г. А. Тульчинский [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Тульчинского. Москва : Юрайт, 2015. 324 с.
19. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. Москва : Политиздат, 1992. 543 с.
20. Среди российской молодежи 5% либералов, но больше половины приветствуют радикализм [Электронный ресурс] // Толкователь : [веб-сайт]. Электрон. дан. 06.01.2016. URL: <http://tтолк.ru/2016/01/06/среди-российской-молодёжи-5-либералов/>
21. *Столыпин П. А.* Речь об устройстве быта крестьян и о праве собственности в Государственной думе 10 мая 1907 года [Электронный ресурс] // Библиотекарь.Ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://www.bibliotekar.ru/stolypin/10.htm>
22. *Тихонова В. А.* Политическая культура российского общества: социально-философский аспект. Москва : МГУКИ, 2001. 186 с.
23. *Философская энциклопедия* : в 5 томах / глав. ред. Ф. В. Константинов. Москва : Советская энциклопедия, 1960–1970. Том 3. Коммунизм – Наука. Москва : Советская энциклопедия, 1964. 584 с.
24. *Философский энциклопедический словарь* / [подготовили А. Л. Грекулова и др.] ; редкол.: С. С. Аверинцев и др. 2-е издание. Москва : Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
25. *Черняховский С. Ф.* Политическая культура и политическая традиция в политическом процессе России // Власть. 2012. № 4. С. 16–19.

References

1. Aronov A. A. About a problem of mentality of Russian culture: development by spurts. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 1 (63), pp. 38–45. (In Russian)

2. Berdyaev N. A. *Russkaya ideya [The Russian idea]*. St. Petersburg, “Azbooka” Publishing house, 2008. 318 p.
3. Kondratov S. A., ed. *Bol'shaya entsiklopediya, v 62 tomakh, tom 57 [The Great Encyclopedia, in 62 vol. Vol. 57]*. Moscow, Publishing house “Terra”, 2006. 592 p.
4. Butorov S. A. The modern culture of Russia: myths and reality. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 6 (68), pp. 57–66. (In Russian)
5. Volin D. “Chernyi piar” Ivana Groznogo [“Black PR” for the Ivan Groznyi]. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2016/07/22_a_9705299.shtml
6. *Vybory v Gosudarstvennuu dumu (2007) [State Duma elections (2007)]*. Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Государственную_думу_\(2007\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Государственную_думу_(2007))
7. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Evropa [Russia and Europe]*. Moscow, DELIBRI Publishing House, 2015. 768 p.
8. Itogi vyborov 18 sentyabrya 2016 goda v Gosdumu sed'mogo sozyva. Tablitsa s rezul'tatami [Results of elections on September 18, 2016 to the State Duma of the seventh convocation. The table with results]. Available at: https://informatio.ru/news/glavnoe/life/itogi_vyborov_18_sentyabrya/
9. Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. V 4 knigakh. Kniga tretya (tt. VII–IX) [History of the state Russian. In 4 books. Book the third (vol. VII–IX)]*. Rostov on Don, 1990. 528 p.
10. Klyuchevsky V. O. *Sochineniya. V 9 tomakh. Tom 2: Kurs Russkoi istorii. Chast' 2 [Compositions. In 9 volumes. Volume 2: Course of the Russian history. Part 2]*. Moscow, Mysl Publishers, 1988. 528 p.
11. “Levada-Tsentr”: 53% rossiyan odobrili pamyatnik Ivanu Groznomu [Levada Center: 53% of Russians have approved a monument to Ivan Groznyi]. Available at: https://joinfo.ua/sociaty/1185365_Levada-tsentr-53-rossiyan-odobrili-pamyatnik.html
12. Leontyev K. N. *Izbrannoe [Selected works]*. Moscow, 1993.
13. Lopatnikov V. “Rossiya sosredotachivaetsya”: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya A. M. Gorchakova [“Russia is concentrating”. The 200th anniversary of the birth of A. M. Gorchakov]. *International Affairs*. 1998, no. 9, pp. 78–85.
14. Nazarov M. M. *Politicheskaya kul'tura Rossiiskogo obshchestva 1991–1995 gg.: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [Political culture of the Russian society of 1991–1995: experience of a sociological research]*. Moscow, Editorial URSS, 1998. 175 p.
15. *Poklonskaya pripisala Suvorovu slova geroya Griboedova [Poklonskaya has attributed to Suvorov words of the hero of Griboedov]*. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/news/2016/11/06/n_9300911.shtml
16. Kamenets A. V., Onufrienko G. F., Shubakov A. G. *Politicheskaya kul'tura Rossii [Political culture of Russia]*. Moscow, Brandes Publishing House, 1997. 141 p.
17. Azhaeva V. S., Ananyeva E. V., Gadzhiev K. S. *Politicheskaya kul'tura: teoriya i natsional'nye modeli [Political culture: theory and national models]*. Moscow, Interprax Publishing House, 1994. 350 p.
18. Tulchinsky G. L., ed. *Politicheskaya kul'tura [Political culture]*. Moscow, Publishing URAIT, 2015. 324 p.
19. Sorokin P. A. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo [Person. Civilization. Society]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1992. 543 p.
20. *Sredi rossiiskoi molodezbi 5% liberalov, no bol'she poloviny privetstvuiut radikalizm [Among*

the Russian youth there are 5% of liberals, but more than a half welcome radicalism]. Available at: <http://tfolk.ru/2016/01/06/среди-российской-молодёжи-5-либералов/>

21. Stolypin P. A. *Rech' ob ustroistve byta krest'ian i o prave sobstvennosti v Gosudarstvennoi dume 10 maya 1907 goda* [The speech about the device of life of peasants and about the property right in the State Duma on May 10, 1907]. Available at: <http://www.bibliotekar.ru/stolypin/10.htm>

22. Tikhonova V. A. *Politicheskaya kul'tura rossiiskogo obschestva: sotsial'no-filosofskii aspekt* [Political culture of the Russian society: social and philosophical aspect]. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2001. 186 p.

23. Konstantinov F. V., ed. *Filosofskaya entsiklopediya, v 5 tomakh. Tom 3* [Philosophical encyclopedia, in 5 vol. Vol. 3]. Moscow. Publishing House Soviet encyclopedia, 1964. 584 p.

24. Averintsev S. S., ed. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. 2nd edition. Moscow. Publishing House Soviet encyclopedia, 1989. 815 p.

25. Chernyakhovsky S. F. Politicheskaya kul'tura i politicheskaya traditsiya v politicheskom protsesse Rossii [Political culture and political tradition in political process of Russia]. *Vlast'* [The Authority]. 2012, no. 4, pp. 16–19.

*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ КУРДИСТАНА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ У КУРДОВ ТУРЦИИ (СЕВЕРНЫЙ КУРДИСТАН)

УДК [323.172:304.444](560)

Шореш Абы

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В данной статье рассматриваются аспекты зарождения курдского освободительного движения на примере деятельности Рабочей партии Курдистана (РПК), анализируется её влияние на общественно-политическую жизнь Турецкого Курдистана (Северный Курдистан), на формирование политической культуры курдов, их политического сознания, мышления и поведения. В стране, где государство перестало выражать общие интересы, устранилось от выполнения своей главной роли по формированию политической культуры у курдской части общества, именно данной партии принадлежит роль по включённости курдов в политический процесс. РПК играет определяющую роль в развитии самосознания курдов, в процессе возврата к культурным истокам нации, возрождению языка и восстановлению его в прежней системе национальных ценностей.

Деятельность РПК помогает курдам осознавать собственную идентификацию, противостоять ассимиляции и нарастающему влиянию религиозных сект Турции, а также политике отрицания права курдов на существование.

Ключевые слова: политическая культура, духовно-идеологическая деятельность государства, Рабочая партия Курдистана, курдский вопрос, Турецкая республика, возрождение курдской идентичности, курдское движение, геноцид, Ближний Восток.

Shoresh Aby

Lomonosov Moscow State University, The Russian Government,
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

ACTIVITY OF THE KURDISTAN WORKERS' PARTY AS A FACTOR IN THE FORMATION OF POLITICAL CULTURE AMONG THE KURDS OF TURKEY (NORTHERN KURDISTAN)

This article discusses aspects of the origin of the Kurdish liberation movement as an example of the Working Party of Kurdistan (PKK), examines its impact on the socio-political life of Turkish Kurdis-

АБЫ ШОРЕШ – аспирант кафедры политологии стран Востока социально-экономического отделения Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ABY SHORESH – doctoral student of Department of Political Studies (Asia and Africa), Section of Social and Economic studies, The Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

tan (Northern Kurdistan), the formation of the political culture of the Kurds, the formation of their political consciousness, thinking and behavior. In a country where the state has ceased to express common interests, eliminated from carrying out its primary role in the formation of political culture in the Kurdish part of society, it is this party belongs to the role of the involvement of the Kurds in the political process. PKK played a decisive role in the development of self-awareness of the Kurds, in the process of a return to the cultural roots of the nation, the revival of the language and restoring it to the old system of national values.

Activities of the PKK Kurds helps to realize their own identity, to resist assimilation and the rising influence of religious sects in Turkey, as well as the denial of the rights of Kurdish politics to exist.

Keywords: political culture, spiritual and ideological activity of the state, the PKK, the Kurdish question, the Turkish Republic, the revival of Kurdish identity, the Kurdish movement, the genocide, the Middle East.

Для цитирования: Абы Шореш Деятельность Рабочей партии Курдистана как фактор формирования политической культуры у курдов Турции (Северный Курдистан) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 66–76.

Курдский вопрос представляет собой комплексную политическую и историко-культурную проблему, исследование которой началось ещё с XIX века. На протяжении многих веков курдский вопрос остаётся фактором напряжённости и нестабильности в регионе, актуализируется подъёмом национально-освободительного движения и событиями, происходящими на Ближнем и Среднем Востоке, что также находит отражение в научных исследованиях.

Среди известных российских исследователей этого вопроса следует назвать М. С. Лазарева, С. А. Егиазарова, А. Карцева, Н. А. Халфина, П. И. Аверьянова, Н. Я. Марра, В. Ф. Минорского, В. П. Никитина, О. И. Жигалиной, Ш. Ч. Ашири, Е. П. Бажанова, А. М. Васильева, В. Е. Донцова, Б. С. Ерасова, Г. Г. Кадымова, Г. Ф. Ким, В. Ф. Ли, В. С. Мясникова, Е. М. Примакова, А. Ю. Рудницкого, В. М. Татаринцева, М. Л. Титаренко, Л. И. Фадеева, А. М. Хазанова, Г. С. Яскина.

Следует отметить, что сегодня чаще исследуется геополитический аспект заявленной темы, его влияние на региональном уровне, на систему международных от-

ношений, при этом очевидна недостаточность комплексных исследований курдского фактора в его современном проявлении и этносоциокультурной составляющей.

Курдский вопрос, в основе которого лежит стремление курдов Турции, Ирана, Ирака и Сирии к реализации своих основных прав, в том числе и на национальное самоопределение, остаётся одним из наиболее острых вопросов ближневосточного региона. В 1639 году произошло разделение исторической территории Курдистана Османской империей и Ираном, которое было закреплено подписанием Зохабского договора. Этот год считается прекращением существования Курдистана. Курдские княжества вошли в состав империй. Вплоть до начала Первой мировой войны обострения ситуации по курдскому вопросу не возникало, что объяснялось сохранением автономии курдов, которые проживали в самостоятельных княжествах в составе империй, а также наличием местного самоуправления в этих княжествах. С начала XX века курдский край неоднократно подвергался многочис-

ленным разделением. Современные границы Ближнего Востока определились в ходе сложных переговоров, сделок, конфликтов, последовавших после распада Османской империи в конце Первой мировой войны. Договор Сайкса – Пико (1916), по сути, олицетворял собой концепции колониальных разделов и на долгие десятилетия наложил отпечаток на политическую картину мира. Согласно Севрскому мирному договору, подписанному 10 августа 1920 года, должна была возникнуть автономия Курдистан. Однако данный пункт договора не был реализован.

24 июля 1923 года в Лозанне был подписан новый договор, согласно которому часть курдских территорий, входивших в состав Османской империи, оказалась под мандатом Великобритании и Франции, на этих территориях позднее возникли Ирак и Сирия. Большая же часть курдских земель осталась внутри государственных границ возникшей Турецкой республики. Таким образом, Курдистан был разделён на четыре части. Обещанной автономии курды не получили, обещания сохранились только в текстах протоколов.

Установление новых границ происходило без учёта этнических, религиозных, родоплеменных и лингвистических факторов. На данный момент под Курдистаном понимают не самостоятельную политическую единицу, а отдельные регионы, населённые курдами. В каждой из стран курдское этническое население вовлекалось в политическую систему нового правительства. Народ подвергался дискриминации, геноциду с целью подавления национальной идентичности, что и стало одним из факторов, провоцирующих нестабильную политическую ситуацию на Ближнем Востоке. Однако, несмотря на сложив-

шуюся ситуацию, желание возродить национальное самосознание остаётся неизменным.

Важная роль в этом вопросе отводится курдам в Турецкой республике, в пределах которой проживает большая часть курдов в качестве коренного населения, их численность в пределах Турции составляет примерно 18–22 млн человек [1].

Попытки создать унитарное, мононациональное государство привели к возникновению и развитию этнических и религиозных конфликтов, которые повлияли на становление страны и спровоцировали политический кризис.

Первоначальная политика Турции определяла территорию как национальное объединение, включающее области, населённые турецким и курдским большинством. Около 70 курдов представляли свой народ в первом парламенте, официально именуясь членами парламента Курдистана. Турецкий председатель в Лозанне Исмет Паша озвучил позицию так: «Курды и турки – существенные составляющие республики. Курды – не меньшинство, а нация, правительство в Анкаре – это правительство турков в той же мере, как и курдов [1]».

После подписания Лозаннского мирного договора политика Анкары изменилась. Структуры государства были ориентированы на построение нового общества. В ходе становления мононациональной Турецкой республики пострадали многие народности. Новым курсом на пути развития республики стало стирание этнического разнообразия культур и объединение всего национального состава государства в одно понятие – гражданин, игнорируя проявления традиционной самобытности.

«Фашистское государство выражает максимальное единство гомогенного общества и государства. Основным лозунгом его является – “Один язык, одна родина, одна культура, один флаг, одна нация”. Существование всех этносов, культур, языков, политических образований и мышлений, накопленных на протяжении общественной истории, оказывается под угрозой. По мере того как они получают жизненное развитие с помощью борьбы и разнообразия, раскрывается фашистская суть национального государства», – так Абдула Оджалан охарактеризовал основные принципы создания мононационального общества в своей книге «Кризис цивилизации на Ближнем и Среднем Востоке» [8].

Разрушение национальной идентичности на протяжении десятилетий проводилось путём принудительной ассимиляции и переселения, разрушения сельских общин, геноцида несогласных с режимом становления мононационализма, искоренения основ культурного наследия.

Так, в угоду политическим принципам отказывались от культурных традиций и ценностей, формировавшихся тысячелетиями, приоритеты общества менялись, в результате терялся традиционный смысл семьи; менялось положение женщины в обществе, женщина оказалась незащищённой перед возрастающим материальным и духовным упадком внутри семьи. При помощи религиозных инструментов унижались и уничтожались аспекты национальной самобытности; снижался авторитет культурных традиций – всё для того, чтобы сосредоточить власть и влияние на единой политической линии. Исторически сложившийся уклад жизни общин подавлялся влиянием религиозных сект, подконтрольных правительству.

Появились запреты на ношение национальной одежды, исполнение песен на курдском языке, шло истребление литературного наследия – массово сжигались курдские библиотеки. Курдский язык запретили в системе образования и в сфере массовой информации. Что касается общественных организаций, то любая организация должна была позиционировать себя как турецкая. Интеллектуалом мог быть только тот, кто не является курдом по происхождению. Национальные группы, несогласные идти по пути образования унифицированной нации, лишались шанса на свободную жизнь и равноправие, жестоко наказывались, вплоть до физического истребления.

В период с 1925 года по 1940 год курды неоднократно пытались противостоять турецкой ассимиляционной политике с целью защитить своё право на сохранение культурных ценностей, курдской идентичности. Однако существовал ряд причин, которые не позволяли достичь успеха в сопротивлении. Во главе с Шейхом Саидом в 1925 году курдский народ восстал против действующего режима. Восстание было подавлено самым жёстким образом. Вождей многочисленных партий подвергли публичным казням, десятки тысяч курдов были уничтожены или оказались в изгнании. Самыми крупными стали акции протеста и народные бунты в Арарате (1930) и в Дерсиме (1938).

В 1934 году был принят закон о принудительном переселении национальных общин внутри страны. В рамках программы по созданию культурной однообразности турецкого этноса был выбран регион Тунджели (Дерсим). После обострения кризисной ситуации и нарастающего народного волнения, в 1937 году местному

губернатору было отправлено официальное обращение с просьбой пересмотреть постановление. В ответ последовали казни авторов письма. Тогда же вспыхнули массовые протесты, для погашения которых в регион были введены войска. Руководители сопротивления подверглись казням через повешение, однако народные протесты не прекратились. В Дерсиме было увеличено количество войск. Повсеместно происходили казни мирного гражданского населения и депортации, некоторые посёлки подверглись бомбардировке воздушных сил Турции. К октябрю 1938 года восстание было подавлено.

В период с 1925 года по 1945 год политика мононационализма окончательно победила. Происходила вынужденная адаптация к насаждаемой культуре господствующей нации. Механизмы угнетения, воздействуя и на экономические интересы общества, стимулировали процесс насильственной ассимиляции вплоть до полного растворения. Такое положение сохранялось до начала 1970-х годов. Многие черты национальной идентичности курдов были почти полностью стёрты. Осуществляемая властью в отношении курдского населения безжалостная политика провоцировала в обществе раскол. Многие были вынуждены подчиниться и продемонстрировать свою приверженность к государственному режиму: перед каждым среднестатистическим курдом фактически ставился выбор между сохранением национального самоопределения и будущим его семьи. Таким образом, турецкая государственная машина мононационализма вела войну против граждан своей страны.

Угнетённая увеличением государственного сектора экономика республики погружала общество в атмосферу хаоса,

обострялись экономические проблемы. Усиление борьбы рабочих посредством забастовок пресекалось репрессивными мерами. Внутренний политический кризис усугублялся внешними воздействиями. На территории Турции действовали группировки, кадровым составом которых были представители фашистских и антикоммунистических движений. Целью работы данной сети было создание политического напряжения и дискриминация левого движения.

Новая волна борьбы различных политических образований после отставки правительства Демиреля в 1971 году не вывела страну из затяжного состояния нестабильности. Разгорались противостояния между партиями, что порождало массовые акции экстремистского характера. В игру управленческих структур был вовлечён религиозный аспект общественной действительности. Особенностью религиозной жизни Турции на протяжении десятилетий являлась вовлечённость мусульман в тот или иной джамаат. Джамааты имели не только сильное духовное влияние на своих приверженцев, но и часто сотрудничали с представителями политической силы, получая финансовую поддержку и правовую защиту.

На территории страны в рамках программы культурной ассимиляции курдов в учебных заведениях открыто озвучивается правило включения молодёжи в образовательную систему Турции: стать образованным и получить хорошую профессию может каждый, но как турок, а не как курд. На волне революционных настроений и поисков выхода из национально-политического кризиса основатель Рабочей партии Курдистана Абдулла Оджалан озвучил новую концепцию движения сопро-

тивления: «Революция возможна только через освобождение Курдистана».

«Курдский народ, являющийся на Ближнем и Среднем Востоке значительной жертвой ассимиляции, представляет собой ярчайший пример в этом плане. Настойчивое проявление собственной курдской идентичности означает процесс, ведущий к геноциду; в первую очередь это потеря работы. Каким бы способным ни был курд, пока он не освоит всевозможные культурные политики господствующего национального государства, перед ним всегда будут закрываться двери к личностному и структурному развитию. В результате он встанет перед выбором: или, избрав добровольную капитуляцию, сможет пройти через все двери, ведущие вплоть до поста президента республики, или же, не сдаваясь и избрав путь борьбы, испытает все бедствия и трагедии, которые могут произойти с ним на этом пути вплоть до геноцида [9]».

Датой основания Рабочей партии Курдистана считается 27 ноября 1978 года, у самых истоков организации стояли Абдулла Оджалан и его единомышленники: Музлум Доган, Хайри Дурмуш, Кемаль Пир и Хаки Карер и другие. Они проработали и чётко определили основные направления деятельности партии. На освободительное движение накладывалась серьёзная политическая и историческая ответственность в противостоянии всем формам угнетения курдского народа.

Создание РПК стало точкой отсчёта новой эпохи общества курдов, культурные и национальные ценности которого уничтожались и стирались в угоду капиталистическим интересам. Вместе с судьбой Рабочей партии Курдистана решалась судьба курдского сообщества.

Первоочередными задачами освободительного движения стали прекращение геноцида и насильственной ассимиляции мирного населения, защита людей, ставших жертвами тюремного режима и бесчеловечных пыток за стремление сохранить национальную самобытность. Восстановление курдской идентичности было бы невозможно без сопротивления государственной программе по производству единообразного общества, не способного отстаивать своё право на самоопределение. А возврат к самосознанию и дальнейшее развитие общества невозможны без возврата к культурным истокам нации. Остро стояла проблема возрождения языка и восстановления его в прежней системе национальных ценностей.

Деятельность РПК не ограничивалась вопросами национального подъёма. Проводилась обширная работа с общественностью. Курдский социум находился в угнетённом положении не только в правовой и экономической сферах, но и его моральное состояние требовало оздоровления. Культурный упадок, спровоцированный отрывом от исторического уклада, сделал гражданское население беззащитным. Разобщённость и социальная депрессия имели серьёзные последствия. Кризис сельской общины в результате локальной коррупции со стороны вождей курдских общин привёл к тому, что люди были вынуждены продавать свои земли и при этом оставаться на них фактически рабами.

Внутри курдских общин процветала кровная вражда. РПК призывала к мирному урегулированию, объединяя людей под общим началом в борьбе за общие интересы. Особое место в работе партии всегда отводилось борьбе за равноправие. Проводилась агитационная работа с целью

изменить отношение общества к женщине. РПК выступила против ранних браков и браков по принуждению, против физического и морального насилия над женщиной.

Абдулла Оджалан, анализируя имеющиеся реалии, сфокусировал внимание своих сторонников на необходимости женской революции и на реформе положения женщины. Без разрушения стереотипов о социальном и гражданском потенциале женщины была невозможна её жизненная свобода. Демократическое общество, по мнению лидера, не могло возникнуть без свободного волеизъявления каждого его представителя, независимо от пола. Влияние религиозных сект или вовлекало свою аудиторию в политические манипуляции, или, наоборот, погружало в служение культу, отвлекая тем самым внимание от накаляющейся социальной атмосферы в стране. РПК не призывала к отказу от религии, но побуждала курдский народ к решению внутренних проблем и единому противостоянию геноциду. Принципиально новой концепцией для развития освободительного движения стал ориентир на построение общества, в котором права любых других национальных групп были бы учтены.

«Национальное самосознание курдов началось путём развития двух взаимосвязанных аспектов – это отрыв от тюркского национал-шовинизма и от примитивного курдского национализма [7]».

Очередной военный переворот, случившийся в 1980 году, сконцентрировал ресурсы Турции на интеграции в мировую экономику. Для повышения экономической эффективности был выбран путь объединения нации и борьбы с сепаратизмом. Под понятие «сепаратизм» попадали все

проявления несогласия с действующим режимом. На территории Турции было запрещено проводить митинги, акции и прочие мероприятия, которые могли носить политический, революционный и этнический характер. Таким образом, власти лишили РПК и другие политические партии и течения возможности открыто взаимодействовать с народом.

Шестьдесят шестая статья четвертого раздела новой, принятой в 1982 году Конституции Турецкой Республики вызвала неоднозначную реакцию общества, поскольку гласит: «Каждый связанный с Турецким государством через обязательства гражданства – турок [3].

На высотах крупных городов и курдских поселений появились массовые надписи «Кто турок – тот счастлив». Этот период ознаменовался ещё более масштабной антикурдской пропагандой. Поскольку общественное мнение постепенно начало изменяться, поддерживая идеи Рабочей партии Курдистана, постепенно возрастало число единомышленников и сторонников реформ, в ответ политика турецкого мононационализма становилась ещё агрессивнее. Даже само слово «курд» было запрещено, в официальных источниках курдов именовали «горными турками». Ужесточились гонения на курдский язык, преследовалось и каралось исполнение песен на курманджи. Образование велось только на турецком языке, даже было запрещено давать детям курдские имена. Переименовывались населённые пункты, носившие курдские названия. Атрибуты национальной самобытности и уцелевшее фольклорное наследие воспринимались как пропаганда курдского национализма. В положительном отношении курдского народа к иде-

ологии РПК власть увидела для себя прямую угрозу. Повсеместно совершались действия, направленные на подрыв авторитета курдского национального движения. Членов РПК и активистов, разделяющих взгляды, подвергали тюремному заключению. Регулярно применялось насилие даже против членов их семей. Известны случаи, когда даже за подозрение в помощи РПК граждане становились жертвами пыток. В населённых пунктах проводились регулярные вооружённые рейды, целью которых были поиски доказательств причастности к связи с РПК. В ходе подобных рейдов местное население претерпевало многочисленные нарушения прав: происходило уничтожение имущества, публичное унижение, психологическое давление и физическое насилие. Тех, кто оказывал сопротивление, принудительно увозили на допросы. Каждый гражданин мог стать жертвой подозрений и даже без вести пропасть.

В сложившейся тупиковой ситуации освободительное движение было вынуждено перейти к самообороне. Противостоять мощной армии, выступающей против своих же граждан, стало возможным только с помощью вооружённых столкновений. Слабость внутренней политики Турции и нежелание идти на компромиссные решения проявлялись в амбициозных устремлениях любыми средствами сломать движение к возрождению курдского общества.

На территории Курдистана происходят важные процессы, которые оказывают влияние на судьбу всего Ближнего Востока. Деятельность РПК в Турецком Курдистане наперекор всему даёт положительные результаты в объединении народа для борьбы за свои права. Выступая

защитником этнических групп, политическое движение превращается в надежду для большей части курдского сообщества. Об этом свидетельствует тот факт, что, несмотря на полный запрет партии в Турции, за период её существования количество единомышленников только возрастает.

РПК удаётся достичь поставленных целей. Так, начиная с 1990-х годов, отметить национальный праздник Навруз на улицы городов выходят тысячи курдов. Представители сил безопасности Турции не раз открывали огонь по мирным процессиям. В 1991 году погиб 31 человек, в 1992 – 94 человека стали жертвами расстрела, среди них были старики и дети. Общее горе не испугало, а сплотило курдский народ. В 2002 году, чтобы отпраздновать Навруз, на улицы Диярбакыра вышло около миллиона людей. На территории Северного Курдистана силами активистов открываются культурные центры, организуются курсы по изучению курдского языка. Впервые за долгое время в жизнь курдов стали возвращаться курдские имена, национальная музыка и танцы. Так, например, в 1991 году был создан Культурный центр Месопотамии. Одним из его учредителей стал известный курдский писатель и поэт Муса Антер, который был убит через год после открытия культурного центра. Даже после серии арестов и жестоких расправ над основателями центра начатое ими дело продолжает жить.

С 1992 года выходит первая ежедневная газета на курдском языке “Azadiya Welat” («Свобода Родины»). В 1995 году появляется первое курдское телевидение МЭД.

Для мирного решения курдских проблем – путём диалога и политических преобразований – курды на парламентских

выборах избирают своих депутатов для турецкого парламента. Политическое значение для всех курдов имел день освобождения курдского депутата Лейлы Зана. В 1994 году Лейла Зана и восемь членов парламента были арестованы и осуждены на 15 лет по обвинению в государственной измене и членстве в Рабочей партии Курдистана. Одним из оснований для ареста стала краткая речь политика в турецком парламенте, произнесённая на курманджи после принятия присяги на турецком языке. Зана завершила обращение словами на курдском: «Я произношу эту речь за братство курдского и турецкого народа», после чего последовал запрет демократической партии, в которую она входила. Организация Международная амнистия признала политика узником совести. В 1994 году Зана стала лауреатом премии Рафто, а в 1995 году Европейский парламент удостоил её премии имени А. Д. Сахарова. Позже Лейла Зана была представлена к премии Бруно Крайского. А в 2003 году Европейский суд по правам человека признал вердикт турецкого суда несправедливым. В 2004 году Лейла Зана и её однопартийцы были освобождены. Однако в 2010 году турецкий суд приговорил Лейлу Зана к трём годам заключения по обвинению в распространении террористической пропаганды. Это решение вызвало волну возмущения и протестов среди гражданского населения.

Из малочисленной организации РПК смогла развиваться в одно из ведущих курдских объединений. Пропаганда движения как террористической организации скрывает важный аспект истории конфликта с государством: до начала вооружённой самообороны следовали многочисленные попытки мирного урегулирования кризиса и

долгие годы беспощадного геноцида курдов. Также следует отметить, что перемирие между Турцией и РПК всегда нарушали правительственные турецкие войска. Обращение Оджалана от 21 марта 2013 года было мирной инициативой. Лидер партии многократно призывал заменить вооружённую борьбу за свои права на политическую. Однако в ответ на такие призывы следовали военные операции против курдов и курдского движения. Последние объявления РПК о прекращении огня были в 1999–2004 годах, 2013–2015 годах, но все эти призывы и попытки решить курдскую проблему мирным путём находили ответ со стороны турецкого государства только в силовых действиях.

Анализируя процесс формирования политической культуры курдов, в качестве отдельного фактора следует рассматривать события «арабской весны» и сирийский кризис, в котором принимает участие курдский этнос. Данный аспект проблемы является самостоятельным предметом и нуждается в отдельном исследовании.

Известно, что политическая культура граждан обусловлена многими процессами, происходящими в обществе, прежде всего, она зависит от уровня экономического и политического развития государства, от исторических традиций и этносоциокультурных особенностей. Среди современных факторов влияния следует отметить геополитический фактор и деятельность социальных институтов – политических партий, общественных организаций и движений.

Пройдя путь реформ и преобразований, современная Рабочая партия Курдистана представляет собой гибкую организованную систему, объединяющую разные слои населения на основе концепции

построения современного гражданского общества, свободного от дискриминации по национальному признаку, в котором равноправие национальных групп, религиозных конфессий, свобода самоопределения, право на собственную культуру, право выбора языка, независимость женщины служат основой, стержнем идеологии.

Вооружённая деятельность РПК никогда не направлялась на мирное гражданское население. Освободительное курдское движение выступает против мощнейшего и наиболее продолжительного в истории геноцида, не имеющего аналогов в мире, и является примером достижений в борьбе за получение равных политических, социальных и культурных прав.

Примечания

1. Буркай Камаль Курдский вопрос – история и современность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aha.ru/~said/kamal.htm>
2. Вертяев К. В. Курдский вопрос в политике Турции: (конец XX – начало XXI века) / Институт Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН; [отв. ред.: Ш. Х. Мгой]. Москва: Институт Ближнего Востока: Институт востоковедения РАН, 2007. 251 с.
3. Конституции государств (стран) мира [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=84&page=3>
4. Курдские партии и движения [Электронный ресурс]. URL: <http://levancov.livejournal.com/3569.html>
5. Лазарев М. С. Курдистан и курдский вопрос: (1923–1945) / Российская академия наук, Институт востоковедения. Москва: Восточная литература РАН, 2005. 308 с.
6. Мгой Ш. Х. Курдский фактор (современное состояние и перспективы). // Курдский вопрос на рубеже тысячелетий / Институт Ближнего Востока. Москва, 2004. С. 11–22.
7. Оджалан А. В защиту народа. Москва: Астрей-Центр, 2007. 528 с.
8. Оджалан А. Манифест Демократического общества. Книга четвёртая: Кризис цивилизации на Ближнем и Среднем Востоке / перевод Я. Балоян. Москва: Издание Академии социальных наук, 2015. 480 с.
9. Оджалан А. Манифест Демократического общества. Книга пятая: Курдская проблема и решение модели демократической нации / перевод Я. Балоян. Москва: Издание Академии социальных наук, 2016. 832 с.
10. Kutlay Naci 21. *Yüzyıla girerken Kürtler*. Istanbul, 2002.
11. Turhan Talat *Özel savaş ve kontrgerilla*. Istanbul, 1995.

References

1. Burkay Kamal. *Kurdskiy vopros – istoriya i sovremennost'* [Kurdish issue – history and modernity]. Available at: <http://www.aha.ru/~said/kamal.htm>
2. Vertyaev K. V. *Kurdskiy vopros v politike Turtsii: (konets XX – nachalo XXI veka)* [Kurdish issue in Turkish politics: (late XX – early XXI century)]. Moscow, 2007. 251 p.
3. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira* [The Constitution States (countries) of the world]. Available at: <http://worldconstitutions.ru/?p=84&page=3>
4. *Kurdskiyе partii i dvizheniya* [Kurdish parties and movements]. Available at: <http://levancov.livejournal.com/3569.html>
5. Lazarev M. S. *Kurdistan i kurdskiy vopros: (1923–1945)* [Kurdistan and the Kurdish question: (1923–1945)]. Moscow, «Vostochnaya Literatura» Publishers, 2005. 308 p.

6. Mgoi Sh. Kh. Kurdskiy faktor (sovremennoye sostoyaniye i perspektivy) [Kurdish factor (current state and prospects)]. *Kurdskiy vopros na rubezhe tysyacheletiy [The Kurdish issue at the turn of the millennium]*. Moscow, 2004. Pp. 11–22.
7. Odzhalan A. [Abdullah Öcalan] *V zashchitu naroda [In defense of the people]*. Moscow, 2007. 528 p.
8. Odzhalan A. [Abdullah Öcalan] *Manifest Demokraticeskogo obschestva. Kniga 4: Krizis tsivilizatsii na Blizhnem i Srednem Vostoke [Manifesto of the Democratic Society. Book 4: The Crisis of Civilization in the Near and Middle East]*. Moscow, Publication of the Academy of Social Sciences, 2015. 480 p.
9. Odzhalan A. [Abdullah Öcalan] *Manifest Demokraticeskogo obschestva. Kniga 5: Kurdsкая problema i resheniye modeli demokraticeskoy natsii [Manifesto of a Democratic Society. Book 5: The Kurdish Problem and the Solution of the Model of the Democratic Nation]*. Moscow, Publication of the Academy of Social Sciences, 2016. 832 p.
10. Kutlay Naci *21. Yüzyıla girerken Kürtler*. Istanbul, 2002.
11. Turhan Talat *Özel savaş ve kontrgerilla*. Istanbul, 1995.

*

А ПОКАЛИПСИС В СОВРЕМЕННОМ МАССОВОМ КИНО

УДК 008:791.43.01

Д. И. Павлич

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена рассмотрению современных эсхатологических представлений людей, которые отражают процессы трансформации личности и осознания своего Я в культуре постмодерна, на примере массового кино, которое в большой степени отражает ожидания будущего, а значит, его анализ позволяет прогнозировать социокультурные процессы.

Автор подчёркивает, что в основе современных эсхатологических представлений лежат мифологемы Апокалипсиса в смысле людской вседозволенности и плюрализма морали, где явно прослеживается понимание Конца как господства бессознательных инстинктов, потребления, но самое главное – как господства Мифа, который исполняет роль «защитника», когда человек в попытке уподобиться Богу попадает в ловушку своего бессознательного.

Ключевые слова: Апокалипсис, эсхатология, постмодерн, массовое кино, цикличность времени.

D. I. Pavlich

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE APOCALYPSE IN THE CONTEMPORARY MASS CINEMA

The article is devoted to the examination of modern eschatological representations of people that reflect the processes of personality transformation and the awareness of its self in the culture of postmodernity, with the example of mass cinema, which largely reflects the expectations of the future, and therefore its analysis allows us to predict social and cultural processes.

The author emphasizes that at the heart of modern eschatological representations lie the mythologems of the Apocalypse in the sense of human permissiveness and pluralism of morality, where the End is clearly perceived as the domination of unconscious instincts, consumption, but most importantly – as the domination of Myth, which acts as a "protector" In an attempt to become like God falls into the trap of his unconscious.

Keywords: apocalypse, eschatology, postmodern, modern mass movies, cyclical time.

Для цитирования: Павлич Д. И. Апокалипсис в современном массовом кино // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С.

ПАВЛИЧ ДИНАРА ИЛЬДАРОВНА – аспирантка кафедры теории культуры, этики и эстетики социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

PAVLICH DINARA ILDAROVNA – doctoral student of Department of the theory of culture, ethics and aesthetics, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: kakaeva1991@yandex.ru

© Павлич Д. И., 2017

В современном культурфилософском знании такая тема, как современные эсхатологические манифестации в массовой культуре, является актуальной и вызывает большой интерес, в первую очередь из-за того, что многочисленные передачи, фильмы, шоу на тему Апокалипсиса транслируют отнюдь не исторический опыт в этой области культуры христианства, а нечто совсем иное. Они отражают процессы трансформации личности и осознания ею своего Я в культуре постмодерна.

Это представляется крайне интересным, так как эсхатология – это религиозное учение о конечных судьбах мира и человека, то есть благодаря подробному рассмотрению таких явлений культуры можно анализировать основные факторы формирования современной социокультурной среды. В рамках данного определения в статье эсхатологическая манифестация будет пониматься как проявление различных (вербальных, невербальных) апокалиптических представлений в культуре.

Рассмотрим эту тему на примере киноискусства. «Киноискусство включает драматургические, языковые, музыкальные, живописно-пластические элементы, игру актёров. Киноискусство не дублирует и не заменяет театр, литературу, живопись, а перерабатывает их опыт в соответствии с особенностями экранного творчества [4, с. 25–29]». Многие предметы современного киноискусства включают в себя элементы массовой культуры, отражая реалии общества потребления. Ж. Бодрийяр рассматривает потребление как цепную психологическую реакцию, которая направляется современной магией, природа которой бессознательна. Потребление предметов больше не связано с их сущностью – речь идёт, скорее, об отчуждённых

знаках предметов, которые существуют лишь в связи друг с другом. Ж. Бодрийяр считает, что общество потребления – это общество самообмана, где невозможны ни подлинные чувства, ни культура и где даже изобилие является следствием тщательно маскируемого и защищаемого дефицита [1, с. 15–17].

Хотелось бы остановиться и провести культурологический анализ фильмов, связанных с темой Апокалипсиса. Давайте рассмотрим «Судную ночь-2» (режиссёр – Джеймс ДеМонако). Фильм повествует об идеальном мире, где нет убийств и насилия, поскольку одну ночь в году власти позволяют людям безнаказанно убивать, грабить, насиловать и т.д. В этом фильме весьма интересно отношение к христианской морали и библейским текстам. Например, интересен образ типичной американской женщины средних лет, которая читает проповедь, находясь в полном экстазе, а внизу мы видим множество убитых ею людей. Получается, что обычный обыватель общества потребления выступает в роли проповедника, возлагая на себя миссию, скажем, апостола Павла. При этом режиссёр намеренно одевает её в типичную повседневную одежду современного американца и ставит её на крышу супермаркета – как одного из символов культуры потребления. Если разложить семиотическую структуру указанного выше сюжета по технологии «фрейм-набора» Ван Горпа, то в данном случае лексика женщины не несёт каких-либо культурных кодов, связанных с христианством, однако латентно речь выстроена в форме проповеди, что можно определить как археобраз христианства, задающий фрейм, то есть механизм восприятия. В данном случае центральной темой скрытого куль-

турного феномена является мифический сюжет, но одновременно с этим визуальными средствами зритель сразу отсылается к симулякрам культуры потребления, таким как, например, супермаркет типичного американского города.

Также любопытно обратить внимание на то, как сдвигаются ценностные ориентации в сторону возвышения отдельного человека не по принципу личных достижений, как, например, в христианской картине мира, а по принципу «общество позволяет». Не последнюю роль здесь играет миф. Можно говорить об «анархии мифа»¹. Миф не помогает установлению культурной парадигмы личности и общества, а порождает их множество, в связи с чем бессознательное, как инструмент в борьбе с неявным и непонятым, выходит на первый план, «защищая» нас.

Поведение женщины из фильма проецируется на религию Спасения, в данном случае христианство, но оно не заложено в рамках этой культурной картины мира, оно лишь проводит с ней аналогии, а значит, эта культурная картина мира не существует в рамках общества из фильма «Судная ночь-2», она порождена множеством разных мифом, а не мифом о приходе небиблейского Апокалипсиса.

С точки зрения формирования культурной картины мира и эклектического мировоззрения представляется необходимым разобрать ещё одну сцену, в которой манифестируется ветхозаветное братоубийство, совершенное двумя родными сёстрами. Убийство оправдывается героиней, так как это право ей дано государ-

ством, то есть опять можно говорить об отсылке к библейскому сюжету в качестве фрейма, но содержание данной сцены говорит о совершенно ином смысле, заключённом в восприятии симулякра о вседозволенности как основы мировоззрения героини. Ценностные установки отсутствуют, субъект находится в мире симуляции ценностей, с чем и связана возможность убийства. Данный кинотекст передаёт мифологемы Апокалипсиса в смысле людской вседозволенности и плюрализма морали, где явно прослеживается понимание Конца как господства бессознательных инстинктов, потребления, но самое главное – как господства Мифа. Мифа о справедливости подобной Судной ночи, полезности, мифа о том, что люди вправе вершить чужие судьбы и определять начало и конец той самой Судной ночи.

Продолжение темы находим в фильме Терри Гиллиама «Теорема Зеро». В первую очередь нужно сказать, что мы видим футуристическую картину мира, в котором живёт одинокий гений. Следовательно, мы наблюдаем циклическую картину времени в этом фильме. Она проявляется в том, что главный герой решает теорему зеро, которая доказывает, что рано или поздно мир сожмётся до сверхплотной материальной точки, где нет ни времени, ни пространства, ни материи, ничего. В центре внимания вновь Человек, а не Бог, способный доказать всё, что угодно, а также упорядочить Хаос, доказав теорему, как и в архаике, мы наблюдаем Миф как основу общества и его открытий, а также субъективное начало в понимании исторического времени. Финал также интересен – герой вместо упорядоченного Хаоса, который он в своих мечтах видел всё время, видит субъективное бессознательное, пребывая

¹ Здесь и далее миф будем понимать как систему мифотворчества, которая выступает за ликвидацию любой иерархической системы социокультурного устройства.

в грёзах о несостоявшейся любви. Хочется подчеркнуть, что основная линия по заявленной теме связана с финалом, наполненным мифами о теореме zero, упорядоченном хаосе, где человек выступает в роли наблюдателя и, как бы он ни старался изменить существенно ход событий, это заканчивается провалом. Также интересно понимание виртуальной реальности как неотъемлемой части жизни главного героя, ведь только в пространстве виртуальной реальности он смог найти женщину по сердцу. Если посмотреть, например, на эсхатологию некоторых племён, то мы увидим, что вера, например, в способность вождя изменить ход вещей так же безусловна, как и вера миллионера из фильма в этого одинокого гения, а все сторонние люди – просто наблюдатели.

Эсхатологической теме посвящён и фильм «Люси» Люка Бессона. Основной сюжет – девушке вводят вещество, активизирующее способности мозга, в результате чего она должна раскрыть остальному человечеству тайны мироздания. Но за это она платит жизнью, ведь человек не способен раскрыть вселенские законы и остаться при этом невредимым. Одновременно с развитием умственных способностей на героиню фильма с огромной силой начинает давить бессознательная часть психики, что и сводит её с ума. На мой взгляд, это прямая аллегория на всё современное общество постмодерна в смысле постулирования эгоцентризма и нарциссизма. В центре сюжета находится миф о сверхчеловеке, который способен уподобиться Богу. Опять же, по основному фрейму, зрителя отсылают к христианскому сюжету о Сыне Божиим, но дальнейшие события раскрывают лишь ценности общества потребления, такие

как возможность изучить квантовую физику на основе чтения заголовков ссылок в Интернете, изучение китайского языка по губам говорящих в течение одной минуты, что делала главная героиня. Такой подход к осмыслению сложных явлений раскрывает зависимость современного индивида от медиапространства. Вспоминается «Золотая ветвь» Дж. Фрейзера, в которой он описал, как, например, женщины во время охоты своих мужей не должны были выходить из дома, а если они выйдут, то охота не состоится, и никому и в голову не приходило это проверить, этому просто свято верили и исполняли [8].

Стоит подчеркнуть, что ни один из вышперечисленных кинотекстов не привязан жёстко к эсхатологическому сюжету – вследствие того, что отсутствует ссылка от одного явления к другому, то есть можно сказать, что данные тексты представлены в виде дискурсов, наполненных множеством сюжетов, но сюжеты не находятся в иерархической, смысловой или иной связи. Апокалиптическая мифологема в данном случае не является одним из факторов формирования целостного мировоззрения, а представляет собой программу с произвольным наполнением. Как говорилось выше, серийность эсхатологических сюжетов меняет мифологический хронотоп, где апокалиптический сюжет более не финальная часть временного континуума, а лишь привычный сюжет, тиражируемый медиапространством, не имеющий смысловой нагрузки. Здесь можно говорить о «тотальном» времени, по терминологии Левинаса, то есть о бесконечном времени, которое в любой точке может отменить или исказить предыдущие события, делая актуальным только время «здесь и сейчас». Эсхатологический сюжет в таком

контексте находится вне связи с предыдущими и лишается финальной точки, благодаря которой он сохранял целостную структуру.

Таким образом, апокалиптические сюжеты в основном раскрываются в пространстве массовой коммуникации с коммерческими целями, а не с целью формирования единой культурной парадигмы. Например: предсказание племени Майя о конце света, который должен был наступить в декабре 2012 года, наступление после 2012 года непродолжительного ледникового периода, вспышки на Солнце, столкновение Земли с каким-либо небесным телом или те же локальные катаклизмы могут перерасти в глобальные. Тем более что в мире и так происходит достаточ-

ное количество различных катастроф локального характера. Все эти мифы активно поддерживаются в СМИ, что также способствует их развитию. Притягательность конца света – в мгновенном мощном и бесповоротном разрушении однообразного существования, это реализация желания глобальных перемен, желания начать жизнь заново. Ведь многие воспринимают конец света оптимистично, в современном мире это скорее надежда, чем трагедия. Кроме того, возможно, это способ избавиться от технократизма, вернуться к идиллии с природой. Рассмотрев сюжеты описанных выше фильмов, можно сделать вывод о том, что в современном массовом кинематографе, так же как и в архаике, стираются границы реальности и вымысла.

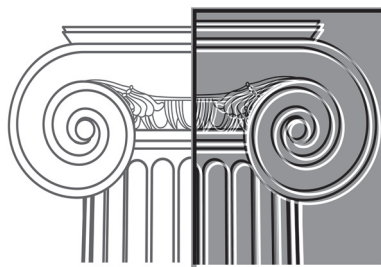
Примечания

1. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления : его мифы и структуры / [пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской]. Москва : Республика : Культурная революция, 2006. 269 с.
2. *Воеводина Л. Н.* Философия культуры в эпоху постсовременности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3 (59). С. 29–35.
3. *Зайцева А. Ф.* Эстетические ожидания потребителей в системе рекламных коммуникаций // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 265–270.
4. *Лотман Ю.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин : Ээсти раамат, 1973. 135 с.
5. *Ремизов В. А., Коробкина А. Н.* Сущность и структура современного медиакультурного пространства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 83–86.
6. *Тихонова В. А.* Глобализация и геополитика: духовно-ценностные основы противоречий // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1 (63). С. 45–50.
7. *Философия : Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина.* Москва : Гардарики, 2004. 1072 с.
8. *Фрейзер Дж.* Золотая ветвь: исследования магии и религии / пер. [с англ.] М. К. Рыклина. Москва : Академический Проект, 2012. 854 с.
9. *Чижиков В. В.* Пространство потребления – от объективного к субъективному // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (65). С. 52–57.
10. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии : пер. с англ. Москва : REFL-book, Киев : Ваклер, 1996. 288 с.

References

1. Baudrillard Jean. *The Consumer Society: Myths and structures*, 1998 (In Rus. ed.: Bodriyar Zh. *Obschestvo potrebleniia: Mify i struktury* [The consumer society: Myths and structures]. Moscow, Publishing house “Republik”, Publishing house “Cultural Revolution”, 2006. 269 p.
2. Voevodina L. N. Philosophy of culture in post-modernity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2014, no. 3 (59), pp. 29–35. (In Russian)
3. Zaytseva A. F. Consumer aesthetic expectations in the system of advertising communications. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015, no. 2 (64), pp. 264–270. (In Russian)
4. Lotman Yu. *Semiotika kino i problemy kinoestetiki* [Semiotics of the film and the problem of cinema esthetics]. Tallin, Eesti Raamat Publishing House, 1973. 135 p.
5. Remizov V. A., Korobkina A. N. The nature and structure of modern cultural space media. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015, no. 2 (64), pp. 83–86. (In Russian)
6. Tikhonova V. A. Globalization and geopolitics: spiritual and value basis of contradictions. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015, no. 1 (63), pp. 45–50. (In Russian)
7. Ivin A. A., ed. *Filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophy: Encyclopedic dictionary]. Moscow, Publishing House “Gardariki”, 2004. 1072 p.
8. Frazer, James George. *The golden bough*. London, 1923. (In Rus ed.: Freizer Dzh. *Zolotaya vetv' : issledovaniya magii i religii* [Gold branch: researches of magic and religion]. Moscow, Publishing house “Academic Project”, 2012. 854 p.)
9. Chizhikov V. V. The space consumption is from the objective to the subjective. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015, no. 3 (65), pp. 52–57. (In Russian)
10. Eliade M. [Eliade Mircea] *Mify, snovideniya, misterii* [Myths, dreams, mysteries]. Moscow, REFL-book Publishing House, Kiev, Vakler Publishing House, 1996. 288 p.

СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ КАДЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

УДК 37.032

О. Ю. Мацукевич¹, И. А. Герасимова¹, А. П. Герасимов²

¹Московский государственный институт культуры

²Московское военно-музыкальное училище Министерства обороны Российской Федерации

Статья посвящена одной из важнейших составляющих социокультурного пространства современных образовательных учреждений кадетского типа – кадетским традициям. Актуальность заявленной темы определяется необходимостью разработки новых подходов к организации воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма, бережного отношения к героическому прошлому России, активного продолжения лучших традиций служения Родине. Кадетское образование как социально-культурный феномен и государственная система формирования национального служилого слоя создавались, функционировали и отлаживались в России веками. Опыт и результаты деятельности кадетских корпусов на протяжении трёхсот лет стал примером воспитания гражданственности и патриотизма, а многие воспитанники учреждений кадетского образования России стали её национальным достоянием. Дано описание наиболее существенных традиций жизнедеятельности современных российских кадет, предпринята попытка их классификации.

Ключевые слова: кадетские образовательные учреждения, социально-культурные традиции, преемственность, культура, досуговая деятельность, воинская честь, духовно-нравственное воспитание, воинские ритуалы, национальные и военно-исторические традиции.

¹МАЦУКЕВИЧ ОЛЬГА ЮРЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры

MATSUKEVITCH OLGA YURYEVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Department of social and cultural activities, Moscow State Institute of Culture

²ГЕРАСИМОВА ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры

GERASIMOVA IRINA ALEKSEEVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of Department of social and cultural activities, Moscow State Institute of Culture

³ГЕРАСИМОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ – кандидат педагогических наук, начальник Московского военно-музыкального училища Министерства обороны Российской Федерации, заслуженный артист Российской Федерации

GERASIMOV ALEXANDER PETROVICH – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Head Moscow military music school of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Honored artist of the Russian Federation

e-mail: olgmats@yandex.ru¹, gerasimova-ira@mail.ru², muskadet@mail.ru³

© Мацукевич О. Ю., Герасимова И. А., Герасимов А. П., 2017

O. Yu. Matsukevich¹, I. A. Gerasimova¹, A. P. Gerasimov²

¹Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

²Moscow military music school of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
Ministry of Defence of the Russian Federation, Leninsky district, settlement of Mosrentgen,
Geroya St. of Russia Solomatina, 142771, Moscow, Russian Federation

SOCIAL AND CULTURAL TRADITION OF MILITARY EDUCATION IN RUSSIA

The article is devoted to one of the most important components of the sociocultural space of modern educational institutions of the type of cadet – cadet traditions. The relevance of the topic is determined by the need to develop new approaches to education of rising generation in spirit of patriotism, respect for the heroic past of Russia, to actively continue the best traditions of service to the Motherland. Cadet education as a social and cultural phenomenon, and the state system the formation of a national the serving layer is created, operated and debug in Russia for centuries. The experience and results of the activities of the cadet corps for three hundred years was an example of civic education and patriotism, and many of the inmates of institutions of military education of Russia became its national heritage. This description of the most significant traditions of life of modern Russian cadet, attempt their classification.

Keywords: military educational institutions, the social and cultural tradition, continuity, culture, leisure activities, military honor, moral and spiritual education, military rituals, national and military-historical tradition.

Для цитирования: Мацукевич О. Ю., Герасимова И. А., Герасимов А. П. Социально-культурные традиции кадетского образования в России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 84–95.

В постоянно развивающемся современном обществе неизбежны процессы преобразования и трансформации [15, с. 16–27]. Изменяются личностные и общественные приоритеты, разрушаются стереотипы, формируются новые ценностные ориентации – всё это придаёт патриотическому воспитанию молодёжи современной России исключительную важность [4, с. 40–47]. Однако оно будет эффективным лишь тогда, когда во главу угла будет поставлено изучение истории Российского государства, в том числе военной, через обычаи, обряды, ритуалы и традиции.

Президент России В. В. Путин, выступая 8 сентября 2016 года на торжественной церемонии вручения знамени воспитанникам Тверского суворовского военного учи-

лища, отметил, что отличительной чертой суворовской военной школы «всегда были глубокие знания, высокая культура и дисциплина, воспитание истинного патриотизма. Это особенно важно сейчас, когда наше общество восстанавливает историческую преемственность и связь поколений, обращается к традициям и основам, которые на протяжении многих веков делали наш народ сильным и сплочённым [7]».

Данное положение находит своё подтверждение в ряде нормативных документов, регулирующих образовательную деятельность кадетских образовательных организаций. Так, в Приказе Министра обороны Российской Федерации от 21 июля 2014 года N 515 сказано: «Воспитание обучающихся базируется на общечелове-

ских ценностях, лучших образцах мировой и национальной культуры, истории Отечества и героических традициях российской армии и флота, Вооружённых Сил Российской Федерации [9].

Актуализация ценностного содержания культурно-исторических традиций [17, с. 70–78] в образовательных организациях кадетского типа реализуется как через специально организованное педагогическое воздействие, так и через повседневное влияние воспитывающей среды. В условиях закрытого военного учебного заведения, функционирующего в чётко заданных условиях, обусловленных традициями и спецификой (профессионализацией) и нормами военно-профессионального образования, формируется особая атмосфера, интересы, которые придают определённую прочность его жизнедеятельности.

Роли традиций и ритуалов в организации образовательного процесса в системе кадетского образования посвящены работы В. Р. Басаева, В. Н. Бокова, В. О. Гусковой, В. К. Грабарь, А. Б. Иордана, И. Н. Лощилова, Н. С. Костоусова, В. М. Меньшова, Н. Б. Саханского. Использование символики и ритуалов в деятельности детской организации исследовали В. Т. Кабуш, К. О. Карагезов; теория, история и практика военной символики представлена в работах Г. А. Ашева, В. Д. Серых. Историческим и культурным традициям российских кадетских корпусов посвящена монография В. М. Крылова и В. В. Семичева. Традиции российских военных учебных заведений рассмотрены в исследованиях А. А. Михайлова, Е. В. Климашкиной, В. А. Гурковского и других.

Однако практика использования потенциала социально-культурных традиций

в современном педагогическом процессе в системе кадетского образования [6, с. 106–111] остаётся не в полной мере проанализированной в научно-методическом плане. Не менее актуальным в контексте изучения традиций является вопрос их классификации.

Традиции представляют собой сложное многоуровневое явление, функционирующее как в материальной, так и в духовной сфере деятельности [5, с. 182–189]. Следует обратить внимание на структуру уровней традиций, предложенную С. Г. Уразовой: мегауровень – общечеловеческие традиции, макроуровень – национальные традиции, мезоуровень – региональные традиции, микроуровень – традиции ближайшего социального окружения личности (образовательного учреждения, организации и так далее) [13].

В педагогике традиции выступают как социальные регуляторы и средства обучения. Воспитание на традициях предполагает перенос ценностного содержания, обычаев и символов мега- макро-, мезоуровня и формирование на их основе традиций микроуровня как компонента воспитывающей среды образовательного учреждения. В результате этого воспитанник получает в своё распоряжение определённую совокупность традиционных образов, образующих культуросообразное пространство для ценностного ориентирования личности.

На основании предложенной структуры классификация традиций, транспонированных в образовательную среду образовательных организаций, реализующих кадетский компонент образования, содержащий, в частности, военно-музыкальную направленность, может быть представлена в следующем виде:

1. Базовые, фундаментальные традиции			
Мегауровень	традиции общечеловеческой культуры	<ul style="list-style-type: none"> • нормативно-правовые • религиозно-духовные (конфессиональные) • политические 	<i>по характеру социально-культурной направленности</i>
	национальные традиции	<ul style="list-style-type: none"> • этнические (народные традиции) • морально-этические • художественно-эстетические 	
2. Специфические (военные) традиции			
Макроуровень	Общие:		<i>по сфере общности и степени их проявления в жизнедеятельности</i>
	<ul style="list-style-type: none"> • традиции Российской армии и отечественной военной школы (боевые, трудовые, спортивные, бытовые, учебные, досуговые, традиции товарищества, взаимопомощи и взаимовыручки) • традиции отечественной военной, военно-музыкальной культуры • традиции обучения и воспитания в военных образовательных организациях МО РФ 		
	Частные:		
Мезоуровень	<ul style="list-style-type: none"> • традиции Военно-оркестровой службы МО РФ 		
Микроуровень	<ul style="list-style-type: none"> • традиции училища (подразделений курса, роты) 		

Представленные виды традиций условно можно разделить на две большие группы.

1. Базовые, фундаментальные традиции, представляющие собой определённую систему важнейших материальных и духовных ценностей всего человечества – традиции общечеловеческой и национальной культуры, находящие своё выражение в нравственных, правовых идеалах и принципах, политических, этических, эстетических, религиозных идеях и других духовных ценностях и являющиеся базовыми в воспитании подрастающего поколения.

Необходимость сохранения и развития общечеловеческих и национальных

традиций диктуется тем, что человек, не любящий и не знающий своего родного языка, своей культуры, вряд ли сумеет по достоинству оценить язык, культуру других народов. Культура воспроизводит себя в традициях. Сохраняя, поддерживая традиции, мы участвуем в передаче того содержания культуры, которое признано людьми как особенно ценное, важное, незаменимое.

2. Специфические (военные) традиции, своим традиционным идейным содержанием способствующие формированию тех морально-политических взглядов, которые служат основой ценностного отношения кадет к воинскому долгу.

Следует отметить, что у всех видов традиций единые духовно-нравственные и исторические корни, что определяет их преемственность и усиливает тем самым их воспитательный потенциал.

Наиболее ярким и образным материалом, оказывающим сильное воспитательное воздействие на развитие личности кадета (суворовца), являются военные традиции.

Военные традиции – это устойчивые, исторически сложившиеся, передаваемые из поколения в поколение формы общественных отношений в армии (на флоте) в виде порядка, правил и норм поведения военнослужащих, их духовных ценностей, нравственных установок и обычаев, связанных с выполнением учебно-боевых задач, организацией военной службы и воинского быта [1].

Традиции, связанные с воинским долгом и обязанностями, прописывались в Воинских уставах. Одновременно с ними разрабатывались Уставы и Положения для военно-образовательных учреждений, такие как Устав Сухопутного шляхетного кадетского корпуса» (при Екатерине II), «Устав Военной академии», «Положение о кадетских корпусах», (при Николае I) и «Устав для военно-учебных заведений». В этих и других документах формулировалась цель военно-образовательных учреждений; определялись статус образовательного учреждения и функции, которые выполняет заведение; затрагивались нормативно-правовые аспекты; определялись типы и виды учебно-образовательных и воспитательных программ; прописывались режим дня, права и обязанности участников образовательного процесса и т.д.

Деятельность современных образовательных организаций также регламен-

тируется Уставом, утверждённым в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Например, Уставы образовательных организаций, реализующих кадетский компонент образования, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, в числе основных положений обязательно содержат пункт, определяющий основные задачи их деятельности:

- подготовка обучающихся к поступлению в профильные образовательные организации;
- обеспечение интеллектуального, физического, культурного и нравственного развития обучающихся, активное приобщение их к миру искусства, общечеловеческим и национальным ценностям, получение ими среднего общего образования в соответствии с требованиями государственных стандартов;
- получение обучающимися начальных знаний и навыков военного дела, необходимых для выбора профессии, продолжения дальнейшего обучения в профильных образовательных организациях;
- развитие у обучающихся чувства патриотизма, формирование готовности к защите Отечества;
- формирование и развитие у обучающихся чувства верности воинскому долгу, дисциплинированности, добросовестного отношения к учёбе, стремления к овладению профессией офицера и воспитание любви к военной службе;
- развитие у обучающихся высоких морально-психологических, деловых и организаторских качеств, физической выносливости и стойкости;
- формирование общей культуры личности на основе усвоения содержания общеобразовательных программ [14].

При огромном многообразии военных традиций есть особые, которые выделяются как наиболее важные и существенные, например: уважение к знамени, бережное отношение к славной истории своего учебного заведения, уважение к военной форме одежды, соблюдение правил воинского этикета и т.д. Рассмотрим некоторые из них.

Во все времена и во всех армиях мира наиглавнейшим символом воинской чести, доблести и славы являлось Знамя. В Российской армии уважение к знамени воспитывалось с давних времён. Знамя своего подразделения было предметом почти одушевлённым. Уважение к знамени внушалось исключительно бережным отношением к нему со стороны всех без исключения командиров и начальников.

Положение «О знамени суворовского военного, нахимовского военно-морского, военно-музыкального училищ, кадетского (морского кадетского) корпуса Министерства обороны Российской Федерации» утверждено Приказом Министра обороны РФ от 20 мая 2008 года N 275. Невозможно себе представить ни одного значительного воинского ритуала без участия знамени. Эта традиция сохраняется в суворовских училищах, кадетских корпусах и в наши дни [8].

Людей, имеющих отношение к армии, всегда выделяла военная форма одежды, отношение к которой в России с давних времён было уважительным, поскольку носитель формы являл собой пример государственного человека, готового все свои силы, умения и даже саму жизнь отдать за Отечество. И в этом ряду особое место занимает кадетская (суворовская) форма. Несколько видоизменяясь в разные исторические времена, она оставалась чёрного

цвета – как гвардейская форма императорской армии, олицетворяя собой молодое будущее Вооружённых Сил.

Воспитанникам суворовских училищ сегодня вернули форму старого образца, которая является точной копией мундиров кадетских корпусов императорской России. Порядок ношения типовой формы одежды и знаков отличия обучающихся в образовательных организациях кадетского типа установлен Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2013 года № 366 [12]. При этом окончательное решение по поводу права ношения кадетами той или иной формы одежды и тех или иных знаков отличия принимает Геральдический совет при Президенте Российской Федерации.

Честь мундира ассоциируется в общественном сознании с воинской честью. Воинская честь – это свод неписаных правил поведения офицера в различных ситуациях, соблюдение которых позволяет ему оставаться эталоном воинского воспитания и воинского этикета. Честь – святость офицера, она высшее благо, которое он должен хранить в чистоте. Из этого понятия появился обычай отдания воинского приветствия – отдания чести. Выполнить воинское приветствие – значит подтвердить свою преданность войсковому братству, закрепить духовное равенство всех защитников Отечества.

Традиция здоровой корпоративности воспитывалась у юношей, посвятивших себя службе в армии, с детства: они старались быть патриотами своего учебного заведения, своей военной гимназии (кадетского корпуса), военного училища, города, где прошли годы учёбы и, естественно, всей Российской армии [16]. Эта традиция сохраняется и в наши дни. Нынешние ка-

дети живут традициями и заветами прежних выпусков, которые передаются старшими поколениями младшим. Союзы на основе общего кадетского братства существуют и в наши дни.

Формы реализации военных традиций различны и многообразны, в их числе воинские ритуалы, олицетворяющие красоту воинской деятельности и самоотверженности. Многие ритуалы Вооружённых Сил Российской Федерации находят применение и широко используются в системе кадетского образования. В основном это воинские ритуалы, которые могут быть адаптированы к условиям детского образовательного учреждения. Своим традиционным идейным содержанием воинские ритуалы способствуют формированию тех морально-политических взглядов, которые служат основой ценностного отношения кадет к воинскому долгу.

Следует заметить, что структура военных ритуалов статична, но содержательная часть изменяется под влиянием специфики, интересов, потребностей общества. Некоторые военные ритуалы приобретают новое видение и со временем превращаются в традиции самого образовательного заведения: ритуал посвящения в суворовцы (кадеты); церемония очередного выпуска; смотры (лучшая строевая подготовка в составе подразделения, смотр строевой песни); участие в военных парадах, праздничных шествиях, посвящённых празднованию событий, имеющих общегосударственное значение; возложение венков к памятникам и могилам воинов, павших в боях за свободу и независимость Родины [2, с. 347–353].

Умение вести себя в обществе, соблюдение правил воинского этикета, разностороннее образование – всё это было и

остаётся характерной чертой российской системы военно-профессионального обучения и воспитания. Сегодня вновь возрождается одна из самых красивых традиций императорской России – традиция проведения кадетских балов. Бал – это такой же церемониал, как и военный парад, как и коронация, дипломатический приём, церемониальное застолье.

Подтверждением верности сложившимся в Вооружённых Силах традициям является участие кадетов и суворовцев в парадах, проводимых в различных городах России, что стало не просто привычной «картинкой», а нашей национальной традицией и предметом государственной гордости.

Решая актуальные педагогические задачи, в том числе по развитию интеллектуального и творческого потенциала обучающихся, современные кадетские школы активно используют традиционный опыт военно-учебных заведений Российской империи по организации выпуска ученической печати. Первый журнал под названием «Праздное время, в пользу употребляемое» начал выходить в Шляхетском сухопутном кадетском корпусе ещё в 1759 году. Широкое распространение получили кадетские журналы в начале XX века, чему способствовало решение Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях, состоявшегося в декабре 1903 года. В числе решений съезда было – учредить при военно-учебных заведениях журналы. С этого времени появляется множество кадетских ученических сборников, подготовка которых стала для многих воспитанников содержательным досугом. В воспоминаниях бывшего кадета А. Т-ова, опубликованных в журнале «Военная быль», их содержание опи-

сывается следующим образом: «... передовые статьи, рассказы, повести, стихи, воспоминания, критика, публицистика, статьи о разных событиях в корпусе, библиография, спорт, задачи, смесь. Затрагивались любопытные темы: о внеклассном чтении, о товариществе, необходимости военного самообразования, о воинской дисциплине и т.д. [11]».

И в наши дни сохраняется традиция выпуска силами учеников кадетских печатных изданий: газета «Президентский кадет», журнал «Паруса» (Оренбургское ПКУ), газета «Кадетский форпост» (Ставропольское ПКУ), журнал «Кадетский вестник» и ежегодный творческий сборник «Кадетский альманах» (Краснодарское ПКУ), газета «Суворовец» (Пермское СВУ), газета «Кадетский курьер» (Тюменское ПКУ), журнал «Гвардеец», научно-практический журнал «Золотое сечение» (Ульяновское гвардейское СВУ), журнал «Тверской суворовец».

В ряде училищ созданы и функционируют новые формы публицистики – медиа- и пресс-центры, где кадеты учатся создавать телевизионные выпуски новостей, любительские фильмы. Изучение основ журналистского и издательского дела, техники фотографирования, видеосъёмки и монтажа, освоение навыков создания теле- и радиопрограмм, телефильмов происходит и на занятиях в системе дополнительного образования по программам: «Телевизионная журналистика» (Ставропольское ПКУ), «Телерадиожурналистика» (Владивостокское ПКУ) «Тележурналистика и экранная режиссура» (Севастопольское ПКУ), «Школа журналистики» (Пансион воспитанниц МО РФ); «Клуб юного журналиста» (Ставропольское ПКУ); «Юный журналист» (Краснодар-

ское ПКУ, Казанское СВУ), «Юный корреспондент» (Уссурийское СВУ), «Основы журналистики», «Лаборатория журналистики» (Нахимовское ВМУ), «Журналистика» (Тверское СВУ).

Уникальная возможность продемонстрировать свои способности, поделиться творческими находками в области кино- и видеотворчества предоставляется воспитанников суворовских, нахимовских, кадетских училищ через их участие в кинофестивалях любительских фильмов и видеоработ, проводимых в рамках межучилищного взаимодействия. Темы кинофестивалей – «кадетский взгляд» на окружающий мир, родной край, училище, дом, семью, природу, искусство, учёбу, путешествия, жизнь, отдых, юмор, труд, достижения и другие. Сценарий, съёмка, монтаж, озвучка, режиссура, подбор материала производится строго силами воспитанников.

Сохраняя старые, кадетское образование формирует новые социально-культурные традиции [3, с. 15–20]. Так, для кадетских образовательных учреждений Министерства обороны Российской Федерации уже стало традицией участие суворовцев и кадет в ежегодно проводимом, начиная с 2011 года, творческом состязании под названием «Молодёжная лига – КВН». За пять лет в них приняли участие более 2 000 игроков. Праздник юмора, смеха, творчества и талантов с 2014 года проводится на Кубок Министра обороны России. Темы игр отражают исторические страницы отечественной истории, культуры. В 2013 году они были посвящены юбилею Отечественной войны 1812 года, в 2014 году – 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова и получили название «Герои нашего времени», «Вот такое

кино!» – тема конкурса 2015 года, «Жила бы страна родная» – 2016 года. Добиться высоких оценок членов жюри конкурса, восторженных аплодисментов зрителей помогают оригинальность режиссёрского решения, артистизм участников, музыкальное оформление и сценическая культура выступления.

Боевые качества наших воинов – стойкость, героизм, мужество и жертвенность – были во многом связаны с православным воспитанием. Сегодня возрождается славная традиция Русской армии, когда на ратный подвиг и верность Отечеству благословляет суворовцев и кадет священник. Как и в Российской империи, во многих кадетских корпусах, суворовских училищах возведены храмы и часовни – символы крепкой духовной связи российского воинства с его небесными покровителями. В рамках программы возрождения русской воинской традиции по духовному укреплению Российского воинства, реализуемой Минобороны России, Русской православной церковью, Всемирным русским народным собором, совместно с РОО «Московские суворовцы» и Фондом «Святого мученика Вонифатия», в храмы многих суворовских, нахимовских, кадетских училищ и корпусов России передаются ковчежцы с мощами святых. Так, в сентябре 2015 года мощи святых угодников Божиих были преданы штабам Восточного военного округа и Тихооке-

анского флота, Владивостокскому президентскому кадетскому училищу, Уссурийскому СВУ и возрождающемуся Хабаровскому кадетскому корпусу.

Через активное участие воспитанников в воинских ритуалах и традиционных мероприятиях происходит: разностороннее развитие личности; формирование военно-профессиональных ценностей, основанных на общекультурных ценностях народа и национально-государственной идеологии; реализация творческого потенциала; совершенствование коммуникативных качеств; усовершенствование полученных умений и навыков, полученных в учебно-воспитательном процессе.

Подводя итог вышеизложенному, с уверенностью можно утверждать, что повседневное обращение к историческим традициям, использование в процессе воспитания символов, ритуалов, атрибутов Российской армии оказывает глубокое воздействие на оптимизацию воспитательного процесса в целом. Социально-культурная среда образовательного пространства [10], созданная в стенах кадетских образовательных организаций, базирующаяся на огромном массиве накопленного опыта использования общечеловеческих, национальных и военно-исторических традиций, как ничто другое формирует новые поколения граждан-патриотов своей страны, которые своими свершениями будут создавать будущее России.

Примечания

1. Волгин С. И. Гражданское воспитание курсантов на основе военных традиций : диссертация на соиск. учёного степен. кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Волгин Сергей Иванович ; Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова. Кострома, 2007. 164 с.
2. Герасимов А. П. Сплав воинского духа и православной духовности // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы XIII Международной научной конференции (Иваново, 12–13 марта 2014 года). Иваново : Ивановский государственный университет, 2014. Часть 1. С. 347–353.

3. Герасимова И. А. Роль личностно-ориентированного подхода в выборе форм досуга молодёжью // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2014. № 4 (15). С. 74–78.
4. Малыгина И. В. Идентификационный ресурс культурной памяти: от «помящей культуры» к «культуре забвения» // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2013. № 1 (10). С. 40–46.
5. Мацукевич О. Ю., Герасимова И. А., Герасимов А. П. Педагогический потенциал военно-музыкальных традиций в системе кадетского // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 4 (72). С. 182–189.
6. Новикова Г. Н. «Школа армии» – школа патриотов // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2013. № 2–4 (11). С. 106–111.
7. Посещение Тульского суворовского военного училища [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации : [веб-сайт]. Электрон. дан. 8 сентября 2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52856#sel=8:6,8:14>
8. Приказ Министра обороны РФ от 20 мая 2008 г. N 275 «О знамени суворовского военного, нахимовского военно-морского, военно-музыкального училищ, кадетского (морского кадетского) корпуса Министерства обороны Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант.Ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://base.garant.ru/70109868/#ixzz4R6uCULan>
9. Приказ Министра обороны РФ от 21 июля 2014 г. N 515 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности в федеральных государственных общеобразовательных организациях со специальными наименованиями “президентское кадетское училище”, “суворовское военное училище”, “нахимовское военно-морское училище”, “кадетский (морской кадетский) военный корпус” и в профессиональных образовательных организациях со специальным наименованием “военно-музыкальное училище”, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, и приёма в указанные образовательные организации» [Электронный ресурс] // Гарант.Ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://base.garant.ru/70746052/> (дата обращения: 07.09.2016).
10. Социально-культурные традиции кадетского образования в России : отчёт о научно-исследовательской работе / сост. И. А. Герасимова, О. Ю. Мацукевич ; МГИК: Московский государственный институт культуры. Москва : МГИК, 2016. 132 с.
11. Т-ов А. Кадетские журналы и сборники // Военная быль. 1964. № 66. С. 34.
12. Указ Президента РФ от 20 апреля 2013 г. N 366 «О форме одежды и знаках различия кадетов общеобразовательных организаций – казачьих кадетских корпусов» [Электронный ресурс] // Гарант.Ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. 23 апреля 2013 года. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70263692/>
13. Уразова С. Г. Воспитание студентов факультета физической культуры на олимпийских традициях : дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Уразова Светлана Геннадьевна ; Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова. Кострома, 2004. 225 с.
14. Устав Федерального государственного казённого общеобразовательного учреждения «Оренбургское президентское кадетское училище». URL: http://www.1pku.ru/images/Document/Normativ_doc/ustav_2015_1.pdf
15. Флиер А. Я. Гибкость и вариативность культурной социодинамики // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2015. № 2 (17). С. 16–26.
16. Яковлева Л. В. Воспитание нравственности у военнослужащих Российской армии с учётом традиций воспитания офицерских кадров в дореволюционной России // Интернет-журнал «Мир науки». 2013. № 1. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/12PMN113.pdf>

17. Ярошенко Н. Н. Потенциал социально-культурной деятельности в процессе формирования национальной идентичности россиян // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4 (60). С. 70–78.

References

1. Volgin S. I. *Grazhdanskoe vospitanie kursantov na osnove voennykh traditsii. Diss. kand. ped. nauk [Civil education of cadets on the basis of military traditions. Cand. ped. sci. diss.]*. Kostroma, 2007. 164 p.
2. Gerasimov A. P. Splyv voinskogo dukha i pravoslavnoi dukhovnosti [Alloy of a martial spirit and orthodox spirituality]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX veka. Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ivanovo, 12–13 marta 2014 goda). Chast 1 [The state, society, church in the history of Russia the XX centuries: materials XIII of the International scientific conference (Ivanovo, on March 12–13, 2014). Part 1]*. Ivanovo, Publishing House of Ivanovo State University, 2014. Pp. 347–353.
3. Gerasimova I. A. Rol' lichnostno-orientirovannogo podkhoda v vybere form dosuga molodezh'iu [Role of the personal focused approach in the choice of forms of leisure by youth]. *Cultural & Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2014, no. 4 (15), pp. 74–78.
4. Malygina I. V. Identifikatsionnyi resurs kul'turnoi pamyati: ot "pomniashchei kul'tury" k "kul'ture zabveniya" [Identification resource of cultural memory: from "the remembering culture" to "culture of oblivion"]. *Cultural & Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2013, no. 1 (10), pp. 40–46.
5. Matsukevich O. Yu., Gerasimova I. A., Gerasimov A. P. The pedagogical potential of military musical traditions in the system of military education. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 4 (72), pp. 182–189. (In Russian)
6. Novikova G. N. "Shkola armii" – shkola patriotov ["School of army" – school of patriots]. *Cultural & Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2013, no. 2–4 (11), pp. 106–111.
7. *Poseshchenie Tul'skogo suvorovskogo voennogo uchilishcha [Visit of the Tula Suworov Military School]*. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52856#sel=8:6,8:14>
8. *Prikaz Ministra oborony RF ot 20 maya 2008 g. N 275 "O znameni suvorovskogo voennogo, nakhimovskogo voenno-morskogo, voenno-muzykal'nogo uchilishch, kadetskogo (morskogo kadetskogo) korpusa Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii" (s izmeneniyami i dopolneniyami) [The order of the Minister of Defence of the Russian Federation of May 20, 2008 N 275 "About a banner of the Suworov military, the Nakhimov naval, military and musical schools, cadet (sea cadet) cases of the Ministry of Defence of the Russian Federation" (with changes and additions)]*. Available at: <http://base.garant.ru/70109868/#ixzz4R6uCULan>
9. *Prikaz Ministra oborony RF ot 21 iulia 2014 g. N 515 "Ob utverzhenii Poriadka organizatsii i osushchestvleniya obrazovatel'noi deiatel'nosti v federal'nykh gosudarstvennykh obsheobrazovatel'nykh organizatsiiakh so spetsial'nymi naimenovaniyami "prezidentskoe kadetskoe uchilishche", "suworovskoe voennoe uchilishche", "nakhimovskoe voenno-morskoe uchilishche", "kadetskii (morskoi kadetskii) voennyi korpus" i v professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsiiakh so spetsial'nym naimenovaniem "voenno-muzykal'noe uchilishche", nakhodiashchikhsia v vedenii Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii, i priema v ukazannye obrazovatel'nye organizatsii" [The order of the Minister of Defence of the Russian Federation of July 21, 2014 N 515 "About the statement of the Order of the organization and implementation of educational activity in the federal state general education organizations with the special names "presidential cadet school", "Suworov Military School", "Nakhimov naval Naval*

School”, “cadet (sea cadet) military case” and in the professional educational organizations with the special name “military and musical school” which are under authority of the Ministry of Defence of the Russian Federation, and inclusion in the specified educational organizations”]. Available at: <http://base.garant.ru/70746052/> (accessed: 07.09.2016).

10. Gerasimova I. A., Matsukevich O. Yu., comp. *Sotsial'no-kul'turnye traditsii kadetskogo obrazovaniya v Rossii: otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote* [Social and cultural traditions of cadet education in Russia: report on research work]. Moscow, Publishing house of Moscow State Institute of Culture, 2016. 132 p.

11. T-ov A. Kadetskie zhurnaly i sborniki [Cadet magazines and collections]. *Voennaya byl'*. 1964, no. 66, p. 34.

12. Ukaz Prezidenta RF ot 20 aprelya 2013 g. N 366 “O forme odezhdy i znakakh razlichiya kadetov obshcheobrazovatel'nykh organizatsii – kazach'ikh kadetskikh korpusov” [The decree of the Russian President of April 20, 2013 N 366 “About a dress code and signs of distinction of cadets of the general education organizations – the Cossack military schools”]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70263692/>

13. Urazova S. G. *Vospitanie studentov fakul'teta fizicheskoi kul'tury na olimpiiskikh traditsiyakh. Diss. kand. ped. nauk* [Education of students of faculty of physical culture on the Olympic traditions. Cand. ped. sci. diss.]. Kostroma, 2004. 225 p.

14. *Ustav Federal'nogo gosudarstvennogo kazennogo obshcheobrazovatel'nogo uchrezhdeniia “Orenburgskoe prezidentskoe kadetskoe uchilishche”* [Charter of Federal public state educational institution “Orenburg Presidential Cadet School”]. Available at: http://www.1pku.ru/images/Document/Normativ_doc/ustav_2015_1.pdf

15. Flier A. Ya. Gibkost' i variativnost' kul'turnoi sotsiodinamiki [Flexibility and variability of a cultural sociodynamics]. *Cultural & Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2015, no. 2 (17), pp. 16–26.

16. Yakovleva L. V. Moral education in the Russian army troops with the traditions of education officers in pre-revolutionary Russia. *World of science*, 2013, no. 1. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/12PMN113.pdf>

17. Yaroshenko N. N. Potential of welfare activity in the course of formation of national identity of Russians. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2014, No. 4 (60), pp. 70–78. (In Russian)

*

СЕМЬЯ – ТРАНСЛЯТОР КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

УДК 37.061

А. А. Колодина

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Первичная социализация подрастающих поколений – процесс достаточно давно и адекватно проанализированный отечественными исследователями. Однако в настоящее время все процессы межпоколенного взаимодействия в семье становятся всё более непредсказуемыми, вероятностными и хаотическими. В предлагаемой статье автор с позиций современного социально-гуманитарного, преимущественно философского, знания пытается проанализировать этот процесс преемственности, отмечая, что именно культурные ценности и традиции семьи составляют фундаментальную основу уровня культуры подрастающих поколений и образуют базис общей преемственности культуры как её объективного существования и последующего развития.

Ключевые слова: семья, социальный институт, преемственность, культурная ценность, социокультурная адаптация.

A. A. Kolodina

Moscow Aviation Institute (National Research University), The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Volokolamskoe shosse, 4, 25993, Moscow, Russian Federation

FAMILY AS A TRANSLATOR OF CULTURAL VALUES

Primary socialization of the younger generations – a process long enough to have adequately analyzed its researchers. Currently, however, all the processes of intergenerational interaction in the family are becoming more unpredictable, probabilistic and chaotic. In the article the author from the standpoint of modern social Sciences and Humanities, mostly of philosophical knowledge, attempts to analyze the succession process, noting that cultural values and traditions of a family make a fundamental basis of level of culture of younger generations and form basis of the general continuity of culture as her objective existence and subsequent development.

Keywords: family, social institution, continuity, cultural value, social and cultural adaptation.

Для цитирования: Колодина А. А. Семья – транслятор культурных ценностей // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 96–103.

КОЛОДИНА АННА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры истории, культурологии, молодёжной политики и рекламы Института менеджмента, экономики и социальных технологий Московского авиационного института (национального исследовательского университета)

KOLODINA ANNA ALEKSANDROVNA – Ph.D. (Sociology), senior teacher of Department of Culturology, History, Youth Policy and Advertising, Moscow Aviation Institute (National Research University)

e-mail: hoha555@yandex.ru

© Колодина А. А., 2017

С помощью термина «трансляция» можно раскрыть сущность процесса преемственности культуры. Система, человек или даже общество в целом, так или иначе, являются транслятором и служат промежуточной инстанцией, в которой информация, идущая из внешнего мира, усиливается и передаётся коммуникаторам или воспринимающим эту информацию агентам. При этом семья является классическим примером «приёмо-передающего устройства», где фильтруются, зачастую меняют свою направленность, а также обязательно оцениваются всеми коммуникаторами – членами семьи, поступающие внешние сигналы и осуществляется их ранжирование в рамках господствующей в семье системы ценностей культуры в их соотнесённости с культурными ценностями массового сознания общества.

Именно в кругу семьи осуществляется процесс преемственности культуры, определяются его формы и способы, наиболее оптимальные технологии. Именно семья ведёт социальный контроль за практической реализацией культурных ценностей в жизнедеятельности подрастающих поколений. Таким образом, семья является главным транслятором культуры.

Семья – хранитель и транслятор культурных традиций, но в ней осуществляется не только процесс преемственности, но и отвержение культурных ценностей. В эпоху значимых исторических перемен именно семья как базовый социальный институт общества является главным актором культурных инноваций, которые включаются в семейно-бытовую жизнь не по приказу властных структур, а именно благодаря авторитету семьи.

В любой семье в процессе первичной социализации подрастающих поколений

в рамках межпоколенческих контактов и взаимодействий не только закладываются определённые стандарты поведения и культура общения, одобряемые членами семьи, но и постепенно формируется целая система ценностных ориентаций человека, его предпочитаемых интересов и потребностей. Постепенно у каждого субъекта формируется общее представление о всём существующем и о месте каждого человека в общей системе материального и духовного бытия.

Вся эта громадная часть духовного мира человека является предметом анализа аксиологии – науки о ценностном отношении к миру, получившей особый статус на рубеже XIX–XX веков в работах философов-неокантианцев, а позже и в работах отечественных авторов.

На основе отношения к культурным ценностям формируется сама мировоззренческая направленность человека, и окружающий человека мир воспринимается им одновременно и как мир истин (мир знания), и как мир ценностей (отношение к миру знания), и как мир практических действий человека, имеющих определённый, личностно заданный смысл. Мир культурных ценностей – это мир материального, социального и духовно-культурного бытия человека, и впервые в этот мир ребёнок попадает именно благодаря взрослым – членам его семьи, другим поколениям. Именно их глазами и чувствами, на основе их культурных ценностей и стандартов поведения на первых порах ребёнок воспринимает мир и осваивает его.

Таким образом, семья как наиболее значимый социальный институт, в котором происходит первичная социализация детей, овладение языком общения, приобщение к нормам и ценностям обще-

ства, а также практическая и позитивно-деятельная адаптация субъекта к реально существующим в обществе массовым социокультурным процессам и структурам, имеет особое значение в становлении человеческого потенциала в целом и российского в частности.

Учитывая сложившееся представление о современном российском обществе как о переходном и транзитивном типе общества, для которого характерны высокие социальные риски и угрозы, а также хаотичность разнообразных изменений, можно говорить о том, что в настоящее время в России наблюдаются все три типа межпоколенного культурного взаимодействия, описанные в труде Маргарет Мид «Культура и мир детства», – постфигуративный, кофигуративный и префигуративный.

Причём эта специфика протекания процесса преемственности культуры характерна практически для каждого субъекта Российской Федерации, несмотря на то, что все названные Маргарет Мид типы культурного взаимодействия по-разному соотносятся в каждом из субъектов Федерации, чем они существенно отличаются друг от друга.

Например, в современной России в тех регионах, где темпы научно-технического и социокультурного обновления высокие, более очевидной является реализация моделей кофигуративного и префигуративного взаимодействия поколений. Исследователи отмечают, что в таких субъектах Федерации существенно быстрее происходят не только материально-технические изменения, но и достаточно быстро меняются и сами элементы системы, социальные структуры и социокультурные отношения.

Очевидно, что существующие просчёты и недоработки в правовом статусе современной семьи, разного рода бюрократические препоны и все коррупционные составляющие нашей современной экономики не могут быть положительным примером, который способствовал бы воспитанию высоких гражданских качеств у детей и молодёжи. Поэтому семья как социальный институт, обладающий определёнными ресурсами, целенаправленно использует их для того, чтобы компенсировать недополученную от нашего социального государства помощь в воспитании, образовании и обучении подрастающих поколений.

Более того, семья является в процессе первичной социализации детей и молодёжи важнейшим опосредствующим звеном между государством и подрастающими поколениями. Конкретно, именно через семью ребёнок впервые сталкивается с государством в лице его реальных представителей – социального работника, врача, учителя, судебного пристава, полицейских разного рода. Все эти многочисленные государственные реалии, существующие во всех сферах практического бытия людей, ребёнок воспринимает через призму семейного восприятия и на этой основе формирует первые собственные представления о государстве, осуществляя их собственное индивидуально-личностное оценивание, которое неотвратимо и неизбежно. Специалисты по детской психологии считают, что изменить эти первоначальные эмоции, особенно если они негативные, очень трудно, а практически – почти невозможно.

Реальное положение вещей, связанное с социальным воспроизводством населения в современной России, зависит от мно-

жества объективных и не поддающихся точному статистическому учёту причин, факторов и обстоятельств. В подавляющем большинстве современная российская семья выступает как фундаментальный социальный институт общества. Вместе с тем она представляет собой и ту малую социальную группу, которая призвана обеспечивать комфортную и эмоционально позитивную социальную коммуникацию между своими членами и передавать своим младшим поколениям через ведущие виды деятельности, то есть через игру, учёбу и труд, все необходимые позитивные формы взаимодействия семьи с существующим социальным окружением, со всем обществом и страной.

Специалисты, изучающие деятельность социальных институтов в современной России, считают, что все социальные институты по типу принципов руководства в них можно отнести всего к двум принципиально разным типам:

- тоталитарные, для которых характерна высокая степень нормативно-правовой регламентации социальных взаимодействий между членами этого института;
- либеральные, в которых поведение индивидов (в данном конкретном случае – членов семьи) носит свободно избираемый и необязательный характер, а исполнение необходимых социальных ролей носит, очевидно, добровольный характер, подчиняясь существующим в конкретной семье, давно установленным правилам.

На практике, как показывает обзор многочисленных эмпирических исследований, посвящённых семье, для основной массы российских семей характерно смешение этих двух типов. Кроме того, по словам С. Голода, известного исследователя семьи, существует и становится всё

более распространённым ещё и хаотический, или попустительский, стиль взаимодействия [4]. При этом стиле семья практически неуправляема и часто становится жертвой любых внешних обстоятельств.

Надо отметить, что для всех типов семей реально существуют социальные риски и угрозы, влияющие не только на деятельность этого социального института, но и на всё общество. Именно в семье подрастающие поколения учатся либо социально-адаптивному поведению для сглаживания угроз или рисков, либо девиантному, даже делинквентному подходу к решению подобных проблем.

В западной фамилистике широко используется концепция моделей семьи, предложенная в самом начале XXI века и пригодная для любого региона современного мира. Исследователи семьи считают, что в современном мире практически реализуются три идеально-типические модели семьи, которые и будут преобладать в ближайшие десятилетия.

Первая модель – это бесспорное существование традиционной семьи, основанной на принципах культуры двойной взаимозависимости.

Вторая модель является особенно характерной для современного западного мира. Это модель нуклеарной семьи, отличающейся автономностью и независимостью.

Третья модель является моделью эмоциональной взаимозависимости и представляет собой синтетическое единство первых двух типов моделей семьи.

Большинство специалистов считают, что этот – третий – тип семьи будет развиваться под влиянием процессов институциональной и экономической модернизации современного мира – как опреде-

лённая альтернатива модели нуклеарной семьи, которая когда-то также была альтернативой по отношению к некогда доминирующим традиционным моделям семьи. Однако сейчас она, развиваясь, существует во всех взаимозависимых урбанизированных, или городских, культурах.

Характерные черты традиционной модели семьи:

- проживание в сельской местности преимущественно аграрных стран;
- широкий круг лиц, входящих в семью;
- тесные взаимоотношения между членами семьи и семейная поддержка, которая идёт от детей к родителям, потому что в традиционных семьях обычно рождается много детей, которые и представляют собой высокую экономическую ценность для труда в родительском хозяйстве.

У женщин в этом типе семьи невысокий социальный статус. Дети воспитываются на авторитарных принципах командной власти родителей, и им свойственно высокое послушание. Главное в этой семье – внутрисемейная гармония. Таких семей в современном мире большинство.

Современная западная, главным образом городская семья возникает преимущественно в странах с высоким уровнем экономического и социального развития, строится на принципах автономности и независимости. Это обычно нуклеарная семья, и все виды помощи и поддержки здесь направлены от родителей к детям.

В такой семье низкая рождаемость и высокий статус женщины. В процессе первичной социализации детей особую ценность для них представляют личная независимость и формирование индивидуально-личностных целей. Воспитание в семье такого типа является достаточно либеральным, главное в нём – раннее форми-

рование самостоятельности ребёнка, его не только семейной, но и общей межличностной независимости. Некоторые исследователи считают, что эмпирически наблюдаемое индивидуалистическое поведение детей здесь отнюдь не очевидно, в то время как высокая зависимость от поколенных и родственных отношений достаточно ярко выражена.

В рамках современных кросс-культурных исследований вопрос о модернизации ряда стран в направлении западной индустриальной модели развития рождает разные прогнозы о том, как реально повлияет экономическое и промышленное развитие на духовной культуры населения, потому что реальный опыт показывает, что особых изменений в направлении индивидуализации и автономизации жизни семей в большинстве трансформирующихся стран в новых модернизирующихся регионах не происходит. Исследователи отмечают, что сейчас несколько изменился лишь вектор денежных инвестиций в детей, что же касается принципов управления семьёй, то они сместились с авторитарного к авторитетному, не став при этом ни либеральными, ни демократическими.

Отечественные исследователи разного профиля давно и достаточно успешно изучали традиционную российскую семью, её структуру, межпоколенные отношения, преемственность культуры, отношения семьи с обществом и государством. Так, в работах С. Голода, А. Антонова и других отечественных авторов обращалось внимание на то, что доминирующие в семье стили взаимодействия между её членами, или, как сказали бы сейчас, методы руководства (доминирующие стили семейного менеджмента), как правило, согласуются с доминирующими во всех структурах об-

щества определёнными, признанными или узаконенными стилями управления, существующими во всех других социальных институтах, организациях и учреждениях советского общества.

Нормы поведения молодых людей, полученные ими в семье, приобретают особую значимость, когда подрастающие дети покидают лоно семьи и выходят в другие, мало им известные сферы бытия, где осуществляется их вторичная социализация.

Вторичная социализация предполагает взаимодействие людей в гуще вторичных, анонимных, формальных и неформальных контактов и связей, где нередко создаются неформальные структуры тотального насилия и принудительной дифференциации / дискриминации по любым внешним признакам – пола, возраста, этничности и пр. Другими словами, ещё в «развитом социализме» возникает и укрепляется ситуация аномии, разрастаются разного рода структуры тотального насилия типа «дедовщины», «землячеств», «сходок» и пр.

Эмоциональная поддержка поколений друг друга и их общая эмоциональная близость в современной российской семье становятся главными условиями её выживания, и они являются более значимыми, чем различный общий уровень материального достатка такой семьи.

Противоречивая ментальность россиян выростала на базе амбивалентной и дихотомной российской культуры, где причудливо переплетались западные, восточные и собственно российские культурные традиции.

Первичная социализация молодых людей, в течение последних десятилетий совершающаяся в российской семье, а затем в различных учреждениях системы

народного образования, весьма способствовала тому, что главными социокультурными характеристиками подрастающих поколений становились такие системы ценностей и образцы поведения, которые связаны с моделью выживания россиян в экстремальных условиях системного кризиса на фоне жёсткого воздействия СМИ, формирующих иллюзорное и мифологическое сознание через системы имиджей и симулякров.

Нетенденциозный анализ опыта Запада свидетельствует о том, что самостоятельный образ жизни в современном рыночном обществе способен вести не более половины трудоспособного населения, а для остальных требуется реальная форма государственной опеки и социальной защиты, которых в современной России явно практически недостаточно. Всё большую актуальность приобретает вопрос о взаимодействии любых предпринимательских структур с различными общественными организациями и учреждениями, ориентированными на житейские очевидные, а не коммерческие рекламные социально-бытовые потребности населения.

В истекшие три десятилетия Россия осуществляла переход от традиционного состояния к либеральному. В этот транзитивный период особенно необходимо обеспечивать стабильность общества, придавать позитивные смыслы и давать положительные оценки происходящим в стране изменениям, обеспечивать стабильность и научиться принимать решения, гармонизирующие на основе принципов толерантности ожидания масс и интересы государства.

Завершая статью, хотелось напомнить о том, что современная семья является той стартовой площадкой, на которой прояв-

ляют свои возможности как культурно-цивилизационные усилия государства, так и культурные традиции народа, региона и конкретной семьи. Именно культурные ценности и традиции семьи составляют

фундаментальную основу уровня культуры подрастающих поколений и образуют базис общей преемственности культуры как её объективного существования и последующего развития.

Примечания

1. Антонов А. И., Сорокин С. А. Судьба семьи в России XXI века : Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. Москва : Грааль, 2000. 416 с.
2. Виндельбанд В. Дух и история. Избранное : [пер. с нем.] / [примеч. М. А. Ходанович]. Москва : Юристъ, 1995. 687 с.
3. Зиммель Г. Проблемы философии истории : (Этюд по теории познания) : С прил. ст. Бугле: «Зиммель о науке морали» / под ред. В. Н. Линда. Москва : Книжное дело, 1898. 165 с.
4. Голод С. Будущая семья: какова она? (Социально-нравственный аспект). Москва : Знание, 1990. 64 с.
5. Гусейнов А. А. Философия – мысль и поступок : статьи, доклады, лекции, интервью / Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов, 2012. 845 с.
6. Колодина А. А. Преемственность культуры в обществе риска: философский анализ. Москва : ТРП, 2016. 247 с.
7. Мид М. Культура и мир детства : Избранные произведения / [пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева ; сост., авт. послесл., с. 5–30, и отв. ред. И. С. Кон]. Москва : Наука, 1988. 429 с.
8. Маршак А. Л. Культура: социологические смыслы и социальные реалии / предисл. академика РАН М. К. Горшкова. Москва : НИЦ «Академика», 2013. 224 с.
9. Мониторинг демографической ситуации в Российской Федерации и тенденций её изменения : ежегодный доклад «Демографическая ситуация в Российской Федерации» / [А. И. Антонов и др.] ; науч. ред. А. И. Антонов ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Социологический факультет, Кафедра социологии семьи и демографии. Москва : Университет, 2008. 303 с.

References

1. Antonov A. I., Sorokin S. A. *Sud'ba sem' i v Rossii XXI veka. Razmysleniya o semeinoi politike, o vozmozhnosti protivodeistviya upadku sem' i depopulyatsii* [Destiny of a family in Russia the 21st century: Reflections about family policy, about a possibility of counteraction to decline of a family and depopulation]. Moscow, 2000. 416 p.
2. Vindel'band V. [Windelband Wilhelm] *Dukh i istoriya. Izbrannoe* [Mind and history. Chosen works]. Moscow, The Publishing Group "Jurist", 1995. 687 p.
3. Zimmel' G. [Simmel Georg] *Problemy filosofii istorii (Etiud po teorii poznaniya)* [Problems of philosophy of history (The etude according to the theory of knowledge)]. Moscow, 1898. 165 p.
4. Golod S. *Budushchaya semya: kakova ona? (Sotsial'no-nravstvennyi aspekt)* [Future family: what she? (Social and moral aspect)]. Moscow, Publishing House "Znanie", 1990. 64 p.
5. Guseynov A. A. *Filosofiya – mysl' i postupok: stat'i, doklady, lektsii, interv'iu* [Philosophy – a thought and an act: articles, reports, lectures, interview]. St. Petersburg, Publishing House of Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences, 2012. 845 p.
6. Kolodina A. A. *Preemstvennost' kul'tury v obschестве riska: filosofskii analiz* [Continuity of culture in the society of risk: philosophical analysis]. Moscow, 2016. 247 p.

7. Mid M. [Mead Margaret] *Kul'tura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya [Culture and world of childhood. Chosen works]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1988. 429 p.
8. Marshak A. L. *Kul'tura: sotsiologicheskie smysly i sotsial'nye realii [Culture: sociological meanings and social realities]*. Moscow, Scientific and publishing center "Academica", 2013. 224 p.
9. Antonov A. I. and others *Monitoring demograficheskoi situatsii v Rossiiskoi Federatsii i tendentsii ee izmeneniya: ezhegodnyi doklad "Demograficheskaya situatsiya v Rossiiskoi Federatsii" [Monitoring of a demographic situation in the Russian Federation and tendencies of her change: annual report "A demographic situation in the Russian Federation"]*. Moscow, Moscow University Press, 2008. 303 p.

*

МОДЕЛЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ КАЗАЧЕСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 37.035

К. В. Гладышев

Орловский государственный институт культуры

В статье обоснована модель возрождения образовательных традиций казачества в условиях деятельности современных учреждений культуры, основанная на применении современных технологий социально-культурной деятельности. Автором доказано, что социально-культурная деятельность обладает достаточным арсеналом технологий, позволяющих оптимизировать данный процесс, и рассматривается как отрасль педагогической науки, которая ориентирована на процессы инкультурации личности в ценностно-смысловое поле казачьей культуры. Модель основана на принципах системности, добровольности и свободы выбора и включает в себя: целевой, организационный, функционально-содержательный и критериально-результативный блоки.

Ключевые слова: казачество, образовательные традиции казачества, модель возрождения образовательных традиций казачества, социально-культурная деятельность.

K. V. Gladyshev

Orel State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulture),
Leskova str., 15, 302020, Orel, Orel region, Russian Federation

THE MODEL FOR THE REVIVAL OF THE EDUCATIONAL TRADITIONS OF THE COSSACKS IN MODERN CULTURAL INSTITUTIONS

The article substantiates the model for the revival of the educational traditions of the Cossacks in the context of modern cultural institutions, based on the application of modern technologies of social and cultural activities. The author proves that social and cultural activity has a large arsenal of technologies to optimize this process, and is considered as a branch of pedagogical science that focuses on the processes of inculturation of personality in axiological field of the Cossack culture. The model is based on the principles of consistency, voluntariness and freedom of choice and includes: target, organizational, functional and substantive criteria-effective units.

ГЛАДЫШЕВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ – старший преподаватель кафедры хореографии
Орловского государственного института культуры

GLADYSHEV KONSTANTIN VLADIMIROVICH – senior teacher of Department of choreography,
Orel State Institute of Culture

e-mail: glad.kons@mail.ru

© Гладышев К. В., 2017

Keywords: Cossacks, the educational traditions of the Cossacks, the model of the revival of the educational traditions of the Cossacks, social and cultural activities.

Для цитирования: Гладышев К. В. Модель возрождения образовательных традиций казачества в деятельности современных учреждений культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 104–109.

Модернизационные процессы, происходящие в современном социуме, обусловили необходимость обращения государства к вопросам сохранения, трансляции и развития национальных культурных традиций российского народа в условиях многонационального общества.

Так, в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», утверждённой в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» [4], культуре отводится главенствующая роль в процессе приобщения подрастающих поколений к достижениям отечественной культуры, нравственным ценностям, в ходе самореализации, творческого развития в условиях самобытной культурной среды.

Казачество обладает огромным педагогическим потенциалом и создаёт перспективную возможность для передачи преемственных культурных ценностей, выполняя единую целеполагающую функцию – воспитание гражданина России, осознающего историческую связь с предыдущими поколениями. За многовековую историю у казачества сложилась народная педагогическая традиция, которая сохранилась до сегодняшнего дня и является основой для её возрождения, наполняя новым этнокультурным содержанием.

Вопросам изучения воспитательных и дидактических традиций казачества, их педагогического потенциала посвящены работы В. П. Александренкова, Н. П. Баш-

катовой, Н. А. Боднева, Е. В. Бондаревской, В. Н. Быковского, В. Г. Визера, Н. Н. Гомзяковой, И. А. Горбуновой, А. В. Григорьевой, Е. В. Демкиной, Т. В. Емельяновой, В. В. Козлова, А. В. Коноваловой, Т. Ф. Лапик, С. Н. Лукаш, В. В. Склядневой, М. И. Резниковой, О. В. Щупленкова и других.

Педагогические традиции казачества синтезируют в себе элементы академической и народной педагогики и базируются:

- а) на системе научных представлений о сущности и специфике этических норм, ценностей, установок и стереотипов казачьей культуры, которые определяют уровень сформированности гражданско-патриотических качеств, поведенческие установки, мотивацию личности;

- б) на принципах гуманизма, природосообразности, интегративности, соборности, диалектического единства и преемственности, формирующих систему внутренних регуляторов и привычных форм поведения в этнокультурном пространстве;

- в) на социально-культурной активности личности в процессе вербального и невербального межличностного культурного взаимодействия в этнокультурной среде.

Интегративная модель нацелена на выявление эффективных условий, направленных на возрождение образовательной парадигмы традиционной казачьей культуры в процессе художественно-творческой деятельности учреждений культуры.

Возрождение народной педагогики казачества, актуализация в общественном

сознании идеи казачества как составляющей российской национальной культуры обуславливают её актуальность.

Разработанная модель содержит комплекс взаимообусловленных блоков, среди которых выделяются: *целевой, организационный, функционально-содержательный и критериально-результативный.*

Подробно охарактеризуем каждый из блоков.

Целевой блок включает в себя:

1. Социальный заказ – патриотическое воспитание граждан на основе национальных традиций, направленных на формирование этнокультурной идентичности личности в условиях глобализационных общественных процессов в контексте реализации таких нормативных документов, как:

- Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года, № 273-ФЗ;

- «Национальная доктрина образования в Российской Федерации на период до 2025 года» (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 года, № 751);

- Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»;

- Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 года, № 1493);

- «Стратегия развития российского казачества до 2020 года» (утв. Президентом РФ 15.09.2012 года, № Пр-2789).

2. Цель – патриотическое и этнокультурное воспитание подрастающего поколения, позволяющее личности интегри-

роваться в поле культуры своего этноса посредством изучения образовательных традиций казачества, внедрённых в творческую деятельность современных учреждений культуры.

3) Задачи:

- развитие духовно-нравственных ценностей личности на основе самобытной культуры российского казачества;

- воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма и готовности к служению Отечеству, а также уважительного отношения к государственным символам России, Конституции, законам, нормам коллективной жизни;

- раскрытие творческого потенциала личности через усвоение этнокультурных традиций;

- повышение социально-культурной активности;

- развитие навыков межличностного и межкультурного взаимодействия в этнокультурной среде.

При этом педагогическими закономерностями процесса возрождения образовательных традиций казачества в учреждениях культуры являются:

- а) организация этноориентированного образовательно-воспитательного процесса учреждений культуры;

- б) развитие гражданско-патриотических качеств личности;

- в) формирование этнокультурной идентичности личности на основе изучения народных художественных традиций;

- г) инициирование социально-культурной активности личности в процессе этноориентированной творческой работы;

- д) межличностное взаимодействие;

- е) создание воспитательного культурно-событийного пространства, ориентированного на творческую самореализа-

цию, культурное саморазвитие личности в процессе освоения народных традиций и обычаев.

Организационный блок включает в себя следующие этапы: социально-педагогическое целеполагание → диагностику → педагогическое моделирование → этап мотивации личности и ресурсного обеспечения среды → организацию достижения социально-педагогической цели → контроль и оценку → коррекцию.

В *функционально-содержательном блоке* отражены:

а) педагогические функции (социализирующая, образовательная, воспитательная, развивающая, просветительская, коммуникативная, рекреационная, культуротворческая), содержательный аспект авторской педагогической программы «Возрождая традиции казачества», виды (познавательная, творческая, игровая, коммуникативная);

б) формы (фольклорные фестивали, ярмарки народной традиционной культуры, праздники, конкурсы, квесты, казачьи игры-шермиции, военно-исторические реконструкции, флешмобы, беседы, мастер-классы и другие);

в) общие принципы (гуманистической направленности, дифференцированного подхода, природосообразности, интегративности, соборности);

г) методы осуществления социально-культурной деятельности;

д) организационно-педагогические условия.

Критериально-результативный блок содержит критериальный аппарат, позволяющий объективно оценить эффективность внедрения образовательных традиций казачества в деятельность учреждений культуры.

Критериально-результативный блок включает в себя:

а) *критерии* (культурно-образовательный, этнокультурной идентичности, мотивационно-потребностный, творчески-деятельностный);

б) *показатели* : *культурно-образовательный* – понимание сущности и специфики культурных традиций казачества и их роли в современном обществе; *культурной идентичности* – осознание принадлежности к этнической, национальной, региональной общности родного края; *мотивационно-потребностный* – мотивационная установка на использование казачьих традиций в процессе личностного самоопределения; *творчески-деятельностный* – осознание значимости продуктивного проведения свободного времени, активное участие в этнокультурных досуговых программах;

в) уровни сформированности информационной культуры (высокий, средний, низкий).

Таким образом, разработанная модель соответствует таким характеристикам, как:

а) открытость (наличие связей модели с внешней средой, которые способствуют определению её содержания и основных направлений развития);

б) целостность (возможность получения запланированного результата при полной реализации всей структуры, всех составляющих модели);

в) многоаспектность (обеспечивается учётом всех её факторов, влияющих на результат модели);

г) иерархичность (соподчинение уровней структуры), – и может быть использована в практике современных учреждений культуры различного типа.

Примечания

1. Бредихин А. В. О казачьем самоуправлении в российском приграничье // Самоуправление. 2015. № 5. С. 14–15.
2. Григорьева Е. И. Опыт приобщения студенческой молодёжи к основам народной художественной культуры // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 12. С. 250–254.
3. Григорьева Е. И., Гладких В. В. Педагогическое проектирование и моделирование гражданско-патриотического воспитания молодёжи в поликультурной среде вуза // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 103–106.
4. Постановление Правительства РФ от 3 марта 2012 г. N 186 «О федеральной целевой программе “Культура России (2012–2018 годы)”» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант.Ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://base.garant.ru/70149760/>
5. Рвачева О. В. Система казачьего воспитания и образования в конце XIX – начале XXI века. Тенденции на Юге России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 8 (103). С. 188–196.
6. Складнева В. В. Построение индивидуальной траектории профессионального развития казаков – наставников казачьих классов по программе повышения квалификации МГУТУ им. К. К. Разумовского (ПКУ) // Актуальные проблемы социально-гуманитарных знаний : сборник статей / отв. редактор Г. В. Мысенко. Москва : Перо, 2015. С. 118–121.
7. Традиционная культура казаков. Традиции и современность : методическое пособие / сост. Ю. И. Фудько. Волгоград, 2010. 255 с.
8. Щупленков О. В. К вопросу о системе казачьего образования и воспитания // Казачество : альманах. 2016. № 17 (4). С. 20–28.
9. Щупленков, О. В. Роль сибирского казачества в освоении новых земель // Казачество : альманах. 2016. № 15. С. 38–49.
10. Ярошенко Н. Н. Досуг постиндустриального общества: поиск стратегии управления социально-культурными процессами [Электронный ресурс] // Культура и образование : Электронный ежемесячный научно-практический журнал. 2015. № 12. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2015/12/3781> (дата обращения: 26.02.2016).

References

1. Bredikhin A. V. O kazachyem samoupravlenii v rossiiskom prigranichye [Cossack self-government in the Russian borderland]. *Samoupravlenie [Self-government]*. 2015, no. 5, pp. 14–15.
2. Grigoryeva E. I. Experience of student's youth familiarizing to bases of national art culture. *Socio-economic processes and phenomena*. 2014, vol. 9, no. 12, pp. 250–254. (In Russian)
3. Grigoryeva E. I., Gladkikh V. V. Pedagogicheskoe proektirovanie i modelirovanie grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniya molodezhi v polikul'turnoi srede vuza [Pedagogical design and modeling of civil and patriotic education of youth in the polycultural environment of higher education institution]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2011, no. 3, pp. 103–106.
4. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 3 marta 2012 g. N 186 "O federal'noi tselevoi programme "Kul'tura Rossii (2012–2018 gody)" (s izmeneniyami i dopolneniyami) [The resolution of the Government of the Russian Federation of March 3, 2012 N 186 "About the federal target program "Culture of Russia (2012–2018)" (with changes and additions)]*. Available at: <http://base.garant.ru/70149760/>
5. Rvacheva O. V. System of Cossack upbringing and education at the end of the XX – early

XXI century. Tendencies of development in the South of Russia. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2015, no. 8 (103), pp. 188–196. (In Russian)

6. Sklyadneva V. V. Postroenie individual'noi traektorii professional'nogo razvitiya kazakov – nastavnikov kazach'ih klassov po programme povysheniya kvalifikatsii MGUTU im. K. K. Razumovskogo (PKU) [Creation of an individual trajectory of professional development of Cossacks – mentors of the Cossack classes according to the program of professional development of MGUTU of K. K. Razumovsky (PKU)]. In: *Mysenko G. V., ed. Aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnykh znanii [Actual problems of social and humanitarian knowledge]*. Moscow, Pero Publishing House, 2015. Pp. 118–121.

7. Fud'ko Yu. I., comp. *Traditsionnaya kul'tura kazakov. Traditsii i sovremennost' [The traditional culture of the Cossacks. Tradition and modernity]*. Volgograd, 2010. 255 p.

8. Shchuplenkov O. V. K voprosu o sisteme kazach'ego obrazovaniya i vospitaniya [About the system of Cossack education]. *Al'manah kazachestva [Almanac of the Cossacks]*. 2016, no. 17 (4), pp. 20–28.

9. Shchuplenkov O. V. Rol' sibirskogo kazachestva v osvoenii novykh zemel' [Role of the Siberian Cossacks in the development of new lands]. *Al'manah kazachestva [Almanac of the Cossacks]*. 2016, no. 15, pp. 38–49.

10. Yaroshenko N. N. Leisure postindustrial society: the search management strategy for the socio-cultural processes. *Culture and education: Online monthly scientific and practical magazine*. 2015, no. 12. Available at: <http://vestnik-rzi.ru/2015/12/3781> (accessed: 26.02.2016).

*

М ОТИВЫ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА

УДК 338.486

Е. Ю. Стрельцова, Н. А. Горбунова

Московский государственный институт культуры

В статье представлен вторичный анализ результатов эмпирического исследования, нацеленного на выявление мотивов посещения культурных достопримечательностей и мероприятий во время путешествий. Подчеркивается, что такой инструмент ивент-маркетинга, как организация событийного туризма, занимает видное место в развитии большинства мест отдыха. В настоящее время туристы всё чаще предпочитают проводить свой досуг, посещая самобытные в историческом, культурном или природном плане регионы. Это можно связать с тем, что, с одной стороны, имеет место возрастание техногенных нагрузок на нервную систему человека, с другой – желание туристов от путешествий получить как можно больше разнообразных впечатлений. Именно этим критериям удовлетворяет событийный туризм, который на сегодняшний день является одним из перспективных направлений развития социально-культурной сферы.

Ключевые слова: событийный туризм, «культурные туристы», «досуговые туристы», мотивы, психологический эффект, «психосоциальные мотивы».

E. Yu. Streltsova, N. A. Gorbunova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotekhnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

EVENT TOURISM MOTIVES

The secondary analysis of results of the empirical research aimed at identification of motives of visit of cultural sights and actions during the travel is presented in article. It is emphasized that such instrument of event-marketing as the organization of event tourism, ranks high in development of the majority of vacation spots. Now tourists even more often prefer to spend the leisure-time, visiting original regions in the historical, cultural or natural plan. It can be connected with the fact that, on the one hand, increase of technogenic loads of nervous system of the person takes place, with another – desire of tourists to receive as much as possible various impressions from travel.

¹СТРЕЛЬЦОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры

STRELTSOVA ELENA YURYEVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Department of social and cultural activities, Moscow State Institute of Culture

²ГОРБУНОВА НЕЛЛИ АНАТОЛЬЕВНА – соискатель кафедры социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры

GORBUNOVA NELLI ANATOLYEVNA – doctoral student of Department of social and cultural activities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: Strelcovaelena9191@mail.ru¹, mailto:nelli-gorbunova@mail.ru²

© Стрельцова Е. Ю., Горбунова Н. А., 2017

Event tourism which is one of the perspective directions of development of the welfare sphere today meets these criteria.

Keywords: event tourism, “cultural tourist”, “leisure tourists”, motives, psychological effect, psychosocial motives.

Для цитирования: Стрельцова Е. Ю., Горбунова Н. А. Мотивы событийного туризма // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 110–115.

Событийный туризм является направлением развития рынка туристических услуг, набирающим в последнее время на мировом рынке всё большую популярность, ведь туристы всё чаще предпочитают проводить свой досуг, посещая самобытные в историческом, культурном или природном плане регионы, принимая участие в специально организованных для них мероприятиях в рамках туристической поездки.

Исследуя различную литературу, рассматривающую проблемы развития событийного туризма в нашей стране, можно заключить, что данное направление туристской индустрии непрерывно развивается, во многом следуя сложившимся мировым традициям и вместе с тем обретая самобытную специфику, связанную с отечественными культурными, историческими и социально-экономическими реалиями.

Несмотря на то, что событийный туризм в нашей стране относительно молод и находится в стадии формирования, он испытывает те же трудности, что и в целом мировой туризм этого направления. Так, основной проблемой современного этапа развития событийного туризма является предоставление событийному туристу не всегда качественных социально-культурных услуг.

В ряде исследований указывается на несоответствие между возросшими потребностями туристов, не ограничиваю-

щихся удовлетворением базовых потребностей во время туристической поездки, и доминированием услуг, связанных с удовлетворением исключительно этих потребностей.

На основе анализа зарубежной литературы нами был проведён вторичный анализ результатов эмпирического исследования «Мотивы посещения культурных достопримечательностей и мероприятий во время путешествий», представленного в статье Пандоры Кей (Kau Pandora) «Проблемы кросс-культурных исследований в развитии международных рынков туризма для культурных событий» [1].

В данном исследовании детально и глубоко изучены мотивы, побуждающие граждан путешествовать и посещать культурные мероприятия. Исследование этих вопросов весьма ценно для нашего изыскания, так как они дают возможность анализа такого важного условия эффективного событийного менеджмента, как использование правильной мотивации.

В исследовании Пандоры Кей обозначены различные типы мотивов посещения культурных мероприятий, которые мы сгруппировали на основе признака типа удовлетворяемой потребности в процессе участия в культурном мероприятии.

Каждый мотив в таблице распределения Пандоры Кей имеет определённый процент частоты упоминаний.

ДАННЫЕ ОПРОСА

Таблица 1

Я посещаю культурные достопримечательности и мероприятия во время путешествий для того, чтобы:

№		Количество респондентов	%
1.1.	Развлекься	961	100
1.2.	Меня развлекли	954	99,3
1.3.	Отдохнуть физически	959	99,8
1.4.	Отдохнуть морально	958	99,7
1.5.	Испытать волнительные эмоции	954	99,3
1.6.	Почувствовать эмоциональную причастность	954	99,3
1.7.	Сделать то, что я хочу	952	99,1
1.8.	Заняться чем-нибудь вместе с моей семьей и друзьями	954	99,3
1.9.	Заняться чем-нибудь самому	949	98,8
1.10.	Познакомиться с местными жителями	956	99,5
1.11.	Узнать о местной культуре	957	99,6
1.12.	Узнать о местной истории	959	99,8
1.13.	Узнать о местных художниках и исполнителях	953	99,2
1.14.	Заняться чем-то, что имеет отношение к моей работе	939	97,7
1.15.	Прочувствовать что-то уникальное, свойственное данному городу	953	99,2
1.16.	Вырваться из повседневной монотонности	953	99,2
1.17.	Забыть о каждодневных проблемах	953	99,2
1.18.	Сбежать в «другой мир»	957	99,6
1.19.	Удовлетворить свое любопытство	955	99,4
1.20.	Потом об этом рассказать друзьям и родственникам	954	99,3
1.21.	Повысить свой социальный статус	951	99,0
1.22.	Увидеть знаменитые культурные места	955	99,4
1.23.	Услышать известных исполнителей/ артистов	957	99,6
1.24.	Увидеть популярные шоу	955	99,4
1.25.	Заслужить уважение со стороны окружающих	956	99,5
1.26.	Показать, что у меня есть средства путешествовать	951	99
1.27.	Отправиться куда-нибудь, где безопасно	957	99,6
1.28.	Окупить свои расходы	957	99,6
1.29.	Получить качественные впечатления	951	99
1.30.	Купить товары и сувениры	955	99,4
1.31.	Купить еду и напитки, которые раздают (продаются) на мероприятии	957	99,6

В целях вторичного анализа этих данных был введён коэффициент упоминаемости респондентами той или иной группы потребностей, исчисляемой по формуле:

$$K = \frac{x_1\% + x_2\% + x_3\%}{n}$$

где:

К – коэффициент упоминаемости той или иной группы потребностей;

X – частота упоминаемости (%);

n – число мотивов в группе потребностей.

Таблица 2

ГРУППА ПОТРЕБНОСТЕЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ДУХОВНЫЙ РОСТ

№		Количество респондентов	%
1.1.	Чтобы узнать о местной культуре	957	99,6
1.2.	Чтобы узнать о местной истории	959	99,8
1.3.	Чтобы узнать о местных художниках и исполнителях	953	99,2
1.4.	Чтобы прочувствовать что-то уникальное, свойственное данному городу	953	99,2
1.5.	Чтобы увидеть знаменитые культурные места	955	99,4

Таблица 3

ПОТРЕБНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РОСТЕ¹

№		Количество респондентов	%
1.1.	Чтобы заняться чем-то, что имеет отношение к моей работе	939	97,7

Таблица 4

ПОТРЕБНОСТЬ В ТРАНСЦЕНДЕНТНЫХ ОЩУЩЕНИЯХ

№		Количество респондентов	%
1.1.	Чтобы отдохнуть морально	958	99,7
1.2.	Чтобы испытать волнительные эмоции	954	99,3
1.3.	Чтобы почувствовать эмоциональную причастность	954	99,3
1.4.	Чтобы вырваться из повседневной монотонности	953	99,2
1.5.	Чтобы сбежать в «другой мир»	957	99,6

$$K \text{ потребн. в трансцендент. ощущен.} = \frac{99,7 + 99,3 + 99,3 + 99,2 + 99,6}{5} = 99,42$$

¹ Наличие в этой группе всего одного критерия говорит о редком учёте этого мотива участия в культурном мероприятии, что абсолютно незаслуженно – в связи с высоким уровнем коэффициента данной группы потребностей.

Полагаем, что данный мотив движет той группой туристов, профессиональная деятельность которых связана с социально-культурной сферой (педагоги, работники культурных учреждений), которые, несомненно, повышают свой профессиональный статус, участвуя в культурных мероприятиях.

Таблица 5

ПОТРЕБНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОМ ПРИЗНАНИИ

№		Количество респондентов	%
4.1.	Чтобы заняться чем-нибудь вместе с моей семьей и друзьями	954	99,3
4.2.	Чтобы познакомиться с местными жителями	956	99,5
4.3.	Чтобы потом об этом рассказать друзьям и родственникам	954	99,3
4.4.	Чтобы повысить свой социальный статус	951	99,0
4.5.	Чтобы слышать известных исполнителей/артистов	957	99,6
4.6.	Чтобы увидеть популярные шоу	955	99,4
4.7.	Чтобы заслужить уважение со стороны окружающих	956	99,5
4.8.	Чтобы показать, что у меня есть средства путешествовать	951	99

$$K \text{ потребн. в соц. призн.} = \frac{99,3 + 99,0 + 99,6 + 99,4 + 99,5 + 99,0 + 99,3 + 99,5 + 99,0}{9} = 99,28$$

Таблица 6

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ БАЗОВЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ (БЕЗОПАСНОСТЬ, ФИЗИЧЕСКОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ)

№		Количество респондентов	%
1.1.	Чтобы развлечься	961	100
1.2.	Чтобы меня развлекли	954	99,3
1.3.	Чтобы отдохнуть физически	959	99,8
1.7.	Чтобы сделать то, что я хочу	952	99,1
1.9.	Чтобы заняться чем-нибудь самому	949	98,8
1.17.	Чтобы забыть о каждодневных проблемах	953	99,2
1.19.	Чтобы удовлетворить свое любопытство	955	99,4
1.27.	Чтобы отправиться куда-нибудь, где безопасно	957	99,6
1.28.	Чтобы окупить свои расходы	957	99,6
1.29.	Чтобы получить качественные впечатления	951	99
1.30.	Чтобы купить товары и сувениры	955	99,4
1.31.	Чтобы купить еду и напитки, которые раздают (продают) на мероприятии	957	99,6

$$K \text{ баз. п.} = \frac{100 + 99,3 + 99,8 + 99,1 + 98,8 + 99,2 + 99,4 + 99,6 + 99,6 + 99,0 + 99,4 + 99,6}{12} = 99,4$$

Как видим, в группе потребностей, определяющих духовный рост, лидируют такие мотивы, как желание узнать местную историю и культуру, посетить знаменитые культурные места (см. таблицу 2); в группе «Потребность в трансцендентных ощущениях» лидируют такие мотивы, как отдохнуть морально и чтобы сбежать в «другой мир» (см. таблицу 4); в группе «Потребность в социальном признании» лидируют такие мотивы, как услышать известных исполнителей или артистов, познакомиться с местными жителями, заслужить уважение со стороны окружающих (см. таблицу 5); в группе «Удовлетворение базовых потребностей (безопасность, физическое удовольствие)» лидируют такие мотивы, как: чтобы развлечься, чтобы отдохнуть физически, чтобы заняться чем-нибудь самому (см. таблицу 6).

Анализ полученных данных свидетельствует о преобладании такой группы мотивов, как мотив духовного роста. В этой группе лидируют такие мотивы, как желание узнать местную историю и культуру, посетить знаменитые культурные места.

Итак, при организации событийного менеджмента в туристической деятельности огромное значение следует придавать качественному отбору информации, сведений о культуре и культуре дестинации, созданию качественного социально-культурного продукта для удовлетворения потребности данной группы мотивов. Фактически такую же значимость для «событийных туристов» имеет удовлетворение группы базовых потребностей, таких как качественная еда, хорошие условия проживания, возможность развлечься и отдохнуть физически и т.п.

Вторичный анализ показал, что нельзя ограничиваться только одной конкретной группой потребностей. При создании социально-культурного продукта необходимо учитывать все группы и находить место потребностям, влияющим на духовный и профессиональный рост, потребностям в трансцендентных ощущениях, в социальном признании. Вместе с тем нельзя забывать и о необходимости удовлетворения базовых потребностей, таких как безопасность, физическое удовольствие и т.п.

References

1. Kay Pandora Cross-cultural research issues in developing international tourist markets for cultural events. *Event Management*. 2004, Volume 8, Number 4, pp. 191–202(12). DOI: 10.3727/1525995031436827

*

ВНЕАУДИТОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ

УДК 378.18

О. И. Бабанова

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена проблеме развития коммуникативной культуры будущих руководителей этнокультурных центров. Актуальность данной проблемы заключается в том, что область профессиональной деятельности будущих этнокультурологов является сферой «повышенной» речевой ответственности. В связи с этим общение, как межличностное, так и международное, становится важнейшим инструментом их деятельности, главным средством реализации профессиональных задач организационно-управленческого, педагогического и художественно-творческого характера.

Большим педагогическим, но пока ещё слабо реализуемым потенциалом обладает организация внеаудиторной работы студентов. Автор анализирует современные формы внеаудиторной работы студентов, классифицируя их по способу организации студенческой аудитории на индивидуальные, групповые и массовые. Большое внимание уделяется рассмотрению интерактивных технологий внеаудиторной деятельности, направленных на развитие коммуникативной культуры будущих руководителей этнокультурных центров.

Ключевые слова: коммуникативная культура, внеаудиторная работа, коммуникативная компетентность, руководитель этнокультурного центра.

O. I. Babanova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

EXTRACURRICULAR ACTIVITIES AS A RESOURCE OF DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE CULTURE FUTURE LEADERS OF ETHNO-CULTURAL CENTERS

The article covers the problem of development of communicative culture of future leaders of ethnic and cultural centers. The relevance of this problem lies in the fact that the area of professional activity of future etnokulturologiya is an area of “increased” voice of responsibility. In this

БАБАНОВА ОЛЬГА ИГОРЕВНА – преподаватель, аспирант кафедры теории и истории народной художественной культуры факультета социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры

BABANOVA OLGA IGOREVNA – teacher, doctoral student of Department of the theory and history of folk art culture, Faculty of social and cultural activities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: emilylove9191@gmail.com

© Бабанова О. И., 2017

regard communication as interpersonal and international, becomes the most important tool of their activities, the main means of realization of professional tasks organizational and administrative, pedagogical and creative nature.

Great teaching, but poorly realized the potential of the organization of extracurricular work of students. The author analyzes the modern forms of extracurricular work of students, classifying them by way of organizing the classroom, individual, group, and mass. Great attention is paid to the interactive technologies of extracurricular activities aimed at the development of communicative culture of future leaders of ethnic and cultural centers.

Keywords: communicative culture, extracurricular activities, communicative competence, the head of the ethno-cultural center.

Для цитирования: Бабанова О. И. Внеаудиторная деятельность как ресурс развития коммуникативной культуры будущих руководителей этнокультурных центров // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 116–121.

Формирование общей культуры, в том числе культуры общения, коммуникативной культуры, продолжается в течение всей жизни человека. Одним из определяющих периодов в процессе формирования личности является обучение в вузе. Развитие у будущих специалистов коммуникативной культуры становится важной задачей высшего образования.

Успешность профессиональной деятельности руководителей этнокультурных центров во многом определяется степенью сформированности у них коммуникативной культуры. От умения студентов общаться с преподавателями, сокурсниками, в профессиональной среде во время учебной и производственной практик, а также со всеми участниками этнокультурного диалога зависит эффективность усвоения ими духовных ценностей и нравственных норм, увлечённость учёбой и научной деятельностью, уровень профессионального и творческого развития.

Отметим, что область профессиональной деятельности будущих этнокультурологов является сферой «повышенной» речевой ответственности, поскольку общение, как межличностное, так и межнациональное, становится важнейшим ин-

струментом их деятельности, основным средством решения профессиональных задач организационно-управленческого, педагогического и художественно-творческого характера.

Формирование умения общаться, коммуникативной культуры – длительный и сложный процесс, требующий интеграции всех общепрофессиональных, профессиональных и узкопрофессиональных дисциплин, поскольку коммуникативная деятельность будущего специалиста обладает характеристикой целостности и обеспечивается не простым суммированием отдельных предметных знаний, умений и навыков, а их системой, обладающей синергетическими свойствами. При этом коммуникативная компетентность выступает в роли некоего междисциплинарного стержня, интегрирующего циклы или модули дисциплин, в основе которых лежит организация общения. Коммуникативная компетентность формируется в ряде дисциплин, преподаваемых будущим руководителям этнокультурных центров, таких как «Педагогика», «Журналистика в этнокультурной сфере», «Иностранный язык», «Менеджмент и маркетинг в сфере народной художественной культуры»,

«Организация и руководство народным художественным творчеством», «Педагогика народного художественного творчества», «Деловой этикет», «Арт-менеджмент», «Литература», «Русский язык и культура речи» и многие другие.

Вместе с тем на пути развития коммуникативной культуры будущих специалистов существует немало проблем.

Многие исследователи отмечают, что «проблемы, связанные с коммуникативной культурой и коммуникативной компетентностью, обостряются, в частности, в юношеском возрасте в ходе профессиональной подготовки и проявляются в трудностях адаптации к новым социальным ролям при поступлении молодых людей в вуз, вступлении в самостоятельную жизнь, профессиональном становлении [3, с. 54]». Зачастую у первокурсников слабо сформирована языковая база, которая не позволяет им активно и плодотворно участвовать в учебном процессе по избранной специальности. Многие студенты младших курсов не умеют вести дискуссию, правильно выстраивать монолог, затрудняются формулировать определения понятий, не владеют достаточной аргументацией собственных высказываний, имеют скудный словарный запас и, как следствие, не способны организовать коммуникацию в профессиональной сфере.

В определённой степени вина за сложившееся положение лежит на недоработках предыдущего уровня образования. Вчерашние школьники, несмотря на то, что успешно освоили программу среднего образования, привыкли к описательному представлению информации в учебниках, реферативному изложению пройденного в письменной форме и к прямому пересказу прочитанного в учебниках.

Казалось бы, в этом нет проблемной ситуации – за годы учёбы в вузе студенты априори обязаны приобрести необходимые коммуникативные знания, умения и навыки. Между тем низкий уровень коммуникативной активности нередко наблюдается и у студентов старших курсов. Многие вузовские педагоги отмечают необходимость принуждения студентов к речевой активности. К тому же и сам учебный процесс зачастую базируется на пассивном взаимодействии вузовского преподавателя и студента, поскольку традиционные лекции основаны на монологе преподавателя, а семинарские занятия зачастую ограничиваются типовыми заданиями и вопросами преподавателя и ответами студентов. Зачастую главный упор делается на память обучаемого, а не на развитие самостоятельности его мыслительной и речевой деятельности. Письменные задания (контрольные и курсовые работы) изобилуют реферативными формами изложения материала. Способствовать преодолению вышеуказанных недостатков может более активное внедрение в учебный процесс интерактивных методов обучения. К ним, в частности, относится метод проектов. Суть метода проектов предусматривает необходимость дифференциации обучения, обращения внимания на личность студента, на его способности и возможности. Метод проектов основывается на принципах сотрудничества, включения обучающихся в активные и интерактивные виды деятельности [2, с. 92].

Необходимо заметить, что в практике обучения будущих руководителей этнокультурных центров этот метод используется довольно широко и успешно. Так, в ходе изучения курсов «Организация и руководство народным художественным

творчеством», «Организация и руководство этнокультурным центром», «Арт-менеджмент», «Этнокультурное проектирование» и других студенты-бакалавры разрабатывают проекты этнокультурных учреждений разного типа, разноплановых этнокультурных мероприятий. Ряд студенческих проектов был реализован на практике и из вида учебных работ перешёл в разряд современной социокультурной реальности.

Интерактивные методы позволяют сформировать необходимые личностные качества, знакомят с этикой взаимоотношений, развивают навыки самоорганизации и обеспечивают высокий уровень общения. Однако необходимо отметить, что данные технологии не должны полностью заменить традиционные методы в образовании, а призваны расширить и органично дополнить существующие.

Большим педагогическим, но пока ещё слабо реализуемым потенциалом обладает организация внеаудиторной работы студентов. Внеаудиторную работу студентов мы понимаем как педагогически организованное свободное время студентов, которое не только позволяет им получить коммуникативные знания, но и способствует их активному вовлечению в коммуникативную деятельность. Внеаудиторная деятельность не дублирует аудиторную, но вместе с тем является важным дополнением аудиторных занятий, обладающим целым рядом немаловажных преимуществ: отсутствием регламентированного расписания, возможностью выбора режима и продолжительности работы студентом [1, с. 177].

Во внеаудиторной работе с будущими руководителями этнокультурных центров мы предлагаем использовать индивидуальную, групповую, массовую формы.

Эти формы необходимо сочетать и связывать с учебными предметами. Так, например, в рамках освоения дисциплины «Художественная культура народов России» мы организовали серию экскурсий в художественные музеи, где в качестве экскурсоводов выступали сами студенты, готовившие сообщения о художнике (цикле картин).

Индивидуальная внеаудиторная работа проводится с теми студентами, которые готовят сообщения или доклады на заданную тему, пишут рефераты, статьи, эссе, принимают участие в работе студенческого научного общества, конкурсах, олимпиадах, творческих мероприятиях, встречах с выпускниками и т.д.).

В этой работе могут принимать участие все желающие. Так, среди студентов факультета социально-культурной деятельности МГИК был организован конкурс эссе на тему «Как я понимаю термин “культурная политика”». Победители конкурса приняли участие в заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ по вопросам разработки государственной культурной политики.

Групповая форма внеаудиторной работы рассчитана на относительно постоянный состав студентов, объединённых общими интересами. К этой форме, имеющей чёткую организационную структуру, относятся разнообразные кружки по развитию коммуникативных навыков и умений. Кружковая работа нацелена на оказание помощи студентам в овладении культурой общения в разнообразных речевых ситуациях, прежде всего связанных с их будущей профессией; на повышение общей культуры, развитие коммуникативных способностей, формирование готовности эффективно взаимодействовать с

партнёрами по общению, искать и находить собственный стиль общения, вырабатывать систему приёмов речевого самосовершенствования.

Студенты должны свободно владеть жанрами устной речи, необходимыми для свободного общения в процессе трудовой деятельности: уметь вести деловую беседу, обмениваться информацией, давать оценку; вести дискуссию и участвовать в ней; соблюдать правила речевого этикета; грамотно оформлять письменные тексты.

В связи с этим можно рекомендовать занятия кружка проводить в виде тренингов «Диалог», практикумов «Ответы на вопросы», предлагать задания, направленные на анализ ситуаций, которые могут возникнуть в будущей профессиональной деятельности («Аргументация»).

Продуктивным является использование на занятиях профессионально ориентированного текстового материала, который следует подбирать из учебников по специальности, научно-популярных пособий, газетных и журнальных статей, отрывков из художественных произведений, материалов интернет-сайтов.

Также результативны деловые, ролевые игры, которые являются разновидностью метода имитации, подражания по заданным правилам. Эти игры приближают студентов к реалиям практической профессиональной деятельности и позволяют в большей мере развивать коммуникативность, формируют у них чувство уверенности в себе, дают возможность продемонстрировать определённую зрелость и здравый смысл [4, с. 74].

В качестве примера можно привести деловую игру «Рабочий день руководителя этнокультурного центра». В начале игры среди студентов распределяются роли ру-

ководителя, подчинённых, посетителей и экспертов. В ходе игры «руководитель» должен проанализировать поступившую документацию, выделив проблемы, требующие безотлагательного решения, принять решение или делегировать полномочия подчинённым, ответить на «звонки», отчитать опоздавшего сотрудника, принять посетителей и т.п. По окончании игры «эксперты» оценивают продуктивность и качество работы «руководителя».

Массовые формы внеаудиторной деятельности не имеют чёткой организационной структуры, к ним относят: студенческие конференции, «круглые столы», тематические вечера, организацию экскурсий, выставок, фольклорно-экспедиционную работу, участие в школах профессионального мастерства и т.д. В качестве продуктивного опыта в этом направлении можно привести ставшую ежегодной межвузовскую научно-практическую конференцию, проводимую кафедрой теории и истории народной художественной культуры Московского государственного института культуры в рамках Недели толерантности. Студенты и магистранты выступают на конференции не только в роли докладчиков, но и организаторов экспозиций собственных работ, фотовыставок, авторов творческих этюдов, участников дефиле народного костюма и т.д.

В заключение хотелось бы отметить, что теоретические и экспериментальные исследования ресурсов развития коммуникативной культуры будущих специалистов социально-культурной сферы носят сегодня преимущественно фрагментарный характер и не отражают системное видение проблемы. Существуют определённые наработки, актуальные для этой профессиональной сферы, но пока не разрабо-

тана общая методология развития коммуникативной культуры специалиста. Вместе с тем от успешности решения этой задачи во многом будет зависеть качество вузов-

ского образовательного процесса, а главное – эффективность достижения высших результатов в духовном и профессиональном развитии обучающихся.

Примечания

1. Аргунова Г. А. К вопросу о внеаудиторной работе студентов неязыковых вузов в практике обучения иностранному языку // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. Том 3. С. 176–180.
2. Гозалова М. Р. Проектная деятельность как один из методов развития коммуникативной компетенции // Сервис в России и за рубежом. 2014. № 2 (49). С. 89–97.
3. Колмогорова Н. С. Изучение взаимосвязи направленности личности и коммуникативной компетентности студентов в контексте становления профессиональной культуры будущего специалиста // Вестник Алтайского государственного педагогического института. 2004. № 4-1. С. 54–61.
4. Лемтюгова Е. А. Совершенствование коммуникативной культуры студентов-логопедов средствами инновационных технологий // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2016. № 3 (7). С. 72–77.

References

1. Argunova G. A. On the question of extracurricular work of students of non-linguistic high schools in the practice of foreign language teaching. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2015, no. 11, vol 3, pp. 176–180. (In Russian)
2. Gozalova M. R. Project work as a tool for communicative competence development. *Service in Russia and Abroad*. 2014, no. 2 (49), pp. 89–97. (In Russian)
3. Kolmogorova N. S. Izucheniye vzaimosvyazi napravlenosti lichnosti i kommunikativnoy kompetentnosti studentov v kontekste stanovleniya professional'noy kul'tury budushchego spetsialista [Studying of interrelation of an orientation of the person and communicative competence of students in a context of formation of professional culture of the future expert]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta [Bulletin of the Altai State Pedagogical Institute]*. 2004, no. 4-1, pp. 54–61.
4. Lemtyugova E. A. Improving of the communicative culture of student speech therapists by means of innovative technologies. *Vestnik Saratovskogo oblastnogo instituta razvitiya obrazovaniya [Bulletin of the Saratov Regional Institute of Education Development]*. 2016, no. 3 (7), pp. 72–77. (In Russian)

*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЖИССЁРА И ХУДОЖНИКА В СОЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА ТЕАТРАЛИЗОВАННОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

УДК 792.027

Л. А. Подосёнов

Московский государственный институт культуры

В данной статье на основе обобщения идей искусствоведов, художников театра и режиссёров, личного опыта автора, являющегося художником-постановщиком крупных театрализованных представлений и праздников, представлено авторское видение алгоритма совместной работы режиссёра и художника по созданию художественного образа театрализованного представления. Показано, что создание художественного образа – одна из главных задач творческого взаимодействия режиссёра и художника, представляющего собой многоаспектное взаимовлияние двух основных авторов театрализованного представления. Осмысление закономерностей и специфики этого взаимодействия является необходимым компонентом изучения художественной образности современной режиссуры театрализованного представления и методов его полноценного художественного решения.

Ключевые слова: театрализованное представление, режиссёр, художник, художественный образ, постановка театрализованного представления, взаимовлияние режиссёра и художника.

L. A. Podosenov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

INTERACTION OF DIRECTOR AND ARTIST IN THE PROCESS OF THEATRICAL PERFORMANCE IMAGE CREATION

In this article, based on generalized art ideas of historians, artists theater Directors, and author's personal experience as the artistic Director of a large theatrical performances and festivals, the author's vision of the joint work algorithm of Director and designer in creation of the artistic image of theatrical performance is given. It is shown that the creation of an artistic image is one of the main tasks of a creative interaction between filmmaker and artist, representing the multifaceted interaction of the two main creators of the performance. The understanding of the patterns and

ПОДОСЁНОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ – преподаватель кафедры режиссуры театрализованных представлений театрально-режиссёрского факультета Московского государственного института культуры, член Союза театральных деятелей Российской Федерации (Всероссийского театрального общества)

PODOSENOV LEONID ALEKSANDROVACH – teacher of Department of directing theatrical performances, Theatrical and Directing Faculty, Moscow State Institute of Culture, member of the Union of Theatre Workers of the Russian Federation

e-mail: l.podosenov@yandex.ru
© Подосёнов Л. А., 2017

specificity of this interaction is a necessary component in exploring the artistic shape of contemporary directing, theatrical performances and methods a full-fledged artistic decisions.

Keywords: theatrical performance, theatre Director, artist, artistic image, staging theatrical performances, the interaction of filmmaker and artist.

Для цитирования: Подосёнов Л. А. Взаимодействие режиссёра и художника в создании художественного образа театрализованного представления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 122–130.

Создание художественного образа – одна из самых важных задач творческого взаимодействия режиссёра и художника. Главная особенность этого взаимодействия состоит в том, что оно в идеале должно перерасти во взаимовлияние двух основных авторов театрализованного представления. Осмысление закономерностей и специфики этого взаимодействия является необходимым компонентом изучения художественной образности современной режиссуры театрализованного представления и методов его полноценного художественного решения. Поэтому в данной статье на основе обобщения идей искусствоведов, художников театра и режиссёров, личного опыта автора, являющегося художником-постановщиком масштабных театрализованных представлений и праздников, представлено авторское видение алгоритма совместной работы режиссёра и художника по созданию художественного образа театрализованного представления, его текста и контекста как художественного произведения [5].

Художник – представитель изобразительного искусства, всегда был и остаётся одним из главных участников любого театрализованного зрелища или представления [см.: 6]. Но также невозможно современное представление без самого главного участника этого действия – режиссёра, генератора идей и руководителя творческо-постановочного коллектива [7].

Сам же режиссёр также немислим без всех окружающих его и необходимых ему участников творческого содружества.

Режиссёр – лидер, он собирает вокруг себя команду. Эта команда и называется постановочной группой проекта. В неё входят главные его помощники: художник-постановщик, балетмейстер, композитор, художник по свету, звукорежиссёр и ещё ряд специалистов, которые необходимы при постановке театрализованного зрелища [2]. Это могут быть аранжировщики, педагоги по сценическому движению, сценической речи и технические специалисты. Если это крупный проект, например День города или открытие спортивных игр, то собирается очень большой коллектив постановочной группы, и этим «кораблём», идущим к поставленной цели и желающим получить отличный результат, должен управлять человек, обладающий огромным талантом, профессия которого – режиссёр. И для него, как для руководителя этого коллектива, очень важно заинтересовать и увлечь всех участников этой команды своей идеей и дать понять каждому, что лично от него (от костюмера до артиста) зависит успех данного представления.

Режиссёр должен работать с тем художником, которому доверяет как личности и как творцу. Несомненно, что для получения желаемого результата и плодотворной работы необходим тесный союз

режиссёра и художника, предполагающий одинаковое понимание сценарного материала (драматургии). Необходимы объединяющие их эстетические критерии и мировоззрение, доверие друг к другу и уважение к творческой личности [8].

Многие режиссёры вполне справедливо обижаются на театральных художников, не в полной мере обладающих понятием о сценическом пространстве и законах сценографии, особенно если театрализованное представление происходит вне сцены – на городской площади, стадионе или в городском парке. Но также справедливо и художники в своих обидах на режиссёров, не всегда обладающих элементарными профессиональными знаниями организации театрализованного представления. Только от плодотворного союза и доверия режиссёра и художника, их творческих взаимоотношений, единства взглядов зависит успех общего дела и творческая атмосфера в постановочной группе.

Многие театральные художники (например, О. Шейнцис) убеждены, что практически невозможно определить точный круг обязанностей художника-постановщика и круг обязанностей режиссёра-постановщика в постановочном процессе [4]. Поэтому так трудно им работать друг с другом. Этот союз обречён быть в постоянной близости и конфликте между собой. Режиссёр и художник требовательны не только к себе, но и ко всей окружающей их команде. Гарантией успеха в искусстве всегда был профессионализм, и профессиональные художник и режиссёр должны выполнять задачу, поставленную перед собой.

Для театральных режиссёров и художников всегда актуальным является процесс построения гармоничных профессио-

нальных взаимоотношений друг с другом. Неудачный опыт такого взаимодействия делает их настороженными, порождает недоверие к возможной безупречности творческого и человеческого альянса, зачастую приводит к выработке защитных средств, которые практически исключают совместное творчество. Подобные отношения отрицательно сказываются на результатах работы постановочной группы и всего проекта.

Вопрос о том, какой художник будет работать на конкретном театрализованном представлении, – очень важен для режиссёра, и поэтому принять решение не всегда просто. К сожалению, очень часто это решается механически, либо установкой сверху, либо за отсутствием других кандидатур. Но бывает и так, что театральным художником предлагает свои идеи, более интересные, чем режиссёра, и профессиональный, талантливый режиссёр их принимает, так как они работают на общую цель, успех всей постановки.

Что же является главным при выборе художника? Вначале режиссёр обязан ознакомиться с его портфолио, сейчас оно есть практически у каждого, даже начинающего художника. Есть ли у художника чувство юмора и самоирония – это очень важно для общения и взаимопонимания. Какое мировоззрение у художника, каков его темперамент? Все эти качества проявляются при работе режиссёра и художника над драматургическим материалом театрализованного представления.

После решения вопроса о выборе художника, начинается один из главных этапов совместного творчества – разбор драматургического материала – сценария.

Очень часто режиссёр является соавтором или автором этого сценария. И это,

как правило, имеет положительные моменты. Во-первых, исключаются разногласия и открытый конфликт с автором сценария. Когда режиссёр является и сценаристом, он уже знает свои цели и задачи, и самое главное – ему проще убедить в этом художника и найти в его лице союзника.

Следующий, не менее важный этап – разработка художником всего сценографического решения представления. Для этого художник, иногда совместно с режиссёром, изготавливает первоначально форэскизы, наброски декорационного оформления всех площадок, где будет происходить представление. После этого создаются подробные эскизы в цвете, начинается изготовление макетов. Макет – это реализация образного видения всего театрализованного представления, только в уменьшенном варианте, как правило, в масштабе 1:20 [1].

После создания художником макета у режиссёра-постановщика появляется возможность посмотреть в целом, в буквальном смысле слова, на территорию всего действия, разметить мизансцены актёров, солистов и массовые сцены, разработать все крупные и мелкие элементы постановки. Макет зрительно помогает режиссёру решить постановочные задачи, даёт возможность исправить и внести корректировки в сценографическое решение представления.

Одним из главных профессиональных качеств театрального художника является правильное и точнее построение рациональной планировки сценического пространства всего театрального действия на всех площадках проекта. Правильная и грамотная планировка размещения крупных и мелких элементов оформления – основа всего декорационного решения пред-

ставления. Благодаря планировке оформления, составленной художником, режиссёр решает многие постановочные задачи, продумывает построение мизансцен с движением большого количества участников зрелища. Правильная и грамотная планировка всегда организована с расчётом большого количества артистов. Какой бы приём оформления художник ни выбрал, ему необходимо помнить, что главное действующее лицо всего зрелища – артист, и декорации ни в коем случае не должны мешать ему. Декорационное оформление всего театрализованного зрелища должно помогать артисту, обеспечивать ему полную свободу действия на сцене, раскрывать талант в полной мере, тем самым усиливая художественную образность всего представления.

Зримый образ или сценография театрализованного представления должны быть предельно лаконичными. Лаконизм – это не количество элементов оформления на площадке, а качество. Это правильный отбор наиболее характерного, яркого и красочного того, что помогает создавать зрительный образ действия более точным и выразительным. Изобретательность, остроумие, фантазия и индивидуальность – это далеко не все качества талантливого художника. Всё это выражается в эскизах художника, макетах, чертежах, эскизах костюмов и реквизита, образцах фактур и ткани. И всё это, после утверждения режиссёром, а иногда и балетмейстером, отправляется в производство, в театральные мастерские. От технического и профессионального состояния этих мастерских очень часто зависит судьба всего театрализованного представления. Художник обязан осуществлять авторский надзор за изготовлением деко-

раций, костюмов, реквизита, сложных механических, подъёмно-опускных конструкций и всех элементов декора, которые будут использованы в представлении, причём так, чтобы они максимально соответствовали эскизам, чертежам и макетам. Воплотить свою художественную идею художник обязан в любом случае, так как именно он несёт полную ответственность за конечный результат, за то, что увидит зритель.

Отправными данными для производства элементов художественного оформления, реквизита и костюмов театрализованного представления служат эскизы, макет и рабочие чертежи, а также технологическое описание всего оформления. Художник обязан предоставить в театральные мастерские, а именно – заведующему художественно-постановочной части театрального проекта, который отвечает за изготовление всего оформления, габаритные чертежи и опись декораций и реквизита.

Заведующий художественно-постановочной части – это ещё один участник постановочной группы театрального проекта. Он – главный помощник и консультант художника-постановщика и режиссёра. У него имеется собственная команда театральных специалистов – это художники-декораторы, столяры, плотники, сварщики, бутафоры, монтировщики декораций, электрики, осветители и костюмеры и т.д. Заведующий художественно-постановочной частью проекта отвечает за полное изготовление всего декорационного оформления и пошив костюмов. Наиболее рациональное определение порядка изготовления декорационного оформления имеет очень большое значение для обеспечения репетиционного процесса.

И художник, и режиссёр одинаково заинтересованы в проверке на прочность и безопасность декораций на игровой и репетиционной площадке. Помимо того, чем раньше основные элементы декораций: станки, фуры, пандусы и все движущиеся элементы, попадут на репетиционную площадку, тем больше возможностей у режиссёра обыграть эти декорации и ещё раз проверить и поправить все мизансцены с актёрами, которые должны привыкнуть к предлагаемым обстоятельствам и «пройти ногами» все выходы и проходы на игровой площадке. Это очень важный процесс – репетиция в декорациях, поэтому при составлении графика изготовления декораций необходимо учитывать пожелания режиссёра-постановщика и запускать в производство в первую очередь те элементы оформления, которые необходимы для репетиционного периода. Составлением графика изготовления декорационного оформления, костюмов занимается заведующий художественно-постановочной части, предварительно согласовав его с художником и режиссёром.

Ещё одно направление совместного творчества художника и режиссёра – разработка световой партитуры художественного оформления театрализованного представления. Поиск образа во многом зависит от возможностей сценического света, что становится особенно важным, если действие происходит на открытой площадке и в вечернее время.

Здесь появляется новый участник постановочной группы – художник по свету. В руках опытного художника по свету театрально-сценический свет становится эмоциональным, психологическим мостиком между сценической площадкой и зрителями в театрализованном зрелище.

Сегодня невозможно представить театрализованное представление, организованное на открытой площадке, без серьёзного оснащения световым оборудованием и светодиодными экранами.

Завершающим этапом работы режиссёра с художником над проектом являются репетиции на площадке и монтаж декорационного оформления. На этом этапе на репетиционную площадку выходят практически все участники постановочной команды (художник-постановщик, балетмейстер, композитор, художник по свету, звукорежиссёр). Все они принимают активное участие в репетиционном периоде вплоть до премьеры театрализованного представления.

При работе над оформлением театрализованного представления на художника воздействует множество сил, определяющих художественный образ. Кроме предлагаемого драматургического материала – сценария, для художника большое значение имеет его личное отношение к театральному проекту вообще и к тому конкретному месту, где должно возникнуть театрализованное действие в частности. Работая с такими «абстрактными» видами искусства, как музыка и поэзия, где сюжет не является доминирующим, художник должен использовать равные им по образности выразительные средства. Музыка и поэзия рождают множество ассоциаций, каждая из которых может вылиться в самостоятельное зрелище.

Создавая зрительный образ представления, театральный художник должен думать о создании не только декорационного решения, но и о создании театральных костюмов для артистов. Театральный костюм – это не просто одежда, а костюм, характеризующий персонаж. Театральный

костюм несёт декоративную функцию, и цветовые сочетания связывают его с декорационным оформлением и другими костюмами участников всего представления. Очень важна роль сценического костюма в хореографии, где костюм – это одно из главных и обязательных средств пластической характеристики образа. Костюм танцора должен быть лёгким и изящным, должен подчёркивать и дополнять те линии жеста, позы и движения, которыми создаётся выразительность образа. Образ, найденный художником в эскизе, должен удовлетворять не только самого автора и быть принятым режиссёром-постановщиком, но и нравиться тому, кому этот костюм предназначен – актёру. В работе над костюмом художнику зачастую приходится учитывать особенности фигуры артистов, которые являются солистами или главными действующими героями представления. Бывает, что не всегда актёр соглашается с эскизом художника, даже если режиссёр утвердил его. Поэтому, пока все заинтересованные стороны не придут к соглашению, эскиз костюма не может быть утверждён в производство. Художник должен убедить актёров в правильности создания эскиза для его персонажа, конечно учитывая пожелания артиста.

Художник руководствуется общей идеей представления и тогда, когда ищет общее решение, думает о всём костюмном оформлении театрального зрелища, и тогда, когда работает над отдельными костюмами. В любом случае, театральный костюм – очень важная часть театрализованного представления, он ближе всех других элементов оформления связан с актёром, являясь внешним воплощением сценического образа и подчёркивает особенности характера персонажа. Сценический образ

складывается из драматической основы, сценария, режиссёрской концепции и заданного режиссёром темпоритма зрелища. С помощью театрального костюма можно выявить, подчеркнуть разнообразные особенности характера персонажа, настроение и зрительный образ героя.

В работе над костюмом художнику и режиссёру очень часто помогают бумажные плоские фигурки из макета, изготовленные в масштабе 1:20 и раскрашенные в предполагаемой цветовой гамме. Играя и расставляя в макете этих «бумажных актёров», режиссёр и художник проверяют общее цветовое решение декорации и костюмов, главные мизансцены, правильное распределение артистов на площадке, мизансценирование массовых сцен. После утверждения эскизов костюмов режиссёром, художник вместе с закройщиками-модельерами составляет опись всех костюмов, включая обувь, головные уборы и аксессуары. К эскизам прикладываются образцы ткани, из которой будет изготовлен театральный костюм. После того, когда художник отдаёт эскизы в производство, начинается новый этап творческой работы, когда уже совместно с актёром и закройщиком решаются и дорабатываются проблемы пропорций, фактуры, формы, света, доводится до совершенства авторский замысел художника.

Среди участников коллектива, занятого постановкой театрального проекта, не существует специалистов, далёких от творчества. Любой участник команды: от режиссёра-постановщика до костюмера, выполняет общую – идейно-творческую – задачу.

В полной мере это относится и к художнику-гримёру. Его главная задача – найти внешний выразительный облик каж-

дого персонажа представления, и эта задача – идейно-творческая. Первоначально эскизы грима создаёт художник-постановщик в период обсуждения режиссёрской концепции представления. Художник должен учитывать при создании грима не только существенные черты изображаемого лица, но и особенности артиста, и цветовую палитру декораций, и освещение в будущем зрелище. Художник и режиссёр принимают или отвергают первые эскизы грима, по сути являясь его соавторами. Каждый актёр вносит часто весьма существенные изменения в эскиз своего грима, а иногда предлагает собственный набросок внешности героя.

Работа над гримом – это работа над одной из составляющих частей художественного образа. И поэтому художник-гримёр – первый помощник актёра в сложном и тонком искусстве перевоплощения. Фантазия актёра помогает понять ему замысел режиссёра и художника, найти новые черты характера героя. Художник-гримёр всегда вынужден приспособлять свой замысел к внешности актёра. В каждом облике актёра он должен увидеть, найти и угадать черты задуманного художественного образа героя. Чем большим запасом изобразительных средств владеет художник, тем глубже он воздействует на зрителя. И поэтому дело всей жизни художника – непрестанное совершенствование своего мастерства.

Таким образом, процесс творческого взаимовлияния художника и режиссёра является распределённым по всему периоду подготовки и проведения театрализованного представления. Этот процесс включает в себя все этапы разработки художественного образа театрализованного представления: от замысла до воплощения.

Взаимовлияние художника и режиссёра позволяет обеспечить потребность современных театрализованных представлений в сочетании живописи, цветового решения с новыми принципами организации пространства и игровой площадки. Эта тенденция во многом связана с новой интерпретацией законов классической драматургии, с осмыслением прошлого с точки зрения новых проблем общественной жизни, обогащённым современным

мироощущением. Мир чувств и представлений современного человека стал сложнее и многообразнее, а художественное освоение им действительности – глубже и разностороннее. Поэтому художник и режиссёр объединяются в общем стремлении к построению оригинальной художественной образности современного театрализованного представления – уникального по своей сути, синтетического вида искусства.

Примечания

1. Базанов В. В. Театральная техника в образном решении спектакля. Москва : Искусство, 1970. 144 с.
2. Белая Н. С. Подготовка к режиссёрско-педагогической деятельности постановщиков театрализованных представлений в вузах культуры и искусств: компетентностный подход // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 5 (61). С. 195–202.
3. Градова К. В. Театральный костюм. Книга 2: Мужской костюм. Москва : Союз театральных деятелей, 1987. 351 с.
4. Олег Шейнцис : зачем нужен художник / [сост. А. В. Оганесян]. Москва : Артист. Режиссер. Театр, 2008. 304 с.
5. Суминова Т. Н. Текст и контекст художественного произведения: философско-культурологический анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 5 (61). С. 39–43.
6. Сыркина Ф. Я. Русское театрально-декорационное искусство / под ред. В. Ф. Рындина и В. В. Ванслова. Москва : Искусство, 1978. 246 с.
7. Форд А. С. Эстетические аспекты трансформации режиссёрской профессии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1 (63). С. 232–236.
8. Шибяева М. М. Трансформация представлений о творческой личности в отечественной эстетике // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 4 (72). С. 10–16.

References

1. Bazanov V. V. *Teatral'naya tekhnika v obraznom reshenii spektaklya [The theatrical equipment in the figurative decision of a performance]*. Moscow, Art Publishing House, 1970. 144 p.
2. Belaya N. S. Application of a competence approach in directing and pedagogical activity of specialists of directing theatrical performances in the Universities of culture and arts. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2014, no. 5 (61), pp. 195–202. (In Russian)
3. Gradova K. V. *Teatral'nyi kostium. Kniga 2: Muzhskoi kostium [Theatrical suit. Book 2: Men's suit]*. Moscow, Publishing House of the Union of Theatre Workers, 1987. 351 p.
4. Oganesyana A. V., comp. *Oleg Sheintsis: zachem nuzhen khudozhnik [Oleg Sheintsis: why the artist is necessary]*. Moscow, ART Publishing House, 2008. 304 p.
5. Suminova T. N. Text and context of the work of art: philosophical and cultural analysis. *Vestnik*

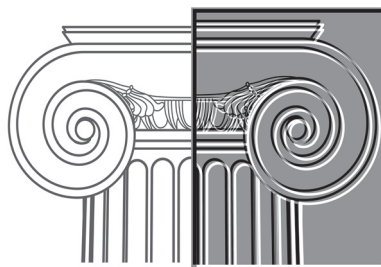
Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2014, no. 5 (61), pp. 39–43. (In Russian)

6. Syrkina F. Ya. *Russkoe teatral'no-dekoratsionnoe iskusstvo [Russian theatrical and decorative art]. Ed. by V. F. Ryndin, V. V. Vanslov. Moscow, Art Publishing House, 1978. 246 p.*

7. Ford A. S. Aesthetic aspects of transformation the directing profession. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015, no. 1 (63), pp. 232–236. (In Russian)*

8. Shibaeva M. M. The transformation of ideas about the creative personality in domestic aesthetics. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2016, no. 4 (72), pp. 10–16. (In Russian)*

*

БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ГЕНЕЗИС БИБЛИОТЕЧНОЙ ПЕДАГОГИКИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

УДК 028.5(07)

Г. А. Иванова

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена проблемам становления и развития библиотечной педагогики как научной дисциплины, формирующейся на базе интеграции педагогики и библиотековедения, также анализу изменений, происходящих в библиотечно-педагогической деятельности в разные исторические периоды. Рассмотрены эволюция понятия «библиотечная педагогика», взгляды отечественных писателей, критиков, педагогов, библиотековедов в области детского и юношеского чтения. Показано становление и развитие библиотечно-педагогической деятельности, обоснована необходимость реализации целостной концепции библиотечно-педагогической деятельности, способствующей развитию личности растущего человека, его образованию и воспитанию.

Ключевые слова: генезис, педагогика, библиотековедение, библиотечная педагогика, концепция, личность, образование, воспитание, теория чтения, руководство чтением.

G. A. Ivanova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotekhnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

GENESIS OF THE LIBRARY PEDAGOGIC AS SCIENTIFIC DISCIPLINE

The article deals with the problems of library pedagogy development as a scientific subject which is being formed on the basis of pedagogy and library science integration. It is also devoted to the changes in library pedagogical activity in different historical periods. The evolution of the “library pedagogy” idea is discovered. Viewpoints of native writers, critics, library scientists dealing with children and young people reading are shown. Library science development is discussed. The necessity of realization of the entire concept on library pedagogical activity which will help to develop a personality, his or her education and up-bringing is also proved.

Keywords: genesis, pedagogy, library science, library pedagogy, concept, personality, education, up-bringing, reading theory.

Для цитирования: Иванова Г. А. Генезис библиотечной педагогики как научной дисциплины // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 132–141.

ИВАНОВА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры управления информационно-библиотечной деятельностью Московского государственного института культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации

IVANOVA GALINA ALEXANDROVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of management of library and information activities, Moscow State Institute of Culture, Honored worker of culture of the Russian Federation

e-mail: g.ivanova@inbox.ru
© Иванова Г. А., 2017

Библиотечная педагогика – научная дисциплина, формирующаяся на базе интеграции педагогики и библиотековедения. Её предметом являются проблемы теории чтения, библиотечно-педагогической деятельности, решение которых позволит приобщить подрастающее поколение к миру книжной культуры, позволит использовать литературу и другие информационные источники как важнейшие средства образования и воспитания растущего человека, формирования его культуры чтения и информационной культуры.

Становление библиотечной педагогики как самостоятельной научной дисциплины обусловлено двумя взаимосвязанными группами факторов: прежде всего, развитием отечественного библиотековедения как сложной, динамически развивающейся системы, появлением в ней новых стратегий исследования; во-вторых, потребностями науки в изучении педагогических аспектов деятельности библиотек.

В истории мировой библиотековедческой и педагогической мысли особое место занимают идеи приобщения к книге, чтению подрастающего поколения, ибо на всех этапах своей истории человечество решало важную для себя задачу передачи знаний и духовных ценностей от одного поколения к другому. Уже в Древней Руси зарождаются педагогические основы работы с книгой в библиотеках. Известен, например, опыт обучения детей в учебной библиотеке, созданной в XII веке Евфросиньей Полоцкой. Ю. Н. Столяров, характеризуя её деятельность, отмечает, что в созданной ею библиотеке Евфросинья два-три года уделяла первому циклу обучения: умению читать, писать, считать, рассказывать наизусть или петь молитвы. Во время второго цикла обучала церков-

нославянскому, греческому, латинскому языкам, природоведению, риторике, медицине, истории – особенно родословной Рогволодовичей, прошлому Полоцкой земли и всего восточного славянства. Помимо этого, она воспитывала у своих подопечных терпение и воздержание от пороков, чистоту душевную и телесную. Обучала Полоцкая в своей библиотеке и красноречию, а наиболее способных детей – поэтике [3].

Становление и развитие библиотечной педагогики проходило в разные исторические периоды и имело свои особенности. В эпоху Возрождения (XIV – начало XVII века), периоды Реформации (XVI век) и Просвещения (вторая половина XVII – XVIII века) складываются более благоприятные условия для развития просвещения и образования. Особое значение имело изобретение европейского способа книгопечатания (40-е годы XV века), связанного с именем немецкого изобретателя И. Гутенберга. Развитие книгопечатания благотворно сказалось на росте числа библиотек, их фондах, на издании книг.

К концу XVII века сложились первоначальные представления о педагогике детского чтения. Они возникли из осознания потребности воспитания подрастающих поколений, обучения их чтению, грамоте, решения задач сделать процесс чтения более доступным и привлекательным. Была обоснована необходимость приобщения детей к лучшим образцам отечественной и мировой литературы, пробуждения у них глубокого интереса к книге, чтению как источнику знаний и самообразования. Утверждалась значимость для руководителей детского чтения понимания мира ребёнка, особенностей детского возраста и восприятия литературных произ-

ведений детьми. Эти требования находили реализацию как в самой литературе, так и в деятельности педагогов, библиотекарей. Важную роль в формировании потребностей в чтении играли личные, семейные, монастырские и учебные библиотеки.

В XVIII веке вопросы педагогики чтения были в центре внимания самого крупного поэта Феофана Прокоповича. Он имел богатейшую личную библиотеку на разных языках, насчитывающую более 230 тысяч томов. По личной просьбе Петра I Ф. Прокопович написал «Краткую историю России» и «Первое учение отрокам». Особую популярность имела его оригинальная детская книга «Первое учение отрокам». В предисловии этой книги автор изложил свои педагогические взгляды. Он считал, что воспитанием ребёнка надо заниматься с раннего возраста, образование должно соединяться с воспитанием. Дети, отмечал Прокопович, должны любить книги. Поэтому важен отбор книг, и они должны быть доступны детям. Читать плохие книги или же не понимать прочитанное – «многажды худше и злейше». В «Духовном регламенте», написанном в 1721 году для Синода, Ф. Прокопович ставит вопрос об открытии духовных школ, школ для простого народа, отмечая, что при школах надлежит быть библиотеке, ибо школа без библиотеки, как без души. «Дело учителя, – писал Прокопович, – спрашивать ученика о том, произведение какого автора он читал, что записал, а если чего не разумел, то б ему объяснил учитель [1]». Он отмечал полезность такой работы.

Большую заботу о библиотеках проявлял М. В. Ломоносов. Эта забота была проникнута стремлением способствовать развитию русской культуры, науки, про-

свещения. Этим же стремлением он руководствовался при создании научных и поэтических произведений. Его «Риторика», включившая также превосходно переведённые произведения разных народов, значительно расширила круг литературных знаний русского читателя.

Последователи Ломоносова, его ученики, профессора Московского университета, открытого в 1755 году, рассматривали проблемы воспитания и обучения не только дворянской молодёжи, но и молодёжи других сословий. Ставились вопросы о целях обучения и воспитания подрастающего поколения, о роли нравственного воспитания в формировании личности человека, о литературе как средстве воспитания и образования.

Одним из выдающихся просветителей XVIII века был Н. И. Новиков (1744–1818). Из книг, которые он издал, можно составить разносторонне подобранную библиотеку. Новиков издавал книги на русском и иностранных языках, среди которых учебники, словари, книги по истории, географии и другим наукам, художественные произведения, а также журналы «Трутень», «Живописец», «Кошелек» и другие. В 1772 году он издал «Опыт исторического словаря о русских писателях». Заботясь о распространении просвещения в России, о том, чтобы книги могли читать те, кто не в состоянии их купить, Новиков открыл публичную библиотеку-читальню при университетской книжной лавке в Москве.

Н. И. Новиков сыграл важную роль в развитии педагогики детского чтения. Он всемерно распространял педагогическую науку, написал несколько работ в этой области, в том числе трактат «О воспитании и наставлении детей для распро-

странения общепольных знаний и всеобщего благополучия». Стержнем педагогических взглядов Новикова является воспитание любви к Отечеству и благонравия. Ярким событием в жизни юных россиян стало издание журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789), выходящего каждую субботу как бесплатное приложение к газете «Московские ведомости». Этот журнал – первая осуществлённая попытка целенаправленного и систематического влияния на воспитание и образование молодого поколения с помощью специально создаваемой литературы для детского и юношеского чтения.

Демократическую линию в сфере детского и юношеского чтения продолжил А. Н. Радищев, произведения которого часто были адресованы мальчику или юноше. К ним можно отнести не только «Путешествие из Петербурга в Москву», но и такие его произведения, как «Беседа о том, что есть сын Отечества», «Слово о Ломоносове», «Слово о Пугачёве», «Житие Фёдора Васильевича Ушакова». Социальный идеал писатель видел в обществе «мудрых и знающих» людей. Он писал, что преимуществу человеку могут дать только знание и благородство, что путь к ним лежит через образование, познание и чтение, возвышающие душу и ум человека.

С удивительной для своего времени чёткостью А. Н. Радищев сформулировал мысль о единстве знания и нравственности, о необходимости в первую очередь нравственного воздействия на детей в процессе чтения.

Идеи Н. И. Новикова и А. Н. Радищева о детском, юношеском чтении в значительной мере предопределили историческое развитие теории и практики руководства детским и юношеским чтением в России.

С момента своего возникновения профессионально организованное и руководимое чтение юного поколения приобрело демократический характер.

Ю. Н. Столяров справедливо обратил внимание педагогов-библиотекарей и автора данной статьи на необходимость «знать и высоко чтить имя такого своего предшественника, как философ и библиотекарь Иммануил Кант (1724–1804) [7]». Можно полностью согласиться с мнением Юрия Николаевича, его стремлением показать роль И. Канта в развитии педагогики чтения. В своей статье он отмечает: «Понятия “человек”, “познание”, “мышление”, “книга” ставятся И. Кантом в один логический ряд и позволяют выделить важные принципы, реализуемые в процессе чтения [7, с. 46]».

Среди них: руководство чтением осуществляют специалисты либо сам читающий при достижении определённого образовательного уровня; в процессе чтения познаётся новое знание не только благодаря содержащейся в книге информации, но и благодаря её творческой переработке; с помощью руководителей чтения или самостоятельно следует выделять вопросы о прочитанном для осмысления его содержания; читатель должен проявлять внимательность, воспитанность, умение вступать в диалог с автором.

В рассматриваемый период высказываются мысли о требованиях к библиотекарям. В. Н. Татищев в изданном в 1793 году лексиконе (словаре) указывает, что библиотекарь «должен быть многих наук и разных языков ... наученный, к тому же прилежный читатель, всякой книге качество знать [3, с. 54]». Он обязан оказывать помощь читателю в выборе книг, обращаться с ним «учтиво, ласково и помощ-

ником в приобретении полезного знания себя показывать [3, с. 54]».

Таким образом, возникновение библиотечной педагогики теснейшим образом связано с развитием культуры, образования, просвещения, с изданием и распространением книг, с созданием библиотек. Первоначальные представления о педагогической сущности деятельности библиотекарей формировались под влиянием развития детского и юношеского чтения.

Интерес к истории развития теории библиотечной педагогики устойчиво сохранялся в XIX – начале XX века. В трудах писателей, критиков, педагогов, специалистов в области библиотечного дела и чтения этого периода, таких как В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. Г. Добролюбов, Д. И. Писарев, В. И. Водовозов, Н. В. Шелгунов, В. Я. Стоюнин, Н. А. Корф, В. Н. Острогорский, А. Н. Толстой, К. Д. Ушинский, «содержится множество идей, суждений по вопросам детского, юношеского чтения [3, с. 55]».

В трудах названных авторов большое внимание уделяется роли книги и чтения в развитии личности, в духовно-нравственном её становлении; содержанию чтения, психологии чтения; методам руководства чтением; изучению читателей и другим педагогическим проблемам.

Значительное влияние на актуализацию проблем чтения и библиотечно-педагогической деятельности оказали труды Н. А. Рубакина (1862–1946) – писателя, просветителя, библиотековеда, исследователя, книговеда, создателя науки о социальном психологическом воздействии – библиопсихологии, популяризатора научных знаний. Его труды ценны методологически и практически, а собственный опыт исследовательской работы по изучению

читателей и чтения исключительно интересен, значим для каждого библиотечного специалиста.

Главную задачу чтения Рубакин видел в расширении «духовной жизни по всем направлениям», в росте человеческой личности, в её укреплении. В статье «Как должно быть организовано внеклассное чтение» (1909) он писал, что основные задачи чтения те же, что и задачи воспитания и образования. При правильной организации внеклассного чтения дети станут активными читателями, любителями книг. Н. А. Рубакин отстаивал широкий круг чтения, выступал против бездарной литературы. Настойчиво проводил такую мысль: для того чтобы книга была усвоена читателем, она должна быть не просто хорошей книгой, но и книгой, подходящей данному читателю. «Подходящей книгой называется такая, которая в наибольшей степени соответствует всем твоим качествам и свойствам, например, запасу твоих знаний, складу твоего ума, твоим желаниям и стремлениям, вообще всем твоим душевным качествам [6, с. 126]».

Как мы уже отмечали, Н. А. Рубакин стал зачинателем новой научной теории – библиопсихологии. Анализ действия «сотен тысяч книг на сотни тысяч читателей», практические наблюдения и теоретические выводы явились источниками этой теории. Основные положения библиопсихологии, изложенные в труде Н. А. Рубакина «Психология читателя и книги», стали предметом изучения российских специалистов лишь в 20-е годы XX столетия, когда этот труд был издан в Москве и Ленинграде. Но ещё в 1901 году в книге рассказов «Искорка» Рубакин указывал на то, что индивидуальные особенности личности и условия обстановки, душевное

настроение, испытываемое в такой-то момент, – всё это влияет на то, какая книга подействует на читателя. Он рассматривал не только индивидуальные реакции читателей на книги, но и реакции, обусловленные историческими и социальными причинами, и это ставил в основу изучения читателей.

Богатое теоретическое наследие Рубакина обогащало знаниями всех тех, кто занимался проблемами библиотечного дела. И в XXI веке библиотечные специалисты вновь и вновь обращаются к трудам этого замечательного учёного – страстного пропагандиста книги и чтения.

В начале XX века вопросы организации чтения широко обсуждались на общепедагогических, библиотечных, земских съездах и совещаниях. На Первом Всероссийском съезде учителей (1909) ставился вопрос о создании специальных комиссий для изучения детской литературы при учительских обществах, отмечалась необходимость организации хороших учебных библиотек и выставок новых детских книг.

Особое значение имел Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу, состоявшийся в Санкт-Петербурге в 1911 году. В докладе К. И. Рубинского «Положение библиотечного дела в России и других государствах» отмечалось, что условия жизни в России не давали простора коллективной библиотечной деятельности библиотекарей, что опыт, приобретённый библиотекарем, «не приносил пользы другим библиотекарям и не содействовал развитию библиотечного дела в России. Не знакомый с современными успехами его на Западе, знающий только понаслышке о существовании науки библиотекведения, русский библиотекарь поне-

воле был консерватором, и верность традиции была отличительной чертой его деятельности [12, с. 2]». В докладе прозвучала мысль о необходимости «поставить библиотеки на должную высоту», но этого можно достигнуть, если в библиотеках не будет «неопытных работников».

Интересным на съезде был доклад Е. М. Чарнолуской «Взаимоотношения библиотеки и школы в Америке». Опыт первых детских библиотек, результаты изучения чтения детей были отражены в докладах М. В. Бередниковой, А. К. Покровской, Е. Г. Соловьевой, А. Е. Королькова.

Все участники съезда подчёркивали огромную роль библиотекаря как посредника между книгами и читателями, ставили вопросы изучения детской литературы, психологии детского чтения, создания справочного отдела по вопросам детской литературы и детского чтения.

Многочисленные представления о чтении, библиотечной деятельности как педагогической способствовали возникновению понятия «библиотечная педагогика». Ю. Н. Столяров отмечает: «Именно у нас ровно сто лет назад – в 1915 году – возникло само понятие “библиотечная педагогика” (его ввёл Б. П. Гушин в журнале “Библиотекарь” (№ 3–4) [8]). Об этом сказано и в фундаментальном справочном издании «Библиотечной энциклопедии».

Новый этап в развитии библиотечной педагогики наступил после Великой Октябрьской социалистической революции (1917). Педагогическая и библиотечная общественность в этот период совместно разрабатывала на новых методологических основах теорию и практику воспитания массового читателя. Организующими центрами стали созданные при Народном комиссариате просвещения РСФСР специ-

альные комиссии, первые опытные базы и научные учреждения.

В 1920 году был создан Институт детского чтения, важным направлением деятельности которого являлось изучение ребёнка как читателя в тесной связи с изучением детской книги. Исследователи собрали и обобщили богатейший материал из области духовной жизни детей. Они анализировали содержание чтения детей, детский спрос и отзывы на книги; изучали влияние иллюстраций, реакции детей на чтение вслух, детское творчество, связанное с книгой. Результаты исследований доводились до широкого круга библиотечарей. В журнале «Красный библиотечарь» были опубликованы статьи А. К. Покровской, П. А. Рубцовой, Т. А. Григорьевой. Обширный и уникальный материал, обобщающий данные изучения чтения читателей-подростков, представлен в книге П. А. Рубцовой «Что читают дети».

В 1930-е годы специалисты продолжали активно разрабатывать основы библиотечной педагогики. В 1936 году на Всесоюзном совещании по теоретическим вопросам библиотековедения и библиографии обсуждался вопрос: обслуживает ли библиотека читателей или руководит их чтением? А. Н. Ванеев отмечал, что «выдвижение такого вопроса свидетельствовало об узости взглядов некоторых библиотековедов на руководство чтением как идейно-политическую и государственную задачу [2, с. 82]». Е. А. Горш, критикуя подобную постановку вопроса, отстаивала точку зрения на руководство чтением как воспитательный процесс. Утвердилась точка зрения тех библиотековедов, которые рассматривали руководство чтением как систему работы с читателями в библиотеке, как педагогический процесс си-

стематического влияния на содержание и характер чтения, на самообразовательную работу читателей.

Большой вклад в развитие научной теории и методики руководства чтением детей внесли Н. К. Крупская (1869–1939), А. М. Горький (1868–1936), А. С. Макаренко (1888–1939). Их труды обогащали «библиотечарей и студентов знаниями в области педагогики детского чтения, методики работы с читателями и родителями, нацеливали на необходимость специальных исследований, направленных на изучение воспитательного влияния литературы на юных читателей [3, с. 93]».

Обширный комплекс проблем чтения учащихся разработал выдающийся педагог В. А. Сухомлинский (1918–1970). В его трудах «Сердце отдаю детям», «Рождение гражданина», «Павлышская средняя школа» и других ярко раскрыта роль чтения в умственном, нравственном, эстетическом развитии личности растущего человека. Педагог видел, что, наряду с книгой, существует много других источников информации. Но, по его глубокому убеждению, «ничто не заменит книги. С книги начинается само воспитание, индивидуальная духовная жизнь [9]». Чтение Сухомлинский называл самым прекрасным человеческим занятием. Обращаясь к педагогам, он дал важный методический совет: «Покажите детям красоту, мудрость, глубину мысли одной книги, но покажите так, чтобы каждый ребёнок навсегда полюбил чтение, был готов выйти в самостоятельное плавание по книжному морю [9, с. 85]».

На современном этапе большой вклад в разработку теории и методики детского и юношеского чтения, воспитания творческих читателей вносят В. Я. Аскарлова, Л. И. Беленькая, В. А. Бородина, Н. И. Ген-

дина, Н. П. Голубева, Н. Е. Добрынина, Т. Д. Жукова, Л. Я. Зиман, Г. А. Иванова, О. А. Кабачек, А. С. Матвеева, Ю. П. Мелентьева, И. Г. Минералова, Т. И. Михалева, И. М. Немчина, Е. В. Полевина, Т. Д. Полозова, Н. Н. Светловская, Н. Н. Сметанникова, А. В. Соколов, Ю. Н. Столяров, И. И. Тихомирова, В. П. Чудинова и другие. Труды названных авторов широко используются в библиотечно-педагогической деятельности, являются настольными книгами будущих педагогов-библиотекарей.

В центре внимания российских исследователей сегодня находятся различные аспекты библиотечно-информационной и педагогической деятельности библиотек в различных странах мира.

Наиболее полно они отражены в учебном пособии Г. А. Ивановой и В. П. Чудиновой «Библиотечно-информационное обслуживание детей за рубежом». Авторам пособия «представлялось наиболее целесообразным выйти за рамки непосредственной деятельности библиотек, обратившись к анализу происходящих изменений “социальной среды”, а затем к практике работы библиотек. В связи с этим был использован междисциплинарный подход: широко привлекались сведения из других областей знания (социологии чтения, книги, возрастной и педагогической психологии, зарубежных концепций образования и воспитания) [5, с. 16]».

Особо следует отметить труды И. И. Тихомировой – учёного, педагога, библиотековеда. Широко известны её многочисленные научные и научно-методические публикации по педагогике и психологии чтения. Так, в 2011 году в свет было выпущено пособие И. И. Тихомировой «Библиотечная педагогика, или Воспита-

ние книгой». Цель пособия – помочь детским и школьным библиотекарям «осознать свой педагогический потенциал и его уникальность, раскрыть сущность руководства чтением как ведущего педагогического звена библиотечной деятельности, показать его психологические основы и методические ресурсы, конкретизировать отдельные направления взаимодействия библиотекаря с читающими детьми на материале литературных произведений [10, с. 4]». Актуальным было издание в 2014 году пособия И. И. Тихомировой «Педагогическая деятельность школьного библиотекаря [11]». Данная книга – ответ на вызовы времени в одной из самых гуманитарных сфер деятельности – библиотечно-педагогической работе с детьми.

В 2016 году было выпущено в свет пособие «Психология чтения школьников», подготовленное И. И. Тихомировой совместно с автором данной статьи. В пособии во главу угла «поставлены отечественные традиции в понимании психологии чтения детей, направленные на воспитание и образование подрастающего поколения средствами книги и чтения [4, с. 8]».

Опираясь на труды современных исследователей, можно осознать «эволюцию российской библиосферы и направления развития инфосферы, оценить поучительный опыт их взаимодействия в культурном пространстве [7]»; увидеть сложность, многоаспектность чтения как явления культуры и как процесса развития личности. Можно проследить эволюцию чтения во времени и пространстве, изучить состояние и проблемы чтения в контексте развития новой электронной среды, получить представление о новых видах читательских практик, связанных с использованием компьютеров, Интернета, в том

числе блогосферы. Можно выявить влияние на чтение и читательские практики школьников руководителей детского чтения – родителей, педагогов, библиотекарей; познакомиться с состоянием чтения в разных странах.

Важно отметить, что разнообразные аспекты библиотечной педагогики нашли отражение и в учебной литературе. Устоявшимися в библиотековедении являются понятия «библиотечное обслуживание» и «руководство чтением». Именно под такими заглавиями издан ряд учебников. Напомним, что ещё в 1984/85 учебном году в МГИК был издан учебник А. Я. Айзенберга «Библиотечная педагогика», целью которого явилось развитие педагогического мышления у студентов. Состояние и перспективы педагогической деятельности библиотек отражены в учебном пособии В. И. Терешина «Педагогические аспекты деятельности советских библиотек» (МГИК, 1988).

В 2015 году в МГИК было выпущено в свет учебное пособие автора данной статьи «Библиотечная педагогика», в котором рассматриваются исторические, теоретические, методические и организационные аспекты библиотечной педагогики; раскрывается её современное состояние. На основе проводимых исследований обосновывается концепция библиотечной педагогики.

Отличительная особенность библиотечной педагогики заключается в том, что она осуществляется средствами инфор-

мационных ресурсов, сосредоточенных в фондах библиотеки и в электронной среде. В пособии рассмотрены виды и функции педагогической деятельности современного библиотекаря, методология и методы изучения читателей и детского и юношеского чтения, показаны особенности читателей разных возрастных групп, охарактеризованы методы индивидуальной, групповой и массовой работы с читателями, а также совместная деятельность библиотекарей, педагогов и родителей. В связи с введением должности «педагог-библиотекарь» рассмотрена система вузовской подготовки таких специалистов.

Положительно оценивая данное пособие, Ю. Н. Столяров справедливо отметил, что оно отражает только один срез библиотечной педагогики, но «педагогическая составляющая присутствует в деятельности библиотек, обслуживающих взрослое население [8, с. 48]». Характеризуя библиотеку как четырёхэлементную систему, учёный заметил, что педагогическая составляющая проявляется в каждом из элементов. Эта проблема, на наш взгляд, может стать самостоятельным научным исследованием.

Представления о генезисе библиотечной педагогики могут быть охарактеризованы как кумулятивные, то есть рассматривающие её становление и развитие как непрерывный процесс накопления знания, обогащения теории новыми представлениями о закономерностях и функциях библиотечно-педагогической деятельности.

Примечания

1. Антология педагогической мысли России XVIII в. / сост. И. А. Соловков. Москва : Педагогика, 1987. 558 с.
2. Ванев А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в России (1917–1959) : учебное пособие. Ленинград, 1976. 151 с.
3. Иванова Г. А. Библиотечная педагогика : учебное пособие. Москва : МГИК, 2015. 224 с.

4. Иванова Г. А., Тихомирова И. И. Психология чтения школьников : учебно-методическое пособие для педагогов-библиотекарей. Москва : РШБА, 2016. 328 с.
5. Иванова Г. А., Чудинова В. П. Библиотечно-информационное обслуживание детей и юношества за рубежом : учебное пособие. Москва : РШБА, 2012. 376 с.
6. Рубакин Н. А. Как заниматься самообразованием : сборник / сост. и вступ. статья Т. К. Крук. Москва : Советская Россия, 1962. 127 с.
7. Соколов А. В. Библиосфера и инфосфера в культурном пространстве России. Профессионально-мировоззренческое пособие. Москва : РШБА, 2016. 384 с.
8. Столяров Ю. Н. Достойный итог столетия библиотечной педагогики: об учебном пособии Г. А. Ивановой «Библиотечная педагогика» // Школьная библиотека. 2016. № 7. С. 44–48.
9. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. Киев : Рад. школа, 1981. 382 с.
10. Тихомирова И. И. Библиотечная педагогика, или Воспитание книгой: учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург : Профессия, 2011. 384 с.
11. Тихомирова И. И. Педагогическая деятельность школьного библиотекаря : учебно-методическое пособие. Москва : РШБА, 2014. 464 с.
12. Труды первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в Санкт-Петербурге с 1-го по 7-го июня 1911 г. : в 2 частях. Часть 1. Санкт-Петербург, 1912. 160 с.

References

1. Solovkov I. A., comp. *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii XVIII v. [Anthology of pedagogical thought of Russia 18th century]*. Moscow, Publishing House “Pedagogy”, 1987. 558 p.
2. Vaneev A. N. *Razvitie bibliotekovedcheskoi mysli v Rossii (1917–1959) [Development thought of library science in Russia (1917–1959)]*. Leningrad, 1976. 151 p.
3. Ivanova G. A. *Bibliotchnaya pedagogika [Library pedagogy]*. Moscow, 2015. 224 p.
4. Ivanova G. A., Tikhomirova I. I. *Psikhologiya chteniya shkol'nikov [Psychology of reading students]*. Moscow, Publishing house of Association of School Librarians of the Russian World (RSBBA), 2016. 328 p.
5. Ivanova G. A., Chudinova V. P. *Bibliotchno-informatsionnoe obsluzhivanie detei i yunoshstva za rubezhom [Library and information services for children and youth abroad]*. Moscow, Publishing house of Association of School Librarians of the Russian World (RSBBA), 2012. 376 p.
6. Rubakin N. A. *Kak zanimat'sya samoobrazovaniem [How to educate ourselves]*. Moscow, Publishing House “Sovetskaya Rossiya”, 1962. 127 p.
7. Sokolov A. V. *Bibliosfera i infosfera v kul'turnom prostranstve Rossii. Professional'no-mirovozzrencheskoe posobie [Bibliosphere and the InfoSphere in the cultural space of Russia. Vocational and ideological benefits]*. Moscow, Publishing house of Association of School Librarians of the Russian World (RSBBA), 2016. 384 p.
8. Stolyarov Yu. N. Dostoinyi itog stoletiya bibliotchnoi pedagogiki: ob uchebnom posobii G. A. Ivanovoi “Bibliotchnaya pedagogika” [Worthy result of century of library pedagogics: about the manual of G. A. Ivanova “Library pedagogics”]. *School library*. 2016, no. 7, pp. 44–48.
9. Sukhomlinsky V. A. *Serditse otdayu detyam [I give my Heart to children]*. Kiev, 1981. 82 p.
10. Tikhomirova I. I. *Bibliotchnaya pedagogika, ili Vospitanie knigoi [Library pedagogy or Education book]*. St. Petersburg, “Professija” Publishing House, 2001. 384 p.
11. Tikhomirova I. I. *Pedagogicheskaya deyatelnost' shkol'nogo bibliotekarya [Pedagogical activity of the school librarian]*. Moscow, Publishing house of Association of School Librarians of the Russian World (RSBBA), 2014. 464 p.
12. *Proceedings of the first all-Russian Congress on librarianship, held in St. Petersburg from 1 to 7 June 1911. V 2 parts. Part 1*. St. Petersburg, 1912. 160 p. (In Russian)

П РОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ПРОФИЛИЗАЦИИ

УДК 02:378

В. К. К л ю е в

Московский государственный институт культуры

В статье представлена психолого-педагогическая составляющая вузовской подготовки библиотечно-информационных кадров. Дан содержательный анализ общепрофессиональных и профессиональных компетенций выпускников бакалавриата и магистратуры по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» в части психолого-педагогической и преподавательской функциональной направленности обучения. Рассмотрены блоки психолого-педагогических дисциплин базовой и вариативной частей компетентностно-ориентированных учебных планов, формирующие профильные компетенции бакалавров и магистров. Подчеркнута актуальность формирования профессиональных психолого-педагогических компетенций в рамках освоения профильных магистерских программ, в том числе в рамках сетевой программы Московского государственного института культуры совместно с Российской государственной детской библиотекой «Теория и методология библиотечного обслуживания детей».

Ключевые слова: высшее образование, образовательный стандарт, компетенции, бакалавриат, магистратура, библиотечно-информационная деятельность, психолого-педагогические компетенции.

V. K. K l y u e v

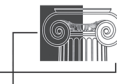
Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotekhnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

PROFESSIONAL TEACHER TRAINING STUDENTS IN “LIBRARY AND INFORMATION ACTIVITIES”: COMPETENCE APPROACH TO PROFILING

The article presents a psycho-pedagogical component of University education of library and information personnel. Given the analysis of the content of General and professional competencies of ba-

КЛЮЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления информационно-библиотечной деятельностью Московского государственного института культуры, председатель Учебно-методического совета вузов России по библиотечно-информационному образованию, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

KLYUEV VLADIMIR KONSTANTINOVICH – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Professor, Head of Department of management of library and information activities, Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Training Council of Russian universities for Library and Information Education, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation

chelors and masters on direction “Library and information work” in terms of psycho-pedagogical and teaching functional orientation of education. Considered blocks of psycho-pedagogical disciplines of the basic and optional parts competenceoriented curriculum forming the core competence of bachelors and masters. Underlined the urgency of formation of professional pedagogical and psychological competences within development of specialized master’s programs, including in the framework of the network program of the Moscow State Institute of Culture with the Russian State Children’s Library “Theory and methodology of library services to children”.

Keywords: higher education, educational standards, competence, undergraduate, graduate, library and information work, psychological and pedagogical competences.

Для цитирования: Клюев В. К. Профессиональная педагогическая подготовка студентов, обучающихся по направлению «Библиотечно-информационная деятельность»: компетентностный подход к профилизации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 142–151.

В Примерных основных образовательных программах по направлению «Библиотечно-информационная деятельность», разработанных на базе Федеральных образовательных стандартов (ФГОСов) третьего поколения, рекомендованы следующие профили с педагогической составляющей: в бакалавриате – «Библиотечно-информационная работа с детьми и юношеством», а в магистратуре – «Социология и психология библиотечно-информационного обслуживания: теория и методология», «Теория и методология библиотечно-педагогической деятельности» / «Теория и методология библиотечно-информационного обслуживания детей и юношества» [10, 11].

Действующими ФГОСами [13, 14] разрешены инициативные профили, поэтому подготовку студентов можно осуществлять по особым профессиональным образовательным программам, по таким, например, как «Коммуникативная деятельность общедоступных и школьных библиотек» (СПбГИК), «Библиотечно-педагогическое сопровождение школьного образования» (были экспериментальные группы на заочных отделениях КемГИК и ЧелГИК) – в бакалавриате; «Теория и ме-

тодология библиотечного обслуживания детей» (сетевой проект МГИК и РГДБ) – в магистратуре.

В то же время психолого-педагогическая составляющая присутствует во всех образовательных программах обучения, включая общие и технологические профили, поскольку в формулировках областей профессиональной деятельности, предусмотренных ФГОСами ВО 3+, для бакалавров, среди другого, зафиксирована библиотечно-информационная деятельность по формированию информационной культуры общества и развитию социокультурных коммуникаций – для всех выпускников отраслевого бакалавриата, а научно-исследовательская и теоретико-методологическая деятельность по использованию библиотечно-информационных коммуникаций, развитию информационной культуры общества – для дипломированных отраслевых магистров [13, 14].

Результаты освоения студентами образовательных программ бакалавриата и магистратуры оцениваются сформированностью конкретных универсальных / общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, базирующихся на полученных в вузе знаниях,

умениях и навыках [2]. Обозначим дефиниции некоторых ключевых понятий.

Под *компетенцией* (от лат. *competere* – ‘соответствовать, подходить’) понимается способность применять знания, умения, успешно действовать на основе практического опыта при решении задач общего рода, а также в определённой профессиональной области. Иными словами, компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определённому кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности. В свою очередь, термин «*компетентность*» характеризует владение, обладание человеком соответствующей компетенцией и её применение (использование) в жизни и/или в профессиональной деятельности. Выделяют три ключевых группы компетентностей: компетентности, относящиеся к самому себе как личности, как субъекту жизнедеятельности; компетентности, относящиеся к взаимодействию человека с другими людьми; компетентности, относящиеся к деятельности человека.

В процессе обучения в бакалавриате по направлению «Библиотечно-информационная деятельность», наряду с иными, формируются такие зафиксированные ФГОСом ВО-3+ общепрофессиональные компетенции (ОПК), как готовность выстраивать эффективные внутриорганизационные коммуникации (ОПК-4) и способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры (ОПК-6).

В свою очередь, соответствующие общепрофессиональные компетенции у ма-

гистров библиотечно-информационной деятельности любого профиля объективированы в образовательном стандарте следующим образом: способность к развитию организационной культуры и системы корпоративных коммуникаций (ОПК-2) и способность к педагогической деятельности в сфере профессионального образования (ОПК-6).

В реализуемом сейчас Федеральном образовательном стандарте высшего образования по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» в качестве возможного вида профессиональной деятельности выпускника программы бакалавриата предусмотрена психолого-педагогическая [13]. Она обеспечивается целевым формированием девяти профессиональных компетенций (ПК):

- способность к эффективному библиотечному общению с пользователями (ПК-24);
- готовность к организации воспитательно-образовательной работы средствами библиотеки (ПК-25);
- готовность к использованию психолого-педагогических подходов и методов в библиотечно-информационном обслуживании различных групп пользователей (ПК-26);
- готовность к формированию информационной культуры пользователей библиотеки (ПК-27);
- готовность к реализации библиотечных программ в соответствии с приоритетами государственной культурной политики (ПК-28);
- способность к реализации образовательных и культурно-просветительских программ для населения (ПК-29);
- способность к созданию благоприятной культурно-досуговой среды (ПК-30);

- готовность к реализации инновационных процессов в социокультурной сфере (ПК-31).

Перечисленные компетенции должны обеспечить отраслевым бакалаврам соответствующей образовательной программы знания, умения и навыки для решения следующих профессиональных задач:

- применение педагогической теории и методики для решения информационно-образовательных задач в библиотеках;

- участие в процессах социализации личности;

- использование психолого-педагогических методик в продвижении и развитии чтения, формировании информационной культуры личности;

- содействие образовательной деятельности;

- реализация психолого-педагогических подходов в библиотечно-информационном обслуживании различных категорий пользователей;

- участие в реализации библиотечных программ в соответствии с приоритетами государственной культурной политики;

- участие в разработке и реализации образовательных и социокультурных программ для населения;

- создание благоприятной культурно-досуговой среды;

- стимулирование инновационных процессов в социокультурной сфере.

Профессиональные же компетенции выпускников магистратуры по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» в части психолого-педагогической и преподавательской функциональной направленности ФГОСом ВО-3+ [14] зафиксированы в таком варианте:

- готовность к разработке и реализации проектов и программ образователь-

ной и социокультурной деятельности библиотеки (ПК-13);

- способность к организации психологически комфортной библиотечной среды (ПК-14);

- готовность к применению психолого-педагогических приёмов и методов управления персоналом библиотечно-информационных учреждений (ПК-15);

- способность к разработке проектов по развитию системы непрерывного профессионального образования (ПК-16);

- готовность к использованию инновационных педагогических технологий (ПК-17).

Собственно профессиональные психолого-педагогические задачи профессиональной деятельности выпускников профильной магистратуры обозначены глобальными формулировками:

- исследование психолого-педагогических методик и их адаптация к библиотечно-информационной деятельности;

- педагогическая деятельность и учебно-методическое обеспечение системы непрерывного профессионального образования в сфере библиотечно-информационной деятельности, разработка новых образовательных технологий.

Профильные компетенции бакалавров формируют дисциплины базовой (такие, как «Психология», «Педагогика», «Библиотечно-информационное обслуживание», «Менеджмент библиотечно-информационной деятельности» и «Маркетинг библиотечно-информационной деятельности») и вариативной (в МГИКе – «Социология и психология чтения», «Литература для детей и юношества», «Библиотечная педагогика» и «Инновационная и методическая деятельность библиотеки») частей компетентностно-ориентирован-

ного учебного плана. Важную роль играют дисциплины по выбору (элективные курсы), например, «Формирование и развитие профессионального сознания библиотечного специалиста», «Культура делового общения в библиотеке», «Психология управления библиотечно-информационной деятельностью», «Организация и методика культурно-досуговой деятельности», «Управление персоналом библиотеки», «Практический фандрейзинг в библиотеке», «Краудфандинг и краудсорсинг в практике библиотеки», «Культура чтения в реальной и электронной средах», «Реклама и PR в библиотеке», «Возрастная психология в практике библиотеки» [более подробно см.: 5].

В базовой части образовательной программы отраслевой магистерской подготовки представлены такие психолого-педагогические дисциплины, как «Педагогика высшей школы», «Методика преподавания специальных дисциплин», «Теория и методология социокультурного проектирования» и «Библиотечная профессиональная психология». Дисциплины с психолого-педагогической составляющей вариативной части обучения магистров, особенно акцентирующие курсы по выбору, чётко профилированы под конкретную программу.

Так, успешно реализуемая в МГИК и близкая мне по посылу Основная профессиональная образовательная программа «Теория и методология управления библиотечно-информационной деятельностью» [9] в качестве дисциплин вариативного цикла предусматривает «Управленческую психологию», «Маркетинг некоммерческих организаций», «Корпоративный менеджмент в библиотечно-информационной деятельности» и «Кадровый менеджмент в библиотеке», а среди

элективных курсов – «Персональный менеджмент», «Инновационный менеджмент», «Внутренний маркетинг в библиотеке», «Профессионализм руководителя библиотеки», «Социальное партнёрство с участием библиотеки» и «Мотивационный менеджмент в управлении персоналом библиотеки» [подробнее см.: 4].

Безусловно, наиболее предметно формирование профессиональных психолого-педагогических компетенций осуществляется в рамках освоения профильных магистерских программ. В рамках реализуемой в МГИК магистерской программы «Теория и методология библиотечно-педагогической деятельности» [8] студенты по выбору изучают курсы «Педагогика детского и юношеского чтения», «Теория и методика библиотечно-педагогического просвещения родителей», «Формирование информационной культуры учащихся», «Теория и методика художественно-эстетического воспитания детей», «Коррекционно-воспитательная работа в детской библиотеке», «Методология и методика исследований в области детского и юношеского чтения». Имеющая выраженную прикладную ориентацию сетевая магистерская программа МГИКа, разработанная совместно с РГДБ, – «Теория и методология библиотечного обслуживания детей»¹ предполагает альтернативное освоение элективных курсов «Проектная деятельность библиотек, обслуживающих детей», «Формирование информационной культуры детей и подростков», «Работа библиотеки по творческому развитию читателя», «Специфика библиотечного обслуживания детей с особыми потребностями», «Современные технологии

¹ См. подробнее: <http://uc.rgdb.ru/294-zaklyuchitelnaya-sessiya-magistrantov-mgik-rgdb>

создания пространства библиотеки, обслуживающей детей», «Развитие профессионально-личностных качеств библиотекаря».

Особо выделим значимые для учебно-методического обеспечения формирования психолого-педагогических компетенций у отраслевых бакалавров и магистров вышедшие в свет за последние годы книжные издания: «Библиопсихология. Библиопедагогика. Библиотерапия» (Москва: РШБА, 2014), «Библиотечная педагогика» (Г. А. Иванова; Москва: МГИК, 2015), «Библиотечная педагогика, или Воспитание книгой» (И. И. Тихомирова; Санкт-Петербург: Профессия, 2011), «Психология чтения школьников» (И. И. Тихомирова, Г. А. Иванова; Москва: РШБА, 2016), «Педагогическая деятельность школьного библиотекаря» (И. И. Тихомирова; Москва: РШБА, 2014), «Библиотечно-информационное обслуживание детей и юношества за рубежом» (Г. А. Иванова, В. П. Чудинова; Москва: РШБА, 2012).

В ближайшей перспективе намечается переход на модернизированные Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования – 3++, учитывающие нормативные положения соответствующих профессиональных стандартов [подробнее см.: 3, 7]. К сожалению, проект Профессионального стандарта «Специалист в области библиотечно-информационной деятельности», представленный в Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации ещё в 2014 году [6], пока не утверждён и не имеет статуса нормативного документа. Поэтому находящиеся в заключительной стадии разработки ФГОСы ВО-3++ по отраслевым бакалавриату и магистратуре вынуждены опираться на введённые в дей-

ствии смежные (т.н. сопрягаемые) профессиональные стандарты, в том числе для бакалавров – на профстандарт «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» (2015), а для магистрантов – на профстандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» (2015). В январе 2017 года Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации был принят актуальный для подготовки библиотечных кадров профессиональный стандарт «Специалист в области воспитания», который, наряду с должностями социального педагога, педагога-организатора и другими, предусматривает должность педагога-библиотекаря (в рамках обобщённой трудовой функции «Библиотечно-педагогическая деятельность в образовательной организации общего образования») [12, с. 29–35].

Среди профессиональных задач, отражённых в проекте ФГОСа ВО-3++ бакалавриата по направлению «Библиотечно-информационная деятельность», выделены такие типы психолого-педагогических задач:

- применение адаптированных психолого-педагогических методик в библиотечном обслуживании различных категорий пользователей и формировании их книжной и медийной культуры;
- содействие самообразованию и участие в процессах социализации личности средствами библиотеки;
- участие в разработке и реализации библиотечных культурно-просветительских и досуговых мероприятий для населения.

Для магистратуры аналогичный тип задач представлен в проекте модернизи-

рованного Федерального государственного образовательного стандарта следующим образом:

- изучение психолого-педагогических методик и их адаптация к библиотечно-информационной деятельности;
- создание доступной образовательной и культурно-досуговой среды библиотеки;
- организация библиотечного обслуживания различных категорий пользователей с учётом возрастной психологии и педагогики;
- педагогическая деятельность и учебно-методическое обеспечение системы непрерывного профессионального образования в сфере библиотечно-информационной деятельности.

В качестве общепрофессиональных компетенций предложены комплексно сформулированные унифицированные позиции, ориентированные на укрупнённую группу направлений и специальностей «Культуроведение и социокультурные проекты» [1], в которой находится наше направление вузовской подготовки. Именно они закладывают основы, позволяющие выпускнику выполнять трудовые действия в рамках обобщённых трудовых функций базового уровня квалификации, закреплённые в профстандартах. Для бакалаврского уровня психолого-педагогический аспект обучения ориентирован на две общепрофессиональные компетенции:

- способен применять полученные знания в области культуроведения и социокультурного проектирования в профессиональной деятельности и социальной практики (ОПК-1);
- способен понимать и готов следовать требованиям профессиональных стандартов и нормам профессиональной этики (ОПК-4).

В рамках магистерской программы подготовки предполагается сформировать у студентов такие серьёзные общепрофессиональные компетенции, аккумулирующие психолого-педагогические знания, умения и навыки, как:

- готовность использовать на практике умения и навыки организации исследовательских и проектных работ в области культуроведения и социокультурного проектирования (ОПК-1);
- способность к педагогической деятельности в сфере профессионального образования (ОПК-2);
- готовность руководить коллективом в сфере профессиональной и педагогической деятельности на основе норм социальной и этической ответственности (ОПК-3).

Что касается собственно профессиональных компетенций, то будущие образовательные стандарты вводят норму, согласно которой их перечень вузы станут устанавливать самостоятельно, исходя из профиля реализуемых программ, руководствуясь Примерной основной профессиональной образовательной программой и на основе содержания обобщённых трудовых функций из соответствующих профессиональных стандартов, а также учитывая требования рынка труда и мнение ведущих работодателей отрасли.

Таким образом, проектируемые модернизированные ФГОСы ВО-3++ по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» (уровни бакалавриат и магистратура) обеспечат соотношение профессиональных задач и общепрофессиональных компетенций (в том числе психолого-педагогических) с действующими смежными профессиональными стандартами и проектом базового Профессионального стандарта «Специалист в обла-

сти библиотечно-информационной деятельности», укрупнены, сопряжены и дифференцированы по уровням образования, обеспечена преемственность их формирования.

В заключение подчеркнём непреходящую значимость наличия у дипломированных бакалавров и магистров библиотечно-информационной деятельности психолого-педагогических компетенций, поскольку современная библиотека объ-

ективно выступает социальным модератором людей в течение всей их жизни: от младенчества до старости. Именно библиотека формирует у человека комплекс личностно значимых компетенций, включающий языковую, читательскую, медийную, поисковую, коммуникативную и культурную. Это накладывает ответственность на сотрудников библиотек и предъявляет соответствующие требования к их психолого-педагогической подготовке.

Примечания

1. *Иванова Г. А.* Библиотечно-информационная деятельность в культуре современной России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 5. С. 156–160.
2. *Клюев В. К.* Новые реалии и перспективы высшего библиотечно-информационного образования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 1 (17). С. 79–85.
3. *Клюев В. К.* Обучение библиотечно-информационных специалистов: что есть и что будет // Библиография и книговедение. 2016. № 4 (405). С. 93–96.
4. *Клюев В. К., Ивина К. В.* Организационно-содержательные аспекты развития магистратуры по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 3 (71). С. 174–182.
5. *Клюев В. К.* Проектирование управленческой подготовки бакалавров библиотечно-информационной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3 (41). С. 205–212.
6. *Клюев В. К.* Профессиональный стандарт и перспективы обучения бакалавров // Независимый библиотечный адвокат. 2013. № 2. С. 9–16.
7. *Клюев В. К.* Тренд современного библиотечного образования: стандартизация и реальность // Университетская книга. 2017. № 1 (январь-февраль). С. 46–49.
8. Основная профессиональная образовательная программа высшего образования. Направление подготовки 51.04.06 Библиотечно-информационная деятельность. Программа подготовки «Теория и методология библиотечно-педагогической деятельности». Квалификация (степень) – магистр [Электронный ресурс]. URL: http://files.mgik.org/oor/2015/510406/OOP_510406_25.01.16.pdf (дата обращения: 08.02.2017).
9. Основная профессиональная образовательная программа высшего образования. Направление подготовки 51.04.06 Библиотечно-информационная деятельность. Программа подготовки «Теория и методология управления библиотечно-информационной деятельностью». Квалификация (степень) – магистр [Электронный ресурс]. URL: http://files.mgik.org/oor/2015/510406/OOP_510406_25.01.16.pdf (дата обращения: 08.02.2017).
10. Примерная основная образовательная программа высшего профессионального образования. Направление подготовки 071900 «Библиотечно-информационная деятельность». Квалификация (степень) выпускника – бакалавр [Электронный ресурс]. URL: http://www.tumgik.ru/images/files/071900_62.PDF (дата обращения: 08.02.2017).
11. Примерная основная образовательная программа высшего профессионального обра-

зования. Направление подготовки 071900 «Библиотечно-информационная деятельность». Квалификация (степень) выпускника – магистр [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/roops/2/35/20110427122647.pdf> (дата обращения: 08.02.2017).

12. Профессиональный стандарт «Специалист в области воспитания» : утверждён Министерством труда и социальной защиты РФ 10.01.2017 г. № 10н. Регистрационный номер 571. [Электронный ресурс]. URL: <http://edu53.ru/np-includes/upload/2017/02/01/11191.pdf> (дата обращения: 08.02.2017).

13. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 51.03.06 Библиотечно-информационная деятельность (уровень бакалавриата) : утверждён приказом Министерства образования и науки РФ 11.08.2016. № 1001 [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/510306> (дата обращения: 08.02.2017).

14. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 51.04.06 Библиотечно-информационная деятельность (уровень магистратуры) : утверждён приказом Министерства образования и науки РФ 14.12.2015. № 1468 [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/510406> (дата обращения: 08.02.2017).

References

1. Ivanova G. A. Library and information activities in modern Russia culture. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2013, No. 5 (55), pp. 156–160.
2. Klyuev V. K. New realities and prospects of the higher library and information education. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2015, No. 1 (17), pp. 79–85. (In Russian)
3. Klyuev V. K. Obuchenie bibliotечно-informatsionnykh spetsialistov: chto est' i chto budet [Education of library and information professionals: present and future]. *Bibliography and bibliography*. 2016, no. 4 (405), pp. 93–96.
4. Klyuev V. K., Ivina K. V. Organizational aspects of content development of master degree in direction “Library and Information Activities”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 3 (71), pp. 174–182. (In Russian)
5. Klyuev V. K. Proektirovanie upravlencheskoi podgotovki bakalavrov bibliotечно-informatsionnoi deyatelnosti [Design management bachelor of library and information activity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2011, No. 3 (41), pp. 205–212.
6. Klyuev V. K. Professional'nyi standart i perspektivy obucheniya bakalavrov [Professional standard and prospects of training of bachelors]. *Nezavisimyi bibliotечnyi advokat [Independent library lawyer]*. 2013, no. 2, pp. 9–16.
7. Klyuev V. K. Trend sovremennogo bibliotечноgo obrazovaniya: standartizatsiya i real'nost' [Trend in contemporary library education: standardization and reality]. *University Book*. 2017, no. 1, pp. 46–49.
8. Osnovnaya professional'naya obrazovatel'naya programma vysshego obrazovaniya. Napravlenie podgotovki 51.04.06 Bibliotечно-informatsionnaya deyatelnost'. Programma podgotovki “Teoriya i metodologiya bibliotечно-pedagogicheskoi deyatelnosti”. Kvalifikatsiya (stepen') – magistr [Main professional educational program of the higher education. Direction of preparation 51.04.06 Library information activities. Program of preparation “Theory and methodology of library and pedagogical activity”. Qualification (degree) – the master]. Available at: http://files.mgik.org/ooop/2015/510406/OOP_510406_25.01.16.pdf (accessed: 08.02.2017).
9. Osnovnaya professional'naya obrazovatel'naya programma vysshego obrazovaniya. Napravlenie

podgotovki 51.04.06 Bibliotечно-informatsionnaya deyatel'nost'. Programma podgotovki "Teoriya i metodologiya upravleniya bibliotечно-informatsionnoi deyatel'nostyu". Kvalifikatsiya (stepen') – magistr [Main professional educational program of the higher education. Direction of preparation 51.04.06 Library information activities. Program of preparation "Theory and methodology of management of library information activities". Qualification (degree) – the master]. Available at: http://files.mgik.org/oop/2015/510406/OOP_510406_25.01.16.pdf (accessed: 08.02.2017).

10. Primernaya osnovnaya obrazovatel'naya programma vysshego professional'nogo obrazovaniya. Napravlenie podgotovki 071900 "Bibliotечно-informatsionnaya deiatel'nost'". Kvalifikatsiya (stepen') vypusknika – bakalavr [Approximate main educational program of higher education. Direction of preparation 071900 "Library information activities". Qualification (degree) of the graduate – the bachelor]. Available at: http://www.tumgik.ru/images/files/071900_62.PDF (accessed: 08.02.2017).

11. Primernaya osnovnaya obrazovatel'naya programma vysshego professional'nogo obrazovaniya. Napravlenie podgotovki 071900 "Bibliotечно-informatsionnaya deyatel'nost'". Kvalifikatsiya (stepen') vypusknika – magistr [Approximate main educational program of higher education. Direction of preparation 071900 "Library information activities". Qualification (degree) of the graduate – the master]. Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/poops/2/35/20110427122647.pdf> (accessed: 08.02.2017).

12. Professional'nyi standart "Spetsialist v oblasti vospitaniya": Utverzhden Ministerstvom truda i sotsial'noi zashchity RF 10.01.2017 g. № 10n. Registratsionnyi nomer 571 [Professional standard "The Expert in the field of Education": No. 10n is approved by the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation 1/10/2017. Registration number 571]. Available at: <http://edu53.ru/np-includes/upload/2017/02/01/11191.pdf> (accessed: 08.02.2017).

13. Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 51.03.06 Bibliotечно-informatsionnaia deyatel'nost' (uroven' bakalavriata): utverzhden prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF 11.08.2016. № 1001 [The federal state educational standard of the higher education in the direction of preparation 51.03.06 Library information activities (bachelor degree level): it is approved by the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation 8/11/2016. No. 1001]. Available at: <http://fgosvo.ru/510306> (accessed: 08.02.2017).

14. Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 51.04.06 Bibliotечно-informatsionnaya deyatel'nost' (uroven' magistratury): utverzhden prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF 14.12.2015. № 1468 [The federal state educational standard of the higher education in the direction of preparation 51.04.06 Library information activities (magistracy level): it is approved by the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation 12/14/2015. No. 1468]. Available at: <http://fgosvo.ru/510406> (accessed: 08.02.2017).

*

ФОРМИРОВАНИЕ У ШКОЛЬНИКОВ ИНТЕРЕСА К ЧТЕНИЮ КЛАССИЧЕСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

УДК 028.5

Т. Ю. Конькова

Московский государственный институт культуры

В статье развитие интереса к чтению, приобщение детей к чтению представлены как научно-педагогическая проблема. Рассмотрены формы и методы работы с детьми в процессе приобщения детей к чтению классической литературы. Раскрыты возможности библиотек по формированию интереса учащихся к классике через организацию и проведение в библиотеке различных мероприятий, роль книги в усвоении учебного материала, активизации познавательной деятельности детей, их нравственном развитии.

Ключевые слова: читательский интерес, книга, ученик, педагог-библиотекарь, чтение, художественная литература.

T. Yu. Konkova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE FORMATION OF STUDENTS' INTEREST IN READING CLASSICAL LITERATURE AS A SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL PROBLEM

In the article the development of interest in reading, the introduction of children to reading are presented as a scientific and pedagogical problem. The forms and methods of working with children in the process of familiarizing children with reading classical literature are considered. The possibilities of libraries to form students' interest in classics through organizing and holding various events in the library, the role of the book in mastering the educational material, activating the cognitive activity of children, and their moral development are revealed.

Keywords: reading interest, book, pupil, teacher-librarian, reading, fiction.

Для цитирования: Конькова Т. Ю. Формирование у школьников интереса к чтению классической художественной литературы как научно-педагогическая проблема // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 152–158.

КОНЬКОВА ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА – аспирантка кафедры управления информационно-библиотечной деятельностью Московского государственного института культуры

KONKOVA TATYANA YURYEVNA – doctoral student of the Department of management of library and information activities, Faculty of humanities and social studies, Moscow State Institute of Culture

e-mail: biblioteka1965@mail.ru

© Конькова Т. Ю., 2017

Снижение интереса к чтению – это общемировая негативная тенденция, опасность которой заключается в постепенной утрате подрастающими поколениями духовных оснований своей жизни.

Во многих странах предпринимаются активные попытки этому противодействовать, исходя из понимания роли чтения для развития любой страны. В «Манифесте школьных библиотек ИФЛА / ЮНЕСКО» отмечена «необходимость развивать и поддерживать в детях привычку и радость чтения и учения, а также потребность пользоваться библиотекой в течение жизни [6, с. 29]».

В современной концепции школьных библиотек [5], разработанной Русской школьной библиотечной ассоциацией, отмечается значимость приобщения к чтению как основному виду познавательной деятельности и форме проведения досуга, интеграции педагогического коллектива и родительского сообщества в воспитании и закреплении у школьников потребности и привычки к чтению.

Россия не раз переживала радикальные изменения традиционных культурных устоев и всегда черпала силы в возвращении к своим духовным и историческим ценностям. Русская классическая литература, эталонный русский язык всегда были и остаются основами этих ценностей. Они необходимы, чтобы люди понимали друг друга не только на уровне простейшей коммуникации и сиюминутных потребностей. Это – связь с историей и культурой народа и сопричастность судьбе Отечества, то, что объединяет людей в нацию. Необходимо сделать всё, чтобы знание классической и современной литературы, грамотная речь стали неотъемлемой частью жизни страны, по сути – правилом

хорошего тона. Надо добиться того, чтобы это стало модным, чтобы об их сохранении и развитии заботилось всё наше общество.

Народная мудрость гласит: «Ребёнок, что расплавленный свинец: ему можно придать любую форму», и здесь большую роль может сыграть интерес к художественной литературе, вызванный и поддержанный грамотными специалистами. Ещё в трудах писателей, критиков, педагогов XIX века содержится множество идей, суждений по вопросам детского и юношеского чтения, которые «в своей совокупности составляют педагогическую систему взглядов на профессиональную деятельность организаторов чтения детей и юношества [3, с. 76]».

А. М. Горький, который считался покровителем русской детской литературы, составлял систематизированные списки книг для прочтения, делал к ним короткие пояснения. Так, он указывает названия богатырских эпосов, сказок, литературных произведений А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко, В. Бианки, С. Я. Маршака, К. И. Чуковского, Г. Х. Андерсена, М. Твена, Э. Сетон-Томпсона и многих других авторов.

На современном этапе к числу разработчиков теории и методики детского и юношеского чтения, воспитания творческих читателей можно отнести В. Я. Аскарову, В. А. Бородину, Н. И. Гендину, Н. Л. Голубеву, Н. Е. Добрынину, Т. Д. Жукову, Г. А. Иванову, Э. И. Иванову, Т. Д. Полозову, Ю. Н. Столярова, И. И. Тихомирову, В. П. Чудинову и других. Труды названных авторов используются библиотеками-практиками.

Актуальными становятся исследования, направленные на поиск механизмов и закономерностей читательской дея-

тельности, эффективных путей и способов приобщения юного поколения к лучшим произведениям отечественной и мировой литературы в принципиально новых условиях, когда перестраивается и усложняется вся система коммуникаций, активно используются электронные источники информации.

И. И. Тихомирова отмечает, что современный кризис детского чтения состоит не в том, что дети перестали читать, а в том, что у них не развит или утрачен к этой сфере занятий интерес: «по большому счету интерес, как сила, влекущая к чтению, это центральное звено, потянув за которое можно вытянуть всю цепь решения проблемы, именуемой “кризис общения” [4, с. 72]».

Актуальной научно-педагогической проблемой является формирование читательских интересов школьников.

Интерес определяется как «потребностное отношение или мотивационное состояние, побуждающее к познавательной деятельности, развертывающейся преимущественно во внутреннем плане [2]». «Специфика читательского интереса состоит в избирательном положительном отношении школьника к чтению с листа или с экрана, приобретающему для него значимость и эмоциональную привлекательность в меру соответствия его духовным потребностям и особенностям его читательской психологии [4, с. 72]». Трудно переоценить всю ответственность и серьёзность методических поисков, которые приводят к открытию эффектов, путей и средств формирования читательских интересов учащихся.

Общеизвестно, что детей к чтению приобщают семья и школа. Важно отметить, что каждый из этих институтов по-

ложительно влияет на воспитание любви к книге, используя разнообразные методы в процессе педагогической деятельности.

Личность ребёнка формируется в процессе чтения. Начиная с самого раннего возраста, когда ребёнок ещё не умеет говорить, родители читают ему короткие стихи или сказки, показывая красочные иллюстрации. Именно в это время в душе ребёнка зарождаются те светлые чувства, что остаются на всю жизнь: доброта, сострадание, любовь к близким, к Родине. Поэтому большое значение в формировании интереса детей и подростков к чтению имеет семья. Семья, как особый социальный институт, вводит ребёнка в мир литературной культуры. Систематически читая дома книги детям, родители, сами того не подозревая, прививают с самого раннего возраста вкус к прекрасному. У таких детей развиваются воображение, мышление, речь, память, а ведь это – основа хорошей учёбы в школе. Сегодня задача библиотекарей – развить эти качества у читателей. Средствами самой книги, различными формами индивидуальных, групповых, массовых мероприятий библиотекари способны пробудить в ребёнке интерес к чтению, раскрыть значимость и уникальную ценность чтения для всестороннего развития личности ребёнка.

Большую роль в становлении творческой личности читателя играют школьные библиотеки. Именно они прививают ребёнку любовь к книге, воспитывают бережное отношение к ней, развивают литературно-творческие способности, благодаря им у учащихся формируется читательский интерес.

Что касается творческой деятельности учащихся, то она реализуется в младшем возрасте в виде рисунков, стихов,

песен, ролевых игр. В старшем школьном возрасте школьники приобщаются к проектной и исследовательской деятельности. К творческой деятельности относится и воспитание культуры, и развивающее метафорическое мышление. О необходимости развития творческого начала с детства говорят многие педагоги. Речь идёт о реализации творческого потенциала каждого ребёнка.

Проблема воспитания интереса к классической литературе нашла отражение в трудах И. И. Тихомировой [8].

Из библиотечных методов, расширяющих диапазон знаний школьников, И. И. Тихомирова выделяет организацию библиотечной среды, в которой представлена вся мировая культура в её системной классификации. Систематизированные книжные фонды библиотеки, объединённые в информационно-коммуникативное пространство, создают у школьника – посетителя библиотеки – наглядный универсальный образ знаний. Раскрывая эти богатства через книжные выставки, тематические обзоры, устные формы информирования, экскурсии по библиотеке и другие средства приобщения к знаниям, в число которых входит и Интернет, библиотека раздвигает границы чтения школьников, побуждает их к выбору собственного пути в мире знаний. Важнейший канал получения детьми знаний – научно-популярная литература, справочные издания и энциклопедии. Приобщая детей к ним, библиотекарь развивает познавательные интересы школьников, обогащает запас знаний, вписывает их в общую структуру когнитивного познания.

В процессе реализации образовательной функции появляются возможности по формированию интереса к классике.

Образовательная функция школьного библиотекаря в последние годы приобрела характер информационной деятельности, раскрывающей детям доступ ко всем богатствам знаний, как поддерживающих школьные программы, так и выходящих за их рамки.

Школьному библиотекарю как педагогу свойственна и обучающая функция – передача библиотечных техник (правил, алгоритмов, методов, способов) с профессионального уровня на непрофессиональный уровень.

Наличие в библиотечных фондах запасов отечественной и мировой художественной литературы позволяет библиотеке использовать её возможности в воспитательных целях. Библиотеки проводят чтения литературных произведений, беседы, обсуждения, читательские конференции, в ходе которых побуждают читателей к размышлению о связи прочитанных книг с их жизненным опытом, стимулируют написание читательских отзывов. Для развития интереса и желания ходить в библиотеку используют всевозможные методы и формы библиотечной деятельности: литературные обзоры, обзоры у выставок, беседы, экскурсии, игры, литературно-музыкальные композиции, тематические и литературные вечера, презентации книг. Как правило, они дополняются просмотром презентаций, видеофильмов. Все мероприятия в обязательном порядке сопровождаются книжными выставками, краткими обзорами, а также рекомендательными беседами. Создавая программы развивающего чтения, а также библиографические указатели, рекомендательные списки литературы, ориентированные на разные возрастные группы, библиотека активно влияет на литературное и чита-

тельское развитие детей, продвигает их от менее сложной к более сложной литературе, углубляет и совершенствует их восприятие. Вершиной восприятия текста признано сотворчество с автором.

Библиотека в общеобразовательной школе – это не просто пункт выдачи учебников, она является культурным центром, вызывающим у детей интерес к чтению.

Наряду с традиционной – учебно-вспомогательной – функцией, педагог-библиотекарь выполняет учебные функции, непосредственно участвует в учебном процессе, используя новейшие интернет-технологии, создавая электронные каталоги, оцифровывая книжные фонды, проектируя сайты своих библиотек, ведя библиотечные блоки, информирующие педагогов, школьников и актив родителей о новых поступлениях и планируемых мероприятиях; обмениваясь в режиме онлайн библиографическими записями с другими школами, создавая онлайн-клубы любителей чтения и т.п.

Находясь среди огромного количества книг, школьники понимают, как велик и многогранен русский язык, какие интересные произведения писателей их окружают. Всё это пробуждает интерес к чтению. Постепенно развивается интерес ученика к художественной литературе в процессе его обучения. В первом классе ребёнок с удовольствием читает сказки, его привлекают мир фантастики и красочно оформленные издания с хорошими иллюстрациями, репродукциями, картинками. Ученика интересует не столько содержание, сколько оформление книги. Он только начинает учиться читать и познавать мир. И многое зависит от учителя и библиотекаря. Они познакомят его со сказками Г. Х. Андерсена, А. С. Пушкина,

бр. Grimm, Ш. Перро, русскими народными сказками. Дети младшего школьного возраста любят стихи А. Л. Барто («Очки», «Катя», «Любочка»), С. Михалкова («Котятка», «Азбука» и другие). В средней школе интерес ребёнка немного меняется: его привлекают приключения, фантастика, жизненные ситуации. Это произведения Д. Свифта, Д. Дефо, А. П. Гайдара, В. Гюго, Ч. Диккенса, В. А. Астафьева, В. П. Катаева и т.д., поэзия А. С. Пушкина, Ю. М. Лермонтова. В старших классах ученики тянутся к чтению другой литературы: литература в старшей школе изучается в историческом аспекте, и учащиеся 9–11 классов читают книги А. М. Горького, М. А. Шолохова, А. Солженицына, а также проявляют интерес к поэзии С. А. Есенина, Б. Пастернака и других.

Цель работы школьного библиотекаря – воспитать у школьников культуру чтения, учить осмысленному восприятию печатного слова, текста, чтобы реализовать заложенные в литературе воспитательные и развивающие возможности. Этой цели посвящено любое библиотечное мероприятие: выставки, беседы, КВН, литературные вечера, библиотечные уроки, литературно-музыкальные композиции, знакомящие с творчеством писателей и их книгами, обзоры литературы.

Задача библиотекаря – приобщить детей с ранних лет к чтению, к библиотеке, научить школьников работать с книгой в реальной и электронной сети. Это особый специалист, который выполняет свою педагогическую функцию в условиях библиотеки с помощью универсальных библиотечных ресурсов и библиотечных методов.

В воспитательную деятельность непосредственно включена культуротворче-

ская деятельность библиотекаря-педагога. Результатом освоения культуры выступают не столько знания и умения, сколько ценности, личностные смыслы. Школьная библиотека широко использует формы и методы индивидуальной и массовой работы, ориентированные на формирование творческой, эрудированной личности, обладающей высоким уровнем культуры чтения, осознающей духовно-нравственную, познавательную ценность чтения.

Школьная библиотека сегодня – оживлённое и привлекательное место, где ребята не только читают, но и обсуждают прочитанное, участвуют в литературных спектаклях, оформляют стенгазеты, путешествуют по виртуальному миру с помощью компьютеров, просто общаются. Например, в школе-лицее № 1367 г. Москвы используются научно обоснованные и оригинальные проекты, направленные на раскрытие ценностей и чтения, и его глубинных смыслов для школьников. Сюда приходят учащиеся, которые хорошо знают, что такое школьная библиотека, и, конечно же, это является большим плюсом. Одним из главных проектов библиотеки является библиотечный урок, в процессе которого учащиеся овладевают библиотечно-библиографическими понятиями, учатся работе со справочно-библиографическим аппаратом и книгой.

Во всех мероприятиях, проводимых в библиотеке, обязательно задействованы учащиеся из разных классов. Поэтому дети чувствуют свою сопричастность, значимость. Они с удовольствием показывают своё мастерство: читают стихи, поют, танцуют, играют в сценках. Ни одно мероприятие («В гостях у басни», «Как мы изучаем былинку», «В гостях у бабушки Крылова», «Творчество А. Барто») не обходится без

презентации. Во-первых, это даёт возможность представить материал более полно и красочно. Во-вторых, массовые формы работы с читателями при применении современных технологий только выигрывают, приобретая новое качество и являясь более информативными. Об этом могут сказать в дальнейшей работе показатели библиотеки: после проведения любого мероприятия маленькие читатели проявляют больший интерес к библиотеке и чтению книг. Есть среди учеников-читателей настоящие книголюбы, эрудиты. Они много читают, способны рассуждать, высказывать своё мнение о прочитанном. Такие читатели – настоящий удивительный клад для сегодняшнего библиотекаря.

Наиболее эффективными мероприятиями по привлечению учащихся в библиотеку и приобщению к чтению является экспонирование живой книги («Книги о животных», «Образ лошади в литературе», «Из глубины веков. Книги-раритеты», «Юбилей в кругу детей» и другие). Детей знакомят не только с самой книгой, но рассказывают им об авторе, истории создания книги, чем эта книга интересна и поучительна. Можно перечислять ещё много мероприятий, которые проводятся для учащихся, но самое главное, чтобы ни одно из них не прошло незамеченным, чтобы оно вызывало положительные эмоции у детей, желание принимать в них участие.

Таким образом, школьные библиотеки – важное составное звено приобщения подрастающего поколения к классической литературе. Школьные библиотеки располагают большими возможностями в воспитании интереса к книге, тем самым содействуя нравственному, патриотическому, эстетическому и творческому развитию личности растущего человека.

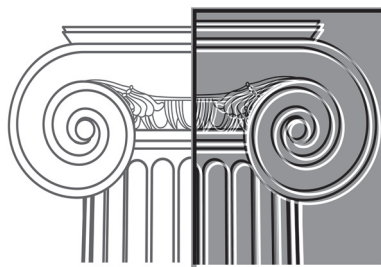

Примечания

1. Актуальные проблемы детского чтения и подготовки педагогов-библиотекарей : сборник материалов Международной научно-практической конференции / [науч. ред.: Г. А. Иванова, А. С. Матвеева]. Москва : МГУКИ, 2013. 167 с.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак ; Москва : ОЛМА-Пресс, 2003. 666 с.
3. Иванова Г. А. Библиотечная педагогика : учебное пособие. Москва : МГИК, 2015. 224 с.
4. Иванова Г. А., Тихомирова И. И. Психология чтения школьников : учебно-методическое пособие для педагогов-библиотекарей. Москва : РШБА, 2016. 328 с.
5. Концепция школьных библиотек. Москва : РШБА, 2009. 27 с.
6. Манифест школьных библиотек ИФЛА / ЮНЕСКО // Справочник школьного библиотекаря. Москва, 2006. С. 29–31.
7. Поддержка и развитие чтения: тенденции и проблемы (по итогам пяти лет реализации национальной программы поддержки и развития чтения в России) : сборник статей. Москва : Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2011. 216 с.
8. Тихомирова И. И. Педагогическая деятельность школьного библиотекаря : учебно-методическое пособие. Москва : РШБА, 2014. 464 с.
9. Шипилова И. З. Библиотека семейного чтения как социокультурный институт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 1 (69). С. 216–222.

References

1. Ivanova G. A., Matveeva A. S., ed. *Actual problems of children's reading and the training of teacher librarians: collection of materials of international scientific practical conference*. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2013. 167 p.
2. Meshcheryakov B., Zinchenko V., ed. *The Great psychological dictionary*. St. Petersburg, Prime-Evroznak Publishing House, Moscow, OLMA Media Group, 2003. 666 p.
3. Ivanova G. A. *Bibliotchnaya pedagogika [Library pedagogy]*. Moscow, Publishing house of Moscow State Institute of Culture, 2015. 224 p.
4. Ivanova G. A., Tikhomirova I. I. *Psikhologiya chteniya shkol'nikov [Psychology of reading students]*. Moscow, Publishing house of Association of School Librarians of the Russian World (RSBBA), 2016. 328 p.
5. *Kontseptsiya shkol'nykh bibliotek [Concept of school libraries]*. Moscow, Publishing house of Association of School Librarians of the Russian World (RSBBA), 2009. 27 p.
6. Manifesto of school libraries of IFLA / UNESCO. *The Directory of the school librarian*. Moscow, 2006. Pp. 29–31.
7. *Support and development of reading: tendencies and problems (following the results of five years of implementation of the national program of support and development of reading in Russia): collection of articles*. Moscow, Publishing house of Interregional center of library cooperation, 2011. 216 p.
8. Tikhomirova I. I. *Pedagogicheskaya deyatel'nost' shkol'nogo bibliotekarya [Pedagogical activity of the school librarian]*. Moscow, Publishing house of Association of School Librarians of the Russian World (RSBBA), 2014. 464 p.
9. Shipilova I. Z. Library family reading as a sociocultural institution. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 1 (69), pp. 216–222. (In Russian)

ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

ФОРСАЙТ-ТЕХНОЛОГИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ

УДК 37.02

Г. В. Варганова, В. А. Мутьев

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

В статье рассматриваются возможности модернизации образовательной деятельности вузов культуры в контексте парадигмы, рассматривающей студентов в качестве полноправных участников процесса обучения. Акцентируется значимость интерактивных технологий в формировании общекультурных и профессиональных компетенций студентов. Предлагается использование в образовательном процессе форсайт-технологии, основанной на получении и анализе систематизированного экспертного знания. Охарактеризованы атрибутивные признаки форсайта и возможности его применения в формировании стратегического мышления студентов вузов культуры. Предложены требования, которые следует соблюдать при проведении интерактивного занятия с использованием форсайт-технологии. Среди них основными являются следующие: различие социально-демографических характеристик участников, наличие у них развитых коммуникативных компетенций, информационная обеспеченность занятия, тщательность разработки сценария стратегического развития предмета экспертизы, обратная связь между преподавателем и участниками.

Ключевые слова: высшее образование, вузы культуры, образовательная деятельность, интерактивные технологии обучения, форсайт-технологии в образовании, атрибутивные признаки форсайта, преимущества форсайт-технологии.

G. V. Varganova, V. A. Mutyev

St. Petersburg State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Dvortsovaya naberezhnaya, 2, 91186, St. Petersburg, Russian Federation

FORESIGHT TECHNOLOGY IN EDUCATIONAL ACTIVITIES IN INSTITUTES OF CULTURE

The article deals with the issues of educational process modernization in institutes of culture in the context of student-centered paradigm. The role of interactive technologies in building-up

¹ВАРГАНОВА ГАЛИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотековедения и теории чтения библиотечно-информационного факультета Санкт-Петербургского государственного института культуры

VARGANOVA GALINA VLADIMIROVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, professor of Department of library science and theory of reading, Faculty of Library and Information Science, St. Petersburg State Institute of Culture

²МУТЬЕВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ – специалист по учебно-методической работе I категории Санкт-Петербургского государственного института культуры

MUTYEV VICTOR ALEKSEEVICH – a specialist on educational and methodical work of I category, St. Petersburg State Institute of Culture

students' cultural and professional competencies is accented. Foresight – technology based on acquiring and analyzing of systematized expert knowledge is proposed for using in educational process. Attributive features of foresight – technology and it's possibilities in strategic personal qualities development of graduate and postgraduate students are characterized. The most significant requirements to interactive lessons based on foresight technology are featured. Among them are the following: diversity of social and demographic characteristics of participants, availability of their communicative competences, detailed scenario of strategic development of the object of expertise, backward communication between the instructor and participants.

Keywords: higher education, institutes of culture, interactive educational technologies, foresight-technology in education, attributive features of foresight, advantages of foresight-technology.

Для цитирования: Варганова Г. В., Мутьев В. А. Форсайт-технология в образовательной деятельности вузов культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 160–166.

Современная система высшего образования страны развивается в условиях активно идущих процессов глобализации и необходимости сохранения и приумножения отечественных достижений в подготовке специалистов, гармонизации образовательных программ на уровне Европейского пространства и введения новых специальностей, обусловленных потребностями национального рынка труда.

Модернизация, как очередная веха развития высшей школы, призвана привести в соответствие вызовы времени, формирующие общественный запрос на повышение качества образования в сфере культуры, с реальными и перспективными возможностями высших учебных заведений. Совершенствование библиотечно-информационного образования, обретающего сущностно новые черты в связи интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий, является предметом пристального внимания руководителей и профессорско-преподавательского состава университетов и вузов культуры, директоров и ведущих сотрудников библиотек и информационных центров, представителей профессиональных объединений [см.: 1, 2, 7].

Главной целью образовательной деятельности должно оставаться формирование личности, максимально полно выражающей (собирающей, востребующей) потенциал человека [8]. Это обуславливает повышение значимости парадигмы высшего образования, рассматривающей студентов в качестве активных, ответственных и полноправных субъектов образовательной деятельности, наряду с преподавателями и работодателями. Концептуально данная парадигма нацеливает на создание в вузах образовательного пространства, активно поддерживающего интеллектуальный и творческий потенциал студентов и обуславливающего формирование компетенций, которые способствуют приобретению умения определять перспективные векторы развития своей личностной и профессиональной сферы в контексте динамично изменяющихся условий социальной жизни и потребностей инновационного развития страны.

В связи с этим при разработке образовательных программ неизбежно встают вопросы, связанные с их контентом.

Принципиальное значение приобретает соблюдение баланса между знаниями, ведущими к формированию компетенций,

отвечающих на сегодняшние ожидания общества от работников сферы культуры, и знаниями опережающего характера.

При всём этом знания опережающего характера, транслируемые в вузовских аудиториях, и механизмы их перспективного практического использования могут быть осознаны и в дальнейшем востребованы студентами только при одновременном формировании у них стратегического мышления.

Стратегия и стратегическое мышление всегда были и будут неотъемлемыми чертами развития человеческого интеллекта [5]. Признаками человека, обладающего стратегическим мышлением, являются: понимание того, что является стратегическим вопросом, а что нет; способность совмещать логическое и творческое мышление; обладание навыками анализа, выбора и реализации стратегии; понимание специфики разных уровней стратегий; понимание и учёт динамичности окружения, в которой они реализуются; понимание зависимости стратегий от контекста и другие [3]. К ведущим составляющим стратегического мышления следует отнести системность, логичность, критичность мышления, его творческий характер, развитость воображения, рефлексивность и т.д.

Формирование стратегического мышления студентов высшей школы возможно на основе широкого использования в образовательном процессе интерактивных технологий. В качестве наиболее эффективных и вызывающих большой интерес студентов можно отметить такие технологии, как кейс-стади, ивент-анализ, когнитивное картирование, деловые / ролевые игры, тренинги профессионального развития и другие [см.: 4; 8].

Однако не меньшим образовательным потенциалом обладают прогностические методы исследований, в частности форсайт – как метод коллективной экспертизы.

Форсайт – систематические попытки оценить долгосрочные перспективы науки, технологий, экономики и общества, чтобы определить стратегические направления исследований и новые технологии, способные принести наибольший социально-экономический эффект [6]. Ключевым элементом форсайта, основанного на систематизированном экспертном знании, является использование методов прогнозирования (экстраполяции, моделирования, методов экспертизы) и соответствующих им процедур и техник научного поиска. Форсайт ориентирован на достижение в ходе конструктивного диалога консенсуса мнений экспертов (или сближения их позиций), которые первоначально могут иметь различные, иногда полярные, взгляды на перспективы развития подлежащего прогнозированию предмета изучения.

Формирование научно обоснованных и обеспеченных ресурсами стратегий развития исследуемого предмета является одним из центральных факторов его эффективного и стабильного функционирования в будущем, способствует достижению конкурентных преимуществ в долгосрочной перспективе.

Не случайно достоинства форсайт-технологий определяют активность их использования в социальной, политической, материально-производственной жизни общества. Они востребованы при решении теоретических и прикладных проблем в различных областях научного знания: экономике, политологии, социологии, культурологии, лингвистике, образовании,

педагогике, этнологии, менеджменте, маркетинге и других.

Форсайт-технологии в определении стратегии организаций в сфере культуры используются достаточно редко. Это связано как со сложностью и многомерностью предметов изучения, так и их полифункциональностью. Наряду с этим очевидны нелинейность социальных связей и отношений, в которые включены учреждения культуры, множественность воздействующих на них факторов микро- и макросреды, их подвижность и неопределённость. Разработку стратегии также затрудняет зачастую латентный характер и вероятностность разнонаправленных угроз и рисков, которые могут оказывать на них влияние.

Атрибутивными признаками форсайт-технологии, по мнению исследователей, являются такие: а) предсказание альтернатив развития предмета изучения и выбор наиболее приемлемого из них; б) проектирование будущего (обоснование плана действий, опорных точек, временных рамок, объёмов ресурсов); в) совместное построение образа будущего [6].

Система данных признаков обуславливает образовательную возможность применения форсайт-технологии в разработке социально адаптированной стратегии развития организаций сферы культуры, в частности библиотечно-информационных учреждений, в совокупности их типологической структуры.

Проведённое на библиотечно-информационном факультете Санкт-Петербургского государственного института культуры интерактивное занятие «Будущее библиотеки как социального института в цифровую эпоху» позволяет выделить ряд педагогически значимых доминант,

предопределяемых использованием форсайт-технологии.

Прогностическая технология форсайта имеет целью разработку стратегии развития библиотек с учётом оценки рисков, угроз, потенциалов их внутренней и внешней среды в масштабе перспектив экономической, политической, социокультурной ситуации страны. Непременным результатом использования форсайт-технологии должна стать разработка модели прогнозного развития предмета экспертизы и определение согласованных практических шагов по её претворению в жизнь, что предполагает подготовку программных документов: концепций, стратегических планов развития, на основе которых создаются оперативные планы, с определённой системой мер, которые должны быть предприняты для достижения стратегической цели.

Масштабность целевой установки форсайта предполагает участие в интерактивном занятии представителей разных социальных групп: студентов (уровней обучения бакалавр, магистр), аспирантов, преподавателей факультета и коллег из вузов-партнёров, представителей органов государственной власти, бизнес-сообщества, общественных и профессиональных объединений, работодателей-руководителей и ведущих сотрудников библиотек и информационных центров.

При проведении занятия следует ориентироваться на ряд требований:

- различие социально-демографических характеристик участников (возраст, пол, образование (квалификации), социальный статус, стаж и опыт работы в сфере культуры, в библиотеке), способствующее получению широты и взаимодополнительности спектра мнений относительно пред-

мета экспертизы. Желательно от сторонних организаций приглашать к участию лиц, вовлечённых в деятельность факультета / вуза, имеющих широкий кругозор, обладающих инициативностью, творческим потенциалом, чувством времени, открытостью к новым идеям;

- сформированность коммуникативных компетенций участников (например, умения устанавливать контакт, вести полемику, логично высказывать и корректно отстаивать собственные взгляды и убеждения, понимать реакцию группы на высказанные аргументы и другое), обеспечивающих динамику группового обсуждения;

- информационную обеспеченность занятия, стимулирующую к самостоятельному получению нового знания, его анализу и осмыслению в рамках целевой установки. В связи с этим перед проведением занятия необходимо ознакомить участников с файлами, содержащими: а) тексты нормативно-правовых документов федерального уровня, в которых отражаются перспективы развития страны, сферы культуры и библиотечно-информационной отрасли; б) список литературы, сформированный на основе анализа монографий ведущих специалистов отрасли и статей из периодических профессиональных изданий: «Научные и технические библиотеки», «Библиосфера», «Научно-техническая информация», «Вестник МГУКИ», «Вестник СПбГУКИ» и другие, в котором рассматриваются тенденции и перспективы развития библиотечно-информационных учреждений; в) стратегические планы развития крупнейших библиотек страны: Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Президентской библиотеки

имени Б. Н. Ельцина, Государственной публичной научно-технической библиотеки, Библиотеки Российской академии наук и других;

- тщательность разработки сценария занятия (время, место его проведения, осведомлённость о процедуре, информация об участниках и другое), что во многом повышает мотивацию и способствует созданию комфортной и творческой атмосферы при проведении экспертного прогнозирования;

- наличие обратной связи между организаторами занятия и участниками. Это позволяет своевременно уточнять высказываемые мнения, определять точки «принципиального согласия», исключать критические ситуации в общении, выявлять причины сопротивления выдвигаемым идеям и т.д.

Организация конструктивного диалога предъявляет особые требования к преподавателю / модератору, ведущему интерактивное занятие и стремящемуся вовлечь каждого участника в процесс обсуждения предмета экспертизы для достижения конструктивного согласия относительно его будущего развития.

Преимущества широкого использования форсайт-технологии в образовательной деятельности вузов культуры могут рассматриваться в нескольких основных аспектах.

Проведённое нами занятие позволило участникам разработать стратегический сценарий развития библиотеки как социального института в цифровую эпоху. Форсайт-технология стала фактором активизации познавательной деятельности студентов, вовлекла к постановке и самостоятельному осмыслению социально значимых проблем, в творческий процесс на-

хождения инновационных механизмов их решения на основе актуализации и приращения ранее полученных в вузовских аудиториях знаний. Студенты овладели новыми теоретическими подходами в области прогнозирования и возможностями использования форсайт-технологии как его практического инструментария. Результатом занятия стало повышение уровня общекультурных и профессиональных компетенций студентов, формирование более точной самооценки собственных возможностей и ответственности за коллективный труд. Создание образа будущего библиотеки как сегмента сферы культуры, в которой учащиеся планируют себя реализовать, понимание перспектив и тенденций её развития стимулируют их к дальнейшему личностному и профессиональному росту.

Использование форсайт-технологии повышает качество образовательной деятельности вуза, ориентируя на корректировку учебно-методических комплексов / рабочих программ (таких как «Организация и методика научных исследований», «Социокультурное проектирование» и других) в теоретическом и праксеологическом аспектах: освоения инструментов получения и многомерного анализа прогностического знания, а также разработки практических шагов по его воплощению в жизнь на основе целенаправленной трансформации предмета изучения – библиотеки как социального института в цифровую эпоху.

Проведение подобного рода интерактивных занятий, в основе которых лежит интеллектуальный диалог сторон, заинтересованных в развитии библиотечно-

информационной отрасли, способствует повышению роли вуза в системе высшего образования и сфере культуры – как института, ориентированного на подготовку стратегически мыслящих специалистов, способных к социально значимым инновационным преобразованиям. В то же время это способствует расширению круга организаций-партнёров и работодателей, возможности которых могут быть востребованы в ходе реализации направлений деятельности вуза, что дополнительно укрепляет его позиции на рынке образовательных услуг.

Успешность интеллектуального диалога участников – представителей различных социальных групп, укрепляет сплочённость общества, объединяет взгляды на перспективы развития сферы культуры и библиотечно-информационной отрасли. При этом в ходе дискуссии определяются зоны ответственности каждой социальной группы в преодолении потенциально возможных рисков и угроз реализации разработанного совместными усилиями сценария стратегического развития (финансовых, технологических, временных, ресурсных и других) библиотечно-информационных учреждений.

Таким образом, использование форсайт-технологии в образовательной деятельности вуза повышает вероятность реализации согласованной стратегии развития учреждения культуры как социального института, призванного возможно более полно и оперативно отвечать на динамично изменяющиеся информационные, образовательные и культурно-досуговые потребности общества.

Примечания

1. Брежнева В. В. Вопросы образования и подготовки кадров на Конгрессе ИФЛА-2013 // Информационный бюллетень РБА. 2014. № 69. С. 61–63.

2. Варганова Г. В., Мутьев В. А. Профессионализация студентов библиотечно-информационных факультетов вузов культуры // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. 2015. № 12. С. 29–32.
3. Константинов Г. Н. Стратегическое мастерство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.repnoe.net/upload/iblock/d24/g.-konstantinov.-strategicheskoe-masterstvo.-noyabr-2016.pdf> (дата обращения: 26.02.2017).
4. Креативная педагогика. Методология, теория, практика / под ред. В. В. Попова, Ю. В. Круглова. 3-е издание. Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. 319 с.
5. Маленков Ю. А. Стратегический менеджмент : учебник по специальности «Менеджмент организации». Москва : Проспект, 2011. 224 с.
6. Руденков В. М., Беляцкий Н. П., Семенов Б. Д. Инновационный менеджмент : научно-практическое пособие / под ред. В. М. Руденкова. Минск : Амалфея : Мисанта, 2014. 460 с.
7. Тургаев А. С. Подготовка кадров в библиотечно-информационной сфере (опыт Санкт-Петербургского государственного института культуры) // Библиотековедение. 2016. Т. 65, № 5. С. 487–492.
8. Философия социальных и гуманитарных наук = The philosophy of the social sciences and humanities : учебное пособие / [Лебедев С. А. и др.] ; под общ. ред. С. А. Лебедева. Москва : Академический проект, 2008. 733 с.

References

1. Brezhneva V. V. Voprosy obrazovaniya i podgotovki kadrov na Kongresse IFLA-2013 [Issues of education and training at the IFLA Congress 2013]. *Informacionnyj Bulletin RBA Official Journal of the Russian Library Association*. 2014, no. 69, pp. 61–63.
2. Varganova G. V., Mut'ev V. A. Professionalizatsiya studentov bibliotechno-informatsionnykh fakul'tetov vuzov kul'tury [Professionalization of students of library information faculties at Universities of Culture]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty [Scientific and technical information. Series 1. Organization and technique of information work]*. 2015, no. 12, pp. 29–32.
3. Konstantinov G. N. *Strategicheskoe masterstvo [Strategic skills]*. Available at: <http://www.repnoe.net/upload/iblock/d24/g.-konstantinov.-strategicheskoe-masterstvo.-noyabr-2016.pdf> (accessed: 26.02.2017).
4. Popov V. V., Kruglov Yu. V., ed. *Kreativnaya pedagogika. Metodologiya, teoriya, praktika [Creative pedagogy. Methodology, theory, practice]*. 3rd edition. Moscow, Publishing houses "BINOM. Knowledge Laboratory", 2015. 319 p.
5. Malenkov Yu. A. *Strategicheskii menedzhment [Strategic Management]*. Moscow, Publishing House "Prospect", 2011. 224 p.
6. Rudenkov V. M., Belyatsky N. P., Semenov B. D. *Innovatsionnyi menedzhment [Innovation Management]*. Minsk, Publishing House "Amalfeia", Publishing House "Misanta", 2014. 460 p.
7. Turgaev A. S. Podgotovka kadrov v bibliotechno-informatsionnoi sfere (opyt Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury) [Personnel training in library and information sphere (the experience of the St. Petersburg State University of Culture)]. *Bibliotekovedenie [Librarianship]*. 2016, vol. 65, no. 5, pp. 487–492.
8. Lebedev S. A., ed. *The philosophy of the social sciences and humanities*. Moscow, Publishing house "Academic Project", 2008. 733 p. (In Russian)

*

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛИСТА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

УДК 378:316.614.5

Н. К. Бакланова¹, К. В. Бакланов¹, Р. М. Канапьянова²

¹Московский городской педагогический университет

²Московский государственный институт культуры

Статья посвящена проблеме социальности современного специалиста и развитию в процессе профессиональной подготовки профессиональной социализации личности как части её социализации. Излагаются результаты эмпирического исследования развития профессиональной социализации, выполненного с позиций системного целостного подхода. Показано, что в целостном процессе развития профессиональной социализации важно учитывать условия, способствующие включению студентов в социально значимую деятельность: благоприятный психологический климат в студенческой группе, вузе в целом, формирование интереса к различным видам будущей профессиональной деятельности, достижение успеха в социальном взаимодействии будущих специалистов.

Ключевые слова: социализация, профессиональная социализация, целостный подход к развитию профессиональной социализации, условия, способствующие включению студентов в социально значимую деятельность.

¹БАКЛАНОВА НАТАЛЬЯ КОНСТАНТИНОВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогической возрастной и социальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений Московского городского педагогического университета, академик Международной академии наук педагогического образования, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

BAKLANOVA NATALIA KONSTANTINOVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Institute of Psychology, Sociology and Social Relations, Moscow City Teacher Training University (MCTTU), Academician of The International Teacher's Training Academy of Science, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

²БАКЛАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогической возрастной и социальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений Московского городского педагогического университета

BAKLANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of Institute of Psychology, Sociology and Social Relations, Moscow City Teacher Training University (MCTTU)

³КАНАПЬЯНОВА РАУШАН МУСАХАНОВНА – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и международного культурного сотрудничества социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

KANAPYANOVA RAUSHAN MUSAKHANOVNA – Full Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Research and International Cultural Cooperation, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: nkbaklanova@mail.ru¹, k.v.baklanov@yandex.ru², rauk@mail.ru³

© Бакланова Н. К., Бакланов К. В., Канапьянова Р. М., 2017

Н. К. Бакланова¹, К. В. Бакланов¹, Р. М. Канапьянова²

¹Moscow City University, Government of Moscow City, 2nd Selskokhozyaistvenny proezd, 4/1, 129226, Moscow, Russian Federation

²Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura), Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF SPECIALIST TRAINING

The article is devoted to the problem of sociality and the modern professional development in the training process of professional socialization as part of her socialization. Presents the results of empirical research of development of professional socialization, made from the standpoint of system holistic approach. It is shown that in the holistic development process of professional socialization is important to consider the conditions that foster the inclusion of students in socially meaningful activities: a favorable psychological climate in the student group, the University as a whole, the formation of interest in various types of future professional activities, success in social interaction of future specialists.

Keywords: socialization, professional socialization, holistic approach to the development of professional socialization, conditions conducive to the inclusion of students in socially meaningful activities.

Для цитирования: Бакланова Н. К., Бакланов К. В., Канапьянова Р. М. Развитие профессиональной социализации специалиста в процессе профессиональной подготовки // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 167–175.

Выдающийся психоаналитик XX века А. Адлер в основе движущих сил развития личности видел врождённое, бессознательно присущее человеку стремление к общности, конструктивному взаимодействию и совместной деятельности с другими людьми. Подчёркивая опасность индивидуализации, отчуждения личности от социальных процессов, он утверждал, что недостаточная включённость человека в социальное взаимодействие лежит в основе невротических расстройств, чувства неполноценности и «ошибочного стиля жизни» [2].

В условиях современного российского общества проблема развития социальности в человеке является одной из ключевых – без неё невозможна ни модернизация экономики, ни построение институтов гражданского общества. Вместе с тем сегодня существует множество объективных

и субъективных барьеров, препятствующих формированию у развивающейся личности чувства сопричастности к происходящим в стране социальными процессам, общности с другими людьми.

Многие барьеры появились на рубеже XX–XXI веков, когда Россия переживала кризисный период, вызванный крушением социалистической системы производства и коммунистической идеологии. Ценности потребления и личного успеха, хаотично заполнившие идеологический вакуум, привели к развитию оголтелого индивидуализма, дикого не только для нашей страны, но и для западных социальных систем. Утрата чувства общности дорого обошлась нескольким поколениями россиян. Нездоровая мотивация достижения, чрезмерные личные амбиции в сочетании с ограниченными экономическими возможностями привели к серьёзным дефор-

мациям личности, распространению социального пессимизма и агрессии.

В настоящее время осознание взаимосвязи между личным успехом и общим успехом, успехом народа, страны в значительной степени нарушено, особенно у молодёжи. Отсутствует устойчивая рефлексия приоритета духовных ценностей над витальными, многие молодые люди воспринимают социальную среду как поле конкурентной борьбы, а не как общее пространство, от единства которого зависит благополучие всех.

Потенциал российских общественных институтов в формировании социальности как важнейшего личностного качества человека используется явно недостаточно, а искусственное включение молодёжи в разного рода организации политического характера не способно решить эту задачу.

В сложившихся условиях решение задачи формирования социальности человека ложится в основном на систему профессионального образования, особенно гуманитарного, традиционно тесно связанного с историческими, политическими, социальными и этнокультурными процессами [8]. В систему гуманитарного профессионального образования приходят люди с уже сложившимися базовыми личностными качествами, способные к достаточно зрелой рефлексии и обладающие определённой личностной и профессиональной направленностью.

Формирование стремления к общности, чувства сопричастности, стремления к взаимодействию является стратегической задачей подготовки специалистов педагогического профиля. Социальный педагог, школьный учитель, педагог дополнительного образования, воспитатель в дошкольном образовательном учреждении, вузов-

ский преподаватель не просто обязан обладать этими качествами, а развивать их у своих воспитанников, учеников, студентов, других людей, создавать благоприятную социальную среду.

Развитие социальной активности человека – актуальная проблема для современного общества. Сравнение в социальном плане выпускников наших вузов с выпускниками на Западе не в нашу пользу. Выпускники наших вузов в большинстве своём достаточно беспомощны: не могут адаптироваться к существующим условиям, найти применение имеющимся у них профессиональным знаниям, умениям, навыкам. Если в советское время вопрос о вхождении выпускника вуза в социум, нахождении в нём своего места практически не ставился, современная действительность настоятельно выдвигает эти требования [4, с. 5–10].

Переход российского профессионального образования к компетентностному подходу в подготовке специалистов создал благоприятные предпосылки к решению задачи формирования социальных качеств личности, поскольку в новых образовательных стандартах значительное внимание уделено формированию социальных компетенций. Однако это только основа, которая требует развития, дополнения и зачастую выхода за рамки учебного процесса в вузе. Одним из таких дополнений является включение студентов в социально значимую внеучебную деятельность. Многообразие форм социально значимой деятельности позволяет студентам сделать выбор в соответствии с их предпочтениями, интересами и личностными качествами, что создаёт предпосылки для органичного вхождения личности в определённое социальное поле, позволяет избежать

искусственного «обобществления личности», вызывающего психологическое отторжение.

Наиболее популярными среди студентов педагогических вузов являются такие формы социально значимой деятельности, как работа в волонтерских отрядах, детских оздоровительных лагерях, в центрах социальной и психологической помощи населению, детских досуговых и спортивных центрах, приютах. Большое значение имеет работа по расширению сфер социально-педагогической деятельности, расширению баз практики будущих специалистов, что позволит им приобрести необходимый опыт профессионального социального взаимодействия.

Приобретение такого опыта весьма важно и для студентов других специальностей. Проведённые нами исследования показали, что причиной недостаточного уровня профессиональной деятельности и подготовленности медицинских работников среднего звена к условиям и особенностям профессионального труда является недостаточная профессиональная социализация молодых специалистов [7].

Профессиональную социализацию, вслед за Г. М. Андреевой, мы понимаем как «двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путём вхождения в социальную среду, систему социальных связей, с другой стороны ... процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счёт его активной деятельности, активного включения в социальную среду [1, с. 274–280]».

В настоящее время исследователями рассматриваются разные аспекты проблемы профессиональной социализации личности, при этом в большей степени вни-

мание уделяется профессиональной социализации в условиях учебного заведения (см. работы Ю. В. Каблиновой [9], А. Г. Красноперовой [10], Е. С. Студеникиной [12] и других).

Содержание социализации и её составной части – профессиональной социализации – составляют, по Г. М. Андреевой [1, с. 277–278], три сферы: профессиональная деятельность, профессиональное общение и профессиональное самосознание. Процесс профессиональной социализации как процесс профессионального становления личности понимается нами как единство изменений этих трёх сфер. Эти сферы были выбраны в качестве показателей профессиональной социализации.

В соответствии с концепцией профессионального мастерства, разработанной Н. К. Баклановой [5, с. 153–156], формирование профессиональной социализации было рассмотрено как целостная система. Системный целостный подход к формированию профессиональной социализации потребовал объединения, интеграции и гармонизации усилий всех взаимоотношений и взаимосвязей между компонентами этого процесса, всех институтов, воздействующих на личность, всех видов деятельности с учётом социальной востребованности профессионализма и высокой производительности труда [11].

В проведённом эмпирическом исследовании (2014–2015) приняли участие 105 выпускников медицинского колледжа № 6 Департамента здравоохранения города Москвы по специальности «Сестринское дело», а также работодатели, сотрудничающие с колледжем. Использовались наблюдение, анкетирование, интервью, беседа, тестирование, опытно-экспериментальная работа [7].

Анкетирование на констатирующем этапе – перед преддипломной практикой – показало: «планировали» или «скорее всего планировали» трудоустроиться по профессии 63% опрошенных, 10% опрошенных собирались продолжить учёбу в другой сфере деятельности, 27% выпускников предположили возникновение проблем при трудоустройстве по профессии. Среди таких проблем основными были названы: недостаточная подготовленность к самостоятельной работе (27,5%), неуверенность в своих действиях (45,5%), неумение применить теорию на практике (10%), возможные трудности в общении с персоналом и пациентами (17%).

Результаты тестирования (тесты КОС-2, тест В. Ф. Ряховского, тест на оценку самоконтроля в общении Снайдера [6]) выявили недостаточную компетентность в профессиональной деятельности, в профессиональном общении и невысокую профессиональную самооценку. В то же время около 85% участников опроса полагали, что они «обладают» или «скорее обладают» всеми необходимыми знаниями и навыками для работы в медицинских организациях (что свидетельствовало о несколько завышенной профессиональной самооценке выпускников).

Формирующий этап включил психологическую подготовку выпускников, работу социально-психологической службы, проведение «Ярмарки вакансий», преддипломную практику по месту предполагаемого трудоустройства.

Психологическая подготовка медицинских сестёр осуществлялась в процессе занятий по курсу «Психология» и включала в себя практические занятия: «Общение как социально-психологическая проблема», «Умения и навыки общения. Осо-

бенности профессионального общения», «Профилактика стрессовых состояний в процессе общения», «Способы борьбы со стрессом», «Регуляция эмоционального напряжения». Обучение общению осуществлялось на основе тренинга общения [6]. Он включил задания, упражнения, профессиональные ситуации (взаимодействие с пациентом, отличающимся по возрасту, с недовольными родственниками, коллегами по работе и т.д.).

Социально-психологической службой проводились индивидуальные консультации студентов, а также деловые игры, коммуникативные тренинги.

На «Ярмарку вакансий» были приглашены партнёры образовательного учреждения и потенциальные работодатели, старшие и главные сестры медицинских учреждений, что способствовало знакомству выпускников с видами предлагаемой им профессиональной деятельности и выбору той организации, в которой они хотели бы работать.

Центральное место в профессиональной социализации занимало прохождение практик: учебной, производственной, преддипломной. Проведение преддипломной практики по месту предполагаемого трудоустройства стало заключением формирующего этапа исследования.

В процессе прохождения преддипломной практики выпускники выполняли весь объём профессиональных действий медицинской сестры, общались с пациентами и их родственниками, что имело большое значение для профессиональной социализации.

После окончания практики были проведены повторное анкетирование, беседы, тестирование студентов. Они показали, что 92% студентов планируют трудоустро-

иться по профессии в конкретные медицинские организации; чувствуют себя более подготовленными к самостоятельной работе, уверенными в себе. По подтвержденным данным, в течение 4 месяцев трудоустроились в государственные медицинские организации Департамента здравоохранения города Москвы 86% выпускников. Опрос молодых специалистов-выпускников показал также, что 70% адаптировались на новом месте в течение первого месяца работы, 30% требовалась помощь наставника.

Выпускники отмечали, что вхождению в профессиональную среду помогла организация преддипломной практики по месту предполагаемого трудоустройства, профессиональная подготовка, в том числе психологическая (формирование коммуникативной компетенции), а также проводимые ярмарки вакансий, возможность обмена опытом с выпускниками прошлых лет, помощь коллектива.

По мнению работодателей (был проведен опрос 15 представителей работодателей из государственных медицинских организаций), 70% выпускников достаточно подготовлены к самостоятельной работе и 30% требуется помощь наставника на рабочем месте. Для повышения эффективности процесса профессиональной социализации желательно увеличить количество практических занятий на базах практики в медицинских организациях, усилить практическую подготовку, привести в соответствие теоретическую подготовку и формируемые практические навыки.

В целом проведенное исследование показало эффективность формирования профессиональной социализации.

Количество выпускников, которые планировали трудоустроиться по профес-

сии, возросло на 29%; практически все выпускники (92%) определились в выборе медицинской организации, время адаптации молодых специалистов к профессиональной деятельности сократилось.

Проведенный эксперимент показал повышение уровня профессионального развития, подготовленности к профессиональной деятельности, профессионального общения и профессионального самосознания, овладение умениями и навыками саморегуляции.

Связь образовательного учреждения с социальными партнерами и будущими работодателями, проведение преддипломной практики по месту предполагаемого трудоустройства будущих медицинских сестер, встречи студентов с выпускниками колледжа, старшими и главными сестрами медицинских учреждений – всё это способствовало процессу профессиональной социализации.

Таким образом, профессиональная социализация позволяет будущим специалистам уже в процессе обучения войти в профессиональную среду, получить опыт профессиональной деятельности и общения, что повышает их уверенность в себе и веру в свои профессиональные возможности.

Результаты исследования позволяют заключить: системный целостный подход к формированию профессиональной социализации, составляющий особенность организации этого процесса: объединение, интеграция и гармонизация усилий всех взаимоотношений и взаимосвязей между компонентами этого процесса, всех институтов, воздействующих на личность, всех видов социально значимой деятельности, – способствует положительной динамике профессиональной социализации студентов.

Однако включённость в социально значимую деятельность не всегда ведёт к формированию социально значимых качеств личности. Применительно к профессии социального педагога, к педагогической деятельности вообще способность быть человеком социальным тесно взаимосвязана с проблемой профессиональной пригодности. В ряде случаев ни обучение в вузе, ни практическая деятельность не приводят к желаемому результату – будущий специалист демонстрирует обособленность, проявляет социальный эгоизм и безответственность, а в итоге оказывается профессионально не пригоден. Наиболее распространённые причины таких явлений – личные психологические проблемы, комплексы, влияние психологических травм и ошибок в родительском воспитании, поэтому проблема профессионально-психологического отбора, профориентационной диагностики и консультирования, несколько подзабытая вузами в условиях «демографической ямы», будет со временем приобретать всё большую актуальность.

Наши наблюдения, беседы, консультации студентов, обратившихся в психологическую службу, позволили выявить основные условия, способствующие включению студентов в социально значимую деятельность и формирование социальных качеств личности [3].

В первую очередь это благоприятный психологический климат в студенческой группе, вузе в целом. Дружеское общение студентов, совместное проведение досуга, занятия по интересам порождают у будущих специалистов стремление оставаться в группе, находиться и развиваться внутри неё, укреплять социальные связи в микросреде.

Другое условие – формирование интереса к различным видам будущей профессиональной деятельности. В процессе обучения, особенно на младших курсах, важно эти виды деятельности показать, показать привлекательно, понятно и современно – с использованием новых технологий обучения, пользующихся большой популярностью у современных студентов. Данная задача ложится на преподавателей, обеспечивающих профессиональную подготовку специалистов.

Успешное обучение, благоприятное личностное развитие, стремление к социально значимой деятельности неотделимы от положительного эмоционального состояния личности. Это хотя и общеизвестная, но требующая внимания психологическая аксиома. Поддержание положительного эмоционального фона развивающейся личности, стимулирование позитивных эмоциональных состояний, создание эмоционального комфорта – всё это важные задачи учебно-воспитательного процесса. Представляется, что гармонизацию эмоционального состояния личности как в студенческой, так и в преподавательской среде следует рассматривать как перспективное и самостоятельное направление деятельности психологической службы вуза, значение которого тем более возрастает в условиях экономических потрясений и социальной нестабильности [3].

Известно, что становление человека в профессии и профессиональное развитие специалиста в любой отрасли требуют достижения успеха. Фактор успеха сегодня приобретает едва ли не решающее значение, поскольку диктуется социальной модой как ключевая ценность. Однако применительно к человеку социальному по-

нятие успех – это общий успех, достигнутый в процессе совместной деятельности, приносящий благо для всех. Такое понимание успеха необходимо как для специалиста социально-педагогической сферы, так и для других специальностей. Здесь возникает противоречие между требованиями профессии и социальной реальностью, в которой успех – это, прежде всего, успех личный, индивидуалистический, зачастую ничего не приносящий другому человеку или причиняющий ущерб, до которого «успешной» личности нет дела.

Трансформация довольно устойчивой сейчас ассоциативной связи между понятием «успех» и узколичными интересами человека в понимании успеха как результата социального взаимодействия – тонкая и сложная задача профессионального

образования. Путь её решения лежит через достижение успеха в социальном взаимодействии будущих специалистов. Он не просто должен быть достигнут, он должен быть отрефлексирован в сознании участников образовательного процесса и эмоционально отреагирован как успех общий.

Таким образом, наряду с рассмотренными компонентами целостного процесса развития профессиональной социализации, важно учитывать условия, способствующие включению студентов в социально значимую деятельность: благоприятный психологический климат в студенческой группе, вузе в целом, формирование интереса к различным видам будущей профессиональной деятельности, достижение успеха в социальном взаимодействии будущих специалистов.

Примечания

1. Андреева Г. М. Социальная психология. Москва : Аспект-пресс, 1998. 376 с.
2. Бакланов К. В. Теории личности в психоанализе : монография. Москва : Высшая школа социально-управленческого консалтинга, 2005. 153 с.
3. Бакланов К. В. Психологическая служба в педагогическом вузе: опыт практической деятельности. Москва : Московский гуманитарный педагогический институт, 2007. 120 с.
4. Бакланова Н. К. Профессиональная деятельность и проблемы подготовки специалиста культуры XXI века // Специалист культуры XXI века: профессионализм, творчество, духовность : сборник статей. Москва : МГУКИ, 2001. С. 5–10.
5. Бакланова Н. К. Теоретическая концепция профессионального мастерства специалиста педагогического профиля // Учёные записки Московского гуманитарного педагогического института : сборник статей. Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2003. С. 153–156.
6. Бакланова Н. К. Профессиональное общение специалиста социальной сферы : учебно-методическое пособие для магистрантов. Москва : АПК и ППРО, 2013. 56 с.
7. Бакланова Н. К., Исаева А. П. Синдром эмоционального выгорания медицинских работников среднего звена: причины и пути преодоления // Психологическое здоровье специалиста социальной сферы : коллективная монография / [А. И. Аверьянов и др. ; науч. ред.: Н. К. Бакланова, Ю. В. Чельшева]. Москва : МГПУ, 2014. С. 85–92.
8. Канатъянова Р. М. От этнокультурной самоорганизации граждан к общегражданской идентичности: поиски, проблемы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 49–52.
9. Каблинова Ю. В. Профессиональная социализация студенческой молодёжи: мотивационная структура процесса : дис. на соиск. учён. степ. кандидата социологических наук : 22.00.04 / Каблинова Юлия Васильевна. Ставрополь, 2006. 171 с.
10. Красноперова А. Г. Педагогическая поддержка профессионально-трудовой социализации студентов технического колледжа : автореф. дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Красноперова Алла Георгиевна. Краснодар, 2016. 23 с.

11. Стенографический отчёт о заседании Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам 21 марта 2017 года, Москва, Кремль [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54079>
12. Студеникина Е. С. Профессиональная социализация студентов в вузе: условия и процессы реализации функции : дис. на соиск. учён. степ. кандидата социологических наук : 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы / Студеникина Елена Станиславовна ; Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2007. 139 с.

References

1. Andreeva G. M. *Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]*. Moscow, Publishing house "Aspect Press", 1998. 376 p.
2. Baklanov K. V. *Teorii lichnosti v psikhoanalize [Theories of personality in psychoanalysis]*. Moscow, 2005. 153 p.
3. Baklanov K. V. *Psikhologicheskaya sluzhba v pedagogicheskom vuze: opyt prakticheskoy deyatel'nosti [Psychological Service in Pedagogical University: Practical Experience]*. Moscow, Publishing House of Moscow State University of Education, 2007. 120 p.
4. Baklanova N. K. Professional'naya deyatel'nost' i problemy podgotovki spetsialista kul'tury XXI veka [Professional activity and problems of training specialist culture of the XXI century]. *Spetsialist kul'tury XXI veka: professionalizm, tvorchestvo, dukhovnost' [Specialist of culture of the XXI century: professionalism, creativity, spirituality]*. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2001. Pp. 5–10.
5. Baklanova N. K. Teoreticheskaya kontseptsiya professional'nogo masterstva spetsialista pedagogicheskogo profilya [Theoretical concept of professional skills of pedagogical specialist]. *Uchenyye zapiski Moskovskogo gumanitarnogo pedagogicheskogo instituta [Scientific notes of the Moscow Humanitarian Pedagogical Institute]*. Moscow, 2003. Pp. 153–153.
6. Baklanova N. K. *Professional'noye obschbeniye spetsialista sotsial'noy sfery [Professional communication specialist in the social sphere]*. Moscow, 2013. 56 p.
7. Baklanova N. K., Isaeva A. P. Sindrom emotsional'nogo vygoraniya meditsinskikh rabotnikov srednego zvena: prichiny i puti preodoleniya [Syndrome of emotional burnout of middle-level medical workers: reasons and ways to overcome]. In: Averyanov A. I. and others *Psikhologicheskoye zdorov'ye spetsialista sotsial'noy sfery [Psychological health specialist social sphere]*. Moscow, Publishing house of Moscow City Teacher Training University, 2014. Pp. 85–92.
8. Kanapyanova R. M. Ot etnokul'turnoy samoorganizatsii grazhdan k obshchegrazhdanskoj identichnosti: poiski, problemy [From the ethnocultural self-organization of citizens to common citizenship: searches, problems]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2011, no. 3, pp. 49–52.
9. Kablinova Yu. V. *Professional'naya sotsializatsiya studencheskoy molodozhi: motivatsionnaya struktura protsessa. Diss. kand. sotsiolog. nauk [Professional socialization of student youth: motivational structure of the process. Cand. sociolog. sci. diss.]*. Stavropol, 2006. 171 p.
10. Krasnoperova A. G. *Pedagogicheskaya podderzhka professional'no-trudovoy sotsializatsii studentov tekhnicheskogo kolledzha. Avtoreferat diss. cand. ped. nauk [Pedagogical support of professional and labor socialization of students of technical college. Synopsis cand. ped. sci. diss.]*. Krasnodar, 2016. 13 p.
11. *Verbatim report on the meeting of the Presidential Council for Strategic Development and Priority Projects March 21, 2017, Moscow, the Kremlin*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/54079>
12. Studenikina E. S. *Professional'naya sotsializatsiya studentov v vuze: usloviya i protsessy realizatsii funktsii. Diss. kand. sotsiolog. nauk [Professional socialization of students in the university: the conditions and processes of implementing the function. Cand. sociolog. sci. diss.]*. Krasnodar, 2007. 139 p.

*

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ОТБОРА ОДАРЁННЫХ ДЕТЕЙ В ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

УДК 376.545:793

В. Ю. Никитин

Московский государственный институт культуры

Актуальность статьи определяется значимостью проблемы поиска, отбора и дальнейшего профессионального обучения одарённых детей, в том числе в хореографическом искусстве. В статье рассматриваются вопросы отбора одарённых детей в хореографическом искусстве с точки зрения психологических качеств личности и педагогического сопровождения. Сделана попытка определить наиболее значимые для профессионального обучения способности и способы их диагностирования. Классифицированы наиболее значимые личностные качества, необходимые для профессионального обучения хореографии. Автор рассматривает критерии диагностики с точки зрения трёх аспектов: анатомические способности, психологические качества и педагогическое сопровождение. Особое внимание уделяется дифференциации методов диагностики в зависимости от формы обучения – дополнительное образование или профессиональное обучение. В статье обобщён практический опыт автора.

Ключевые слова: хореография, обучение, одарённость.

V. Yu. Nikitin

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL CRITERIA FOR THE SELECTION OF GIFTED CHILDREN IN CHOREOGRAPHIC ART

Relevance of article is determined by the significance of the problem of search, selection and further training of gifted children, including in choreographic art. An attempt was made to determine the most important vocational training ability and the methods of their diagnosis. The article discusses the issues of selection of gifted children in the choreographic art from the point of view of the psychological qualities of the personality and pedagogical support. Classified the most important personal qualities required for professional education of dance. The author examines the diagnostic criteria from the point of view of three aspects: anatomical abilities, psychological qualities and educational support. Special attention is paid to differentiation of methods of diagnostics depending

НИКИТИН ВАДИМ ЮРЬЕВИЧ – доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры современной хореографии хореографического факультета Московского государственного института культуры

NIKITIN VADIM YURYEVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Ph.D. (History of Arts), Associate Professor, Professor of Department of modern choreography, Moscow State Institute of Culture

e-mail: dancer-v@mail.ru

© НИКИТИН В. Ю., 2017

on the form of education and recreational training or professional education. This article summarizes the practical experience of the author.

Keyword: choreography, education, giftedness

Для цитирования: Никитин В. Ю. Психолого-педагогические критерии отбора одарённых детей в хореографическом искусстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 176–183.

Актуальность рассматриваемой проблемы определяется особым вниманием государства к воспитанию новых кадров в науке и культуре. Вопросы поиска и выявления творчески одарённых детей волнуют не только педагогов, но и государственные структуры, поскольку очевидно, что интеллектуальный, культурный потенциал общества и страны в целом во многом определяется выявлением одарённых детей и грамотной работой с ними. Создание системы поддержки талантливых детей – одно из главных направлений национальной образовательной инициативы «Наша новая школа», которая легла в основу стратегического развития образования на ближайшие годы.

Особенно активно на государственном уровне действуют программы поддержки одарённых детей в области искусства. Всероссийские конкурсы «Синяя птица», «Щелкунчик», «Душа России», «Уникум», «Молодые дарования России» и ряд других позволяют выявить творчески одарённых детей в раннем возрасте и создать условия для их дальнейшего обучения и профессионализации.

Изучение проблемы одарённости занимает большое место в трудах Д. Б. Богоявленской, Ю. Д. Бабаева, А. В. Брушлинского, В. Н. Дружинина, И. И. Ильсова, И. В. Калиш, А. М. Матюшина, В. Д. Шадрикова и других. Проблема развития способностей также неизменно привлекает внимание педагогов и психологов.

Этой проблеме посвящены исследования Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, В. М. Мясищева, К. К. Платонова, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова, М. С. Лейтеса и других. Однако исследованию именно хореографических способностей детей посвящено сравнительно немного научных работ.

Эти исследования показали, что много детей обладают потенциальной одарённостью, но не каждый ребёнок может реализовать свои латентные способности. При этом единого мнения относительно того, что такое одарённость, нет: одарённость проявляется в достижениях или является лишь их возможностью? Ряд учёных, соглашаясь, что одарённость – это системное качество, считают, что определение одарённости нельзя связывать с достижениями личности в силу того, что ярко проявленная одарённость не всегда обеспечивает высокие достижения в профессиональной деятельности в будущем.

К основным видам деятельности относятся: практическая, теоретическая (познавательная), художественно-эстетическая, коммуникативная и духовно-ценностная. В художественно-эстетической деятельности выделяют хореографическую, сценическую, литературно-поэтическую, изобразительную и музыкальную одарённость.

Одарённость является психологическим качеством, которое формируется и развивается на протяжении всей жизни,

но предполагает её скрытый, латентный характер на определённых этапах онтогенеза. Развитие творческого потенциала личности может сдерживаться рядом неблагоприятных причин (семейными обстоятельствами, слабой мотивацией, низким уровнем самореализации и амбициозности, отсутствием необходимой образовательной среды и т.д.). При понимании всей теоретической сложности, неясности природы проявления одарённости главная задача педагогов и психологов заключается в том, чтобы не пропустить ни одного ребёнка, обладающего одарённостью в художественном виде деятельности.

Рассматривая вопрос одарённости в хореографическом искусстве, необходимо отметить, что действующие в настоящий момент методики отбора и диагностики построены исключительно на анатомических задатках, таких как телосложение, физические данные (шаг, выворотность, гибкость), координация, чувство ритма, актёрские способности и т.д. Однако необходимо понимать, что задатки к хореографическому творчеству разделяются на анатомические, биофизические (природные) и психологические (связанные с особым типом характера, темперамента, мышления).

При обучении танцу, независимо от формы обучения – профессиональной или любительской, безусловно, необходимо учитывать задатки детей, то есть природные особенности формирования и анатомического строения опорно-двигательного аппарата ребёнка: подъём стопы, выворотность, длинные ноги, гибкость, пластичность, внешние сценические данные.

Но на наш взгляд, подобный подход является достаточно поверхностным, поскольку не позволяет определить перспек-

тиву развития одарённого ребёнка. Более объективную картину формирования профессиональных качеств может дать психолого-педагогические тестирования и наблюдения за деятельностью ребёнка.

Необходимо отметить, что данный путь диагностики требует более длительного времени и применения различных методик, но он может дать объективную оценку потенциала одарённого ребёнка.

Работа с одарёнными детьми требует понимания природы понятия «одарённость» и, следовательно, целостного подхода к обучению, воспитанию и развитию.

Необходимо также отметить, что критерии отбора детей в хореографическом искусстве чётко дифференцируются в зависимости от целей обучения: предпрофессиональное (дополнительное художественное воспитание) или профессиональное обучение. Безусловно, общие методы и приёмы диагностики существуют, однако результаты их могут трактоваться по-разному.

Яркая одарённость, или талант, свидетельствует о наличии высокого уровня способностей по всем критериям, существующим в структуре деятельности в области хореографического искусства, но особенно важна интенсивность интеграционных процессов психологической личностной сферы, которые носят субъективный характер. «Системность в подходе требует выявлять хореографическую одарённость не как сумму компонентов (хореографических способностей, навыков, умений, знаний), а как интегративную личностную характеристику, активно влияющую на личность, стремление к саморазвитию в хореографическом искусстве. Хореографическую одарённость нельзя напрямую связывать с достижениями лич-

ности в онтогенезе в силу того, что ярко проявленная одарённость в детстве не всегда обеспечивает высокие достижения в профессиональной деятельности во взрослом возрасте [1].»

Таким образом, можно выстроить логическую взаимосвязь следующих определений – «одарённость», «задатки и способности», «творческий потенциал».

Взаимосвязь этих определений достаточно сложная, поскольку одарённость – это качество личности, природные способности и задатки зависят от генетической программы развития ребёнка, а творческий потенциал – это перспектива развития личности в творческой сфере. На наш взгляд, эта взаимосвязь не имеет линейной зависимости. Дети, обладающие блестящими природными задатками, к сожалению, в силу объективных (отсутствие образовательных учреждений) и субъективных причин (мнение родителей, гендерные пристрастия), часто не могут реализовать природные задатки в профессиональной сфере. Таким образом, скрытая детская одарённость не всегда реализуется в творческой профессиональной деятельности.

Итак, рассмотрим психологические особенности личности, наиболее благоприятные для отбора одарённых детей в области хореографического искусства.

Психологические особенности, связанные с хореографической одарённостью детей, в настоящее время ещё не стандартизированы. Однако можно с уверенностью констатировать, что среди них есть такие, как быстрое восприятие, хорошая память, экстравертность, ярко выраженное своеобразие сенсорной сферы, воображение, способность к сопереживанию, эмоциональная стабильность и другие. Отметим, что особенности психологиче-

ского портрета могут служить лишь основанием для предположения о хореографической одарённости, а не для вывода о её безусловном наличии.

Поведенческий аспект ребёнка с хореографической одарённостью может быть описан следующими признаками: быстрое освоение нового вида деятельности и высокая успешность её выполнения; использование и изобретение новых способов выполнения заданий; выдвижение новых целей за счёт более глубокого овладения примерами, ведущее к новому видению ситуации и объясняющее появление неожиданных идей и решений.

Важную роль в психологическом портрете личности с ярко выраженной хореографической одарённостью, безусловно, играют мотивации к творческой деятельности. Эти мотивации у ребёнка с хореографической одарённостью могут быть выражены в следующих признаках: чувство удовлетворения от достижений в процессе освоения танца, упорство и трудолюбие, увлечённость; неуёмная любознательность, стремление выходить за пределы исходных требований; неприятие стандартных, типичных заданий и готовых схем; высокая требовательность к результатам собственных успехов, самокритичность; склонность к постановке целей и настойчивость в их достижении, стремление к совершенству.

Хорошие физические задатки и способности являются наиболее приоритетными в диагностике детей 8–10 лет, которые в перспективе планируют заниматься исполнительской деятельностью. Если же мы рассматриваем диагностику профессиональных качеств молодых людей в возрасте 18–20 лет в системе высшего образования, то есть оцениваем их пригодность

для профессиональной деятельности в качестве педагогов и хореографов, то тут на первое место выходят не исполнительские возможности, а черты характера, темперамент, особенности художественно-творческого мышления и другие качества творческой личности.

Обратимся к чертам характера, которые, на наш взгляд, являются самыми важными для успешной хореографической деятельности.

К. Юнг предложил классифицировать характеры в зависимости от принадлежности к экстравертированному и интровертированному типу.

Безусловно, в любом виде искусства преобладает экстравертный тип, однако наблюдения автора над процессом обучения будущих хореографов привели к следующим выводам:

- процесс становления профессионального мышления более успешен у экстравертов, но результаты творческого воплощения более неожиданны и непредсказуемы у интровертов;

- в современной хореографии наиболее приоритетными к воплощению являются внутренние переживания и поиски художника. С этой точки зрения результаты индивидуального «самопознания» в форме движения интровертов более убедительны и нетривиальны;

- однако такие же поиски в области внешнего выражения, особенно попытки соединения танца с другими видами искусства и создания «тотального театра», более успешны у экстравертов;

- достаточно спорным является исследование гендерных ролей в хореографии, однако необходимо заметить, что чувственный и интуитивный тип наиболее распространён среди хореографов-женщин,

среди мужчин преобладает мыслительно-сенсорный;

- наиболее результативны, свободны в творческих поисках экстраверты, однако их творческие результаты очень часто поверхностны и неубедительны. Творческий процесс интровертов затруднён и более глубок, постоянные сомнения в выборе средств выражения заставляют их ещё и ещё раз углубляться во внутреннее видение и пытаться наиболее адекватно дать выражение внутренним, интуитивным идеям;

- экстраверты-хореографы более склоняются к яркой, зрелищной форме выражения результатов творчества, интроверты предпочитают углублённое, внутреннее выражение своего видения.

Необходимо также отметить, что тип характера и темперамента при профессиональном обучении имеют большое значение для создания благоприятного микроклимата в творческом обучении: «Решение творческих задач позволяет студентам выяснить свои возможности, сориентироваться в предложенном материале, понять позицию других, проанализировать, проиграть её в процессе взаимодействия с другими членами группы [2]».

Таким образом, мы подходим к определению индивидуальности, которая невозможна без выявления природы индивидуальных различий в творческих способностях. Индивидуальная неповторимость начинается с анатомических особенностей (эти особенности крайне важны в хореографии), социально-типические особенности формируются под влиянием конкретной культурно-исторической среды и сочетают в себе индивидуальные особенности контакта со средой и уровень адаптации, интеллектуальные способности за-

висят от уровня восприятия новых знаний и способности к обучению.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что к универсальным компонентам в структуре художественной одарённости относятся: эстетическая эмпатия (коммуникативный компонент), импрессивная и экспрессивная эмоциональность, эмоциональный опыт (эмоциональный компонент), синестезия (сенсорный уровень), ассоциативное мышление, художественное воображение, способность к преобразованиям (вариативность, инверсионность мышления), непосредственное восприятие, ярко выраженная индивидуальность (собственный стиль), чувство формы.

Педагогические условия диагностики зависят от целей и задач самого обучения. Обучение хореографическому искусству детей – это наиболее распространённый вид художественного творчества. Однако, к сожалению, только небольшая часть одарённых детей выбирает хореографическое искусство как будущую профессию. Это зависит, прежде всего, не от желания ребёнка, а от мнения родителей. К сожалению, рейтинг профессии «Артист балета» в настоящее время невысок, процесс обучения очень длительный (5–8 лет), а карьерный рост зависит от многих факторов, не имеющих отношения к искусству. Поэтому многие одарённые дети занимаются в любительских коллективах или системе дополнительного образования для себя, «для здоровья» и, имея все данные для профессионального обучения, всё-таки выбирают более востребованные профессии. Поэтому, безусловно, диагностика хореографической одарённости для занятий любительским искусством и профессиональным во многом различается.

Обычно профессиональное обучение начинается с 10–11-летнего возраста: этот возраст является наиболее оптимальным с точки зрения сензитивного периода развития для формирования мотивов учения, развития устойчивых познавательных потребностей и интересов, для развития продуктивных приёмов и навыков учебной работы, «умения учиться», а также для развития навыков самоконтроля, самоорганизации и саморегуляции, становления адекватной самооценки, а самое главное – для развития координации, выносливости, способностей в овладении профессией танцовщика. Но наиболее важной причиной ранней профессионализации является всё-таки биофизическая или анатомическая составляющая. Именно в этом возрасте опорно-двигательный аппарат пластичен, ещё не произошло «окаменение» хрящевой ткани, что позволяет развить данные, необходимые для танца: шаг, выворотность, подъём, прыжок, гибкость.

При профессиональном обучении детей искусству танца необходимо создавать условия для формирования внутренней мотивации деятельности, направленности и системы ценностей, которые обеспечивают основу становления духовности личности, а также вести профилактику типичных проблем одарённых детей (или помогать их решать). Речь идёт об отчуждении от сверстников и иных формах социальной дезадаптации, а также проблемах, связанных с самооценкой. Продуманное сочетание индивидуальной работы одарённого ребёнка с коллективной формой обучения в данном виде деятельности, а также общением, досугом в кругу единомышленников может быть эффективным компонентом психолого-педагогической поддержки.

Самореализация необходима для занятий в любой области искусства и для любого вида деятельности: и исполнителю-танцовщику, и педагогу, и хореографу.

Самореализация, связанная непосредственно с исполнением произведения, выражается в артистизме, в двигательных способностях, психологической устойчивости на сцене. Педагогу хореографических дисциплин необходимо обладать не только высокоразвитыми соответствующими художественно-творческими способностями, но и знать психологические основы их диагностики и развития, структуру, ведущие компоненты и т.д.

Педагог хореографических дисциплин должен знать современные подходы к художественно-творческим способностям, в частности иметь представление о структуре художественного мышления в хореографии, которая обуславливает методику диагностики и обеспечения хореографических самореализаций. Практика показывает, что многие грубые ошибки в определении хореографических способностей у неподготовленных в этом плане педагогов вызваны упрощёнными представлениями о хореографических компонентах.

Таким образом, можно выделить критерии педагогической диагностики, которые позволят с более высокой точностью определить наличие одарённости у ребёнка в сфере хореографического искусства. Для поведения одарённого ребёнка характерен:

- выход за пределы стандартных требований;
- индивидуальный стиль и манера пластического самовыражения;
- особый тип организации знаний в области хореографического искусства и культуры в целом: высокая структуриро-

ванность, способность видеть танец в системе разнообразных связей, склонность выделять и формулировать общие алгоритмы построения танца, быстрое усвоение информации о танце и отдельных движениях, поиски новых способов действия и условий их использования, использование метафоры как способа обработки информации;

- своеобразный тип обучаемости, проявляющийся в высокой скорости и лёгкости обучения, высокий уровень способности к самообучению.

Надо подчеркнуть, что обнаружение хореографических дарований в раннем возрасте далеко не всегда связано с высокими достижениями в более старшем возрасте. В свою очередь, отсутствие яркой одарённости в детском возрасте не означает отрицательного вывода относительно перспектив дальнейшей профессионализации личности. Другими словами, возрастные особенности развития и процесс профессионального обучения не имеют линейной зависимости.

Исходя из системности теории одарённости вообще и хореографической в частности, для развития хореографической одарённости нельзя ограничивать свою работу лишь составлением программ обучения (ускорения, усложнения и т.д.). Необходимо создавать образовательную среду, включающую в себя интеллектуальное, эстетическое и культурологическое развитие ребёнка. При этом необходимо «... переориентировать педагогов на создание такой образовательной среды, в которой не только наиболее полно раскрываются когнитивные способности, но и развивается личность каждого студента [3]».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что диагностика одарённых детей

в хореографическом искусстве включает в себя три компонента:

1. Анатомические природные способности, к которым относятся: физические (функциональные) данные, а также психомоторные способности.

Под физическими данными подразумеваются: выворотность, шаг, подъём, гибкость и прыжок. Психомоторика включает в себя: координацию, апломб, музыкальность, чувство ритма. Хореографические способности, по Н. И. Тарасову, делятся на музыкальные, танцевальные и ритмические, а также внешние данные и профессиональные способности. Все эти способности связаны между собой и находятся в единстве, углубляя связь музыки и танца при изучении всех хореографических дисциплин.

2. Психологические особенности личности включают в себя: особый тип личности, который формируется на основе ха-

рактера, темперамента, творческих способностей; особый тип творческого мышления, построенный на понятиях «образного мышления» и «внутреннего видения». Хореографическая одарённость выражается через понятия «творческий потенциал» и «творческая индивидуальность».

3. Педагогическое сопровождение, которое зависит от формы обучения (профессиональное или любительское).

Выявление одарённых детей – продолжительный процесс, связанный с анализом развития конкретного ребёнка.

Эффективная идентификация одарённости посредством какой-либо одноразовой процедуры тестирования невозможна. Поэтому вместо одномоментного отбора одарённых обучающихся необходимо направлять усилия на постепенный, поэтапный поиск одарённых детей из числа занимающихся танцем на основании выстроенной системы.

Примечания

1. Лилина С. А. Проект «Индивидуальный образовательный маршрут для детей с хореографической одарённостью» [Электронный ресурс] // Издательский Дом «Первое сентября»: [веб-сайт]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/576129/>
2. Спинжар Н. Ф., Журавлева Е. А. Психолого-педагогические аспекты индивидуализации предметного содержания подготовки бакалавров в вузе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 3 (71). С. 197–207.
3. Христидис Т. В. Психолого-педагогическое сопровождение студентов в вузе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1 (63). С. 172–176.

References

1. Lilina S. A. *Proekt "Individual'nyi obrazovatel'nyi marsbrut dlia detei s kboreograficheskoi odarennostyu"* [Project "Individual educational route for children with choreographic talent"]. Available at: <http://festival.1september.ru/articles/576129/>
2. Spinzhar N. F., Zhuravleva E. A. Psychological and pedagogical aspects of the individualization of the content of the bachelors` professional education. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2016, no. 3 (71), pp. 197–207. (In Russian)
3. Khristidis T. V. Psycho-pedagogical support of students at the University. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015, no. 1 (63), pp. 172–176. (In Russian)

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И САМОРЕАЛИЗАЦИИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

УДК 378:37.06

Н. Ф. Спинжар, Н. С. Спинжар

Московский государственный институт культуры

В статье рассмотрены особенности представлений студентов о профессиональной деятельности и самореализации на этапе получения высшего образования в вузе. Выделяются социальные и индивидуальные аспекты профессионального развития в их взаимосвязи и взаимозависимости. Подчёркивается влияние социальных и индивидуальных представлений студентов на эффективность профессионального развития и самореализации. Подробно излагается процессуальная сторона сформированности представлений у студентов под влиянием ряда факторов.

Авторы подчёркивают влияние социальных и индивидуальных представлений о профессии на дальнейшую деятельность и самореализацию студентов в вузе. Изучение факторов, влияющих на отношение человека к профессии и самому себе, позволяет определить специфику профессионального поля, где обозначена предметная область трудовой деятельности как новая психологическая реальность, активизирующая личность на преобразование себя и окружающего мира. Кроме того, профессиональная самореализация соединяет в себе вышеназванные начала – социальные и индивидуальные представления, которые можно рассматривать как условие и движущую силу совершенствования человека в процессе получения образования по профилю подготовки.

Ключевые слова: высшее образование, психолого-педагогическая компетентность студентов в профессиональной деятельности, профессиональная деятельность, теория профессиональных полей, профессиональная самореализация.

СПИНЖАР НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА – кандидат педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии факультета социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры

SPINZHAR NATALIA FEDOROVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Professor of the Department of pedagogy and psychology, Faculty of social and cultural activities, Moscow State Institute of Culture

СПИНЖАР НИНА СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры педагогики и психологии факультета социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры, педагог-психолог Московского военно-музыкального училища

SPINZHAR NINA SERGEEVNA – doctoral student of the Department of pedagogy and psychology, Faculty of social and cultural activities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: spinjar@post.ru

© Спинжар Н. Ф., Спинжар Н. С., 2017

N. F. Spinzhar, N. S. Spinzhar

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE RELATIONSHIP OF SOCIAL AND INDIVIDUAL REPRESENTATIONS OF THE PROFESSIONAL ACTIVITY AND SELF-REALIZATION IN STUDENTS OF HIGH SCHOOL

The article describes the features of students' ideas about the professional activities and self-realization on the stage of higher education at the university. The contents of the article highlighted the social and personal aspects of the professional development in their interrelation and interdependence. It emphasizes the influence of social and individual representations of students on the effectiveness of professional development and self-realization. Detailed outlines the procedural side of formation of representations of the students under the influence of a number of factors. The author emphasizes the influence of social factors and the relationship to the profession in the future on the professional activity and self-realization. The study of the factors influencing the attitude of a person to the profession and yourself to determine the specificity of professional fields, where the designated subject area of work, as a new psychological reality catalytic personality to transform ourselves and the world. Professional self-realization combines two elements – social and individual representations that can be considered as a condition and driving force of human perfection in the process of education on the profile of training.

Keywords: higher education, psychological and pedagogical competence of students in professional activities, professional activities, the theory of professional fields, professional self-realization.

Для цитирования: Спинжар Н. Ф., Спинжар Н. С. Взаимосвязь социальных и индивидуальных представлений о профессиональной деятельности и самореализации у студентов вуза // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 184–192.

Процессы обновления высшего профессионального образования в России сталкиваются с определёнными трудностями, усложняющими совершенствование педагогических подходов к подготовке специалистов разного профиля. В наметившихся поисках выхода из сложившейся ситуации определились два направления. Первое – *организационно-управленческое*, которое обеспечивает содержание, контроль деятельности учреждений высшего образования, и второе – *психолого-педагогическое*, выступающее необходимым условием повышения компетентности студентов в процессе индивидуально-профессионального развития. Последнее приобретает особое значение, поскольку социальные и индиви-

дуальные представления личности о профессии, профессиональной деятельности и самореализации напрямую влияют на результаты обучения в вузе. Очевидно на сегодняшний день то, что гуманизация высшего образования предполагает объединение систем социальных и индивидуальных представлений студентов о профессиональной деятельности и самореализации, которые отражают ценности, идеалы и приоритеты личности, но в реальности данные компоненты остаются без должной оценки своей важности и необходимости.

Прежде всего, следует отметить, что высшее образование стало практико-ориентированным, его прикладной аспект

превалирует над теоретическим, знаниевым, что минимизирует виды учебной деятельности, влияющие на формирование мировоззрения, расширение представлений о мире, о профессии, о себе. В этих обстоятельствах, под воздействием различных факторов, влияющих на развитие личности, формируется её картина жизни и профессиональной деятельности. Вопрос социальных и индивидуальных представлений студентов может рассматриваться как объективные и субъективные составляющие имеющихся у них образов в целом и о профессии и профессиональной деятельности в частности. Полученные личностью представления оказываются недостаточными, чтобы положительно влиять на принятие профессии и себя в ней, оптимизировать всестороннее развитие в настоящем и в будущем. Происходит определённое искажение процесса формирования представлений на фоне нестабильного общего социального развития профессиональной сферы и индивидуально-личностных отношений – как следствие разрозненных, неверно воспринимаемых событий, фактов, впечатлений и т.д. Кроме того, влияние на образ профессии оказывает её престиж в обществе, наделяющий её положительными, ценностными характеристиками, тем самым делающий её для личности более значимой, что в определённом смысле даёт основание для активного её освоения, стремления к совершенствованию, самореализации и создаёт благоприятную основу для успешного обучения. Но этого недостаточно. Поскольку развитие общества и человека динамично и неотделимо от тех реалий, которые существуют на данный момент времени и отражены в опыте многих поколений, в средствах производства, в продуктах челове-

ческой культуры, постольку их проекция в индивидуально-профессиональном становлении очевидна.

Вследствие этого можно утверждать, что социальные и индивидуальные представления человека о профессиональной деятельности и самореализации являются результатом фиксации им опыта социального наследия (Н. П. Дубинин).

Уточним, что данное утверждение подкрепляется и с позиций опыта, который не наследуется, то есть не фиксируется в генах, а передаётся от поколения к поколению в ходе организованного взаимодействия через различные социальные институты. Полученные личностью представления о мире, профессии, профессиональной деятельности и о себе расширяют возможности включения её в разнообразные процессы творческой, трудовой – ценностной для неё деятельности.

Е. А. Климов писал, что регулятором трудовой деятельности человека выступает «образ мира», который по-разному складывается у представителей разных профессий и по-разному влияет на их мироощущение [4]. В меняющемся мире для динамичной его части – молодёжи (студенческой), высшее образование – это то, что несёт в себе наиболее «инновационный образовательный продукт», «продвинутый вариант освоения профессии», то есть всё новое, технологичное принимается молодёжью как ценность. Благодаря этому, по мнению самих студентов, возрастает притягательность профессиональной деятельности, повышается активность и интерес к учебно-творческой деятельности, а ранее полученные представления о профессии посредством механизма подстраивания, своеобразной примерки либо опровергаются, либо подтверждаются.

В этом случае, можно предположить, будущий выпускник вуза для освоения опыта предшествующих поколений, отражённого в продуктах профессиональной культуры, должен проявить активную деятельность, адекватную той, которая в них воплощена. Поэтому принципиально важным является то, насколько в вузе эффективно осуществляется процесс освоения *опыта профессиональной деятельности*, под которым понимается фактор успешности с учётом времени и уровня профессионального развития личности; процесс поэтапного обогащения её социальных и индивидуальных представлений; насколько хорошо организовано чувственно-эмпирическое познание объективной действительности.

В чём видится решение задачи?

Прежде всего, в выравнивании и целенаправленной организации в вузе работы по освоению опыта профессиональной деятельности, которая позволит студентам адекватно воспринимать вложенный в неё смысл, изучить различные аспекты получаемых от неё результатов, осознать возможности проявления своей индивидуальности и скорректировать полученные представления для дальнейшей самореализации. Если опыт профессиональной деятельности будет неправильно принят, то это усложнит процесс формирования представлений и приведёт к обесцениванию её сути. Поэтому так важно, как студент освоил опыт, предназначенный для формирования основ профессиональной деятельности в процессе присвоения личностью знаний, умений, навыков, какое отношение у него сложилось, какие виды активности он проявляет и т.д.

Вслед за социальными аспектами совершенствования качества профессио-

нальной подготовки обратимся к психологическим, которые лежат в плоскости понимания, по мнению А. Г. Асмолова, «психозойской эры человечества», когда все новообразования человека обусловлены психогенным характером их образования и иницируются конкретными людьми. Встречая в своей жизни человека – учителя, воспитателя и т.д., мы получаем импульс развития и преобразования, на основе чего наши представления о будущем и настоящем систематизируются вокруг ценностного блока – ценность жизни, ценность добра, ценность природы, ценность истины, ценность красоты, гармонии и т.д. *Представления студентов о профессиональной деятельности как ценности* выступают эталоном не только её социальной значимости, позволяющей служить человеку, нуждающемуся в помощи и поддержке в трудные периоды жизни (если, например, рассматривать профессию педагога-психолога), но и индивидуальной культуры.

Социальный и индивидуальный компоненты подготовки к профессиональной деятельности и самореализации студентов проявляются в установлении требований, предъявляемых профессией к качествам специалиста, его возможностям и способностям. Так, профессия педагога-психолога требует от личности определённого уровня развития социальной зрелости, что выступает неотъемлемой частью его профессиональной деятельности и самореализации. Социальный и индивидуальный компоненты находят своё понимание и в теории профессиональных, психологических и личностных полей А. П. Беляевой. Автор идеи профессиональных полей обозначила предметную область трудовой деятельности – соотношение объекта и субъ-

екта трудовой деятельности, приводящее к новой психологической реальности – *профессиональному психологическому полю*. Автор определяет профессиональное психологическое поле как активность личности, направленную на преобразование окружающего мира («очеловечивание» среды) [1, с. 282]. Такой подход помогает в изучении проблем развития личности в образовании, поскольку каждое поле отражает свои аспекты профессиональной деятельности и особенности самореализации студентов в вузе. В *профессиональном поле гуманитарного типа* отражены аспекты в соответствии с юридическими основами профессиональной деятельности – правами и обязанностями, трудовыми целями, структурой, нарушениями. Наряду с этим социально-психологический контекст профессиональной деятельности и самореализации связан с ресурсом самой личности.

Социальные требования к личности педагога-психолога и к представителям профессии гуманитарного типа содержат такие параметры, как гуманизм (личностный подход к человеку, вовлечение в совместную деятельность), эмпатия, стремление помочь; импровизация, перевоплощение в образ другого, быстрота эмоциональных реакций, саморегуляция, адекватность принимаемых решений; коммуникативные навыки и умения, фасцинация¹, способность предвидеть последствия коммуникативных ошибок; наличие профессиональных знаний и умений.

Профессиональное психологическое поле включает и личностное поле специалиста – индивидуальное сочетание дан-

¹ Фасцинация (от лат. *fascinatio* ‘завораживание’) – эффект повышения воздействия информации на поведение.

ных параметров. В. Г. Казанская считает, что личностное поле специалиста проявляется в следующих чертах:

- интерес к профессиональной деятельности;
- достаточность профессиональных умений;
- выраженность склонностей;
- соответствие склонностей конкретной профессиональной деятельности;
- ориентация на избегание неудач;
- достаточно развитые коммуникативные умения;
- оптимально развитая рефлексия;
- критичность в оценке своих возможностей;
- расширение профессиональных интересов [3].

Психологическое и личностное поля помогают выявлять и описывать реальные условия профессионального развития по таким показателям, как знание в области своего предмета, отношение к предмету профессиональной деятельности, чувство нового, содействие в развитии интереса к предмету (в данном случае мы имеем в виду практическую работу педагога-психолога в образовательном учреждении), умение планировать свою работу, знание психолого-педагогических основ обучения, педагогический такт, умение оценивать качество знаний, умений и навыков, индивидуальный подход к учащимся.

Полное описание картины индивидуально-профессионального развития студента позволяет указать на качество профессиональной деятельности педагога-психолога в будущем. Согласно Н. В. Кузьминой, это возможно через анализ динамики изменений: от непродуктивного – минимально продуктивного – до высокопродуктивного уровня, когда педагог вла-

деет стратегией формирования системы знаний, умений и навыков учащихся в процессе осуществления профессиональной деятельности, и высшего, когда умения профессиональной деятельности способствуют преобразованию личности ученика и его потребности в саморазвитии [5, с. 13].

Социальные и индивидуальные представления личности о профессиональной деятельности и самореализации, в соответствии с теорией *профессионального психологического поля*, интегрируются в систему практических действий, согласно которым самореализация как воплощение в жизнь личностно ценностно-смыслового концепта на уровне потребности, желания, мечты обеспечивает первичное движение к желаемому результату, цели. При этом социальные представления как идеи, мысли, образы, ценности, знания, разделяемые людьми, формируются в социальных взаимодействиях под влиянием объективных воздействий, средств массовой информации и т.д. В ряду принимаемых личностью смыслов цели жизни могут быть основой социальных представлений личности:

- цели жизни, по А. Адлеру, заключаются не в удовольствии, как у З. Фрейда, а в совершенстве;
- цели жизни создают основу активности человека, позволяющей продвигаться в социальном и индивидуальном развитии;
- цели жизни могут быть как реальными, так и недостижимыми, и другие.

Из предполагаемых целей стремление к превосходству (по А. Адлеру) способствует более высокому развитию личности, тесно связано с успехом и социальными реалиями. Н. И. Нефедова отмечает, что лишь действуя в резонансе с обществом, человек может чувствовать себя

успешным [6, с. 144]. Очевидно, что общественные явления репрезентированы в индивидуальном сознании субъектов, то есть увиденное, услышанное, прочувствованное фокусируется в сознании человека. Поэтому рассмотрение проблем ценностных представлений студентов о профессиональной деятельности и самореализации тесно связано с *концепцией социальных представлений*, которая включает совокупность социально-психологических взглядов, имеющих теоретические положения, и эмпирические разработки функционирования структур обыденного сознания в современном обществе.

С. Московичи указывал, что коллективные культурные представления формируются в процессе социализации. Происходящие изменения личности в процессе социализации связаны с сочетанием механизмов приспособления и обособления, где первое в профессиональном становлении личности, согласно Ж. Пиаже, это процесс и результат активности её и социальной среды, а второе – это процесс профессиональной автономизации.

Следует сказать, что понимание сущности социализации в рамках гуманизации образования и субъект-субъектного подхода объясняет важную взаимосвязь социальных и индивидуальных представлений о профессиональной деятельности и самореализации у студентов в процессе обучения в вузе.

В ситуации, когда потребности студента не могут быть удовлетворены, происходит перенос личностных смыслов и значимых достижений в индивидуальном развитии на ресурсы профессионального становления, что делает данный процесс движущей силой дальнейшего успеха, благосостояния и связывается в единый

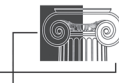

образ успешной жизни. Профессиональная самореализация есть внутреннее личностное условие и движущая сила совершенствования человека по выбранному направлению специального развития.

Высокие требования к профессиональному развитию студентов влияют на принятие практической деятельности будущими педагогами, педагогами-психологами и несколько отодвигают потребности в самореализации. Данная ситуация не позволительна, поскольку сформировавшийся образ профессии предаётся забвению, а ценностный смысл представленный отвергается, что делает студента менее успешным в сфере будущей профессиональной деятельности. Разрушаются его усилия, не используются имеющиеся ресурсы, не развиваются способности, талант и физическая выносливость, чтобы сохранять активность, трудовую продуктивность, эффективность на производстве. Профессиональная деятельность и самореализация – это определяющие факторы в развитии личности. Самореализация личности связана с индивидуальными и социальными представлениями. Чем больше они совпадают в ценностно-значимой системе личности, тем выше уровень индивидуально-профессиональной активности. Соответственно, гармоничное развитие данных процессов обеспечивается комплексом мер по выравниванию возникающих противоречий индивидуально-профессионального развития. Наряду с этим Н. В. Шрамко рассматривает проблему самореализации и специфику работы как правовую регламентацию «... социального поведения, принимаемых решений, высокий уровень ответственности перед обществом; властный, обязательный характер профессиональных полномочий, принятие

решений в конфликтных ситуациях; нестандартный, творческий характер труда специалиста, которому предстоит иметь дело с разнообразными жизненными явлениями, судьбами различных людей, требующими индивидуального, творческого подхода, высокого уровня межличностного общения; экстремальный характер деятельности – выполнение большого объёма сложной, многообразной работы в условиях дефицита времени и средств [10, с. 34]».

Социальные и индивидуальные представления являются в определённой степени результатом изменений в культуре, поэтому различие между культурами и обществами связано с проникновением в социальные институты, убеждения, отношения и поведение их участников для конструирования реальности [9, с. 173]. И. Б. Бовина считает, что изменение представления наступает тогда, когда оно уже не способно выполнять свои функции, когда существуют старые и новые формы знания [2, с. 17]. Ситуации изменения представлений затрагивают саму суть представлений, и это приводит к трансформациям. Динамику социальных представлений Дж. Дювин различает по трём уровням их изменения: социогенез, онтогенез, микрогенез. Согласно социогенезу, представления вырабатываются и трансформируются в различных социальных группах; онтогенез представляет процесс, посредством которого индивид реконструирует представления и вырабатывает социальную идентичность. Человек в социальном мире усваивает представления, существующие в нём, и тем самым изменяет свои индивидуальные взгляды на профессиональное развитие. Микрогенез способствует выработке представлений в процессе ком-

муникации, социального взаимодействия, конструирования социальной идентичности, соотносящейся с социальными представлениями [цит. по: 2, с. 17].

Социальные и индивидуальные представления существуют до тех пор, пока в них есть потребность, поэтому очевидно, что изменение представлений может быть связано с тем, что они перестают быть способом объяснения реальности, оправданием поведения в обыденной жизни.

Профессия занимает важное место в индивидуальном развитии личности. Вопросы профессиональной самореализации в условиях образовательного учреждения могут эффективно решаться, если в процессе образовательной деятельности вуза учитываются ценностные представления студенческой молодёжи, которые по-

лучены из социальных реалий её развития. Ценностные представления о профессиональной деятельности и самореализации личности, как результат полученных ею социальных и индивидуальных представлений, сказываются на поведении и отношении студентов к образовательной деятельности по выбранному профилю подготовки в вузе.

Высшее образование может разрешить современные противоречия общества и личности в профессиональной сфере интересов, если образ мира как представление реальности, необходимое человеку для полноценной сознательной жизни (В. В. Петухов, 2006.), будет им осмыслен в ходе обучения и воспринят как способ для решения возникающих проблем профессиональной деятельности и самореализации.

Примечания

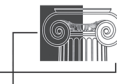
1. *Беляева А. П.* Методология и теория профессиональной педагогики / Российская академия образования ; Институт профтехобразования РАО. Санкт-Петербург, 1999. 480 с.
2. *Бовина И. Б.* Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 5–20.
3. *Казанская В. Г.* Педагогическая психология : краткий курс. Санкт-Петербург : Питер, 2005. 366 с.
4. *Климов Е. А.* Психология профессионала : избранные психологические труды. Москва : Ин-т практической психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1996. 400 с.
5. *Кузьмина Н. В.* Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения / ВНИИ проф.-техн. образования. Москва : Высшая школа, 1990. 120 с.
6. *Нефедова Н. И.* Социальные представления об успехе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2003. № 3. С. 141–146.
7. *Спинжар Н. С.* Прогнозирование динамики формирования ценностных представлений студентов о профессии в вузе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3 (59). С. 204–208.
8. *Спинжар Н. Ф.* Гуманитаризация образования как фактор успешного обучения и профессионального развития будущих специалистов в вузе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3 (59). С. 162–167.
9. *Христидис Т. В.* Психолого-педагогическое сопровождение студентов в вузе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1 (63). С. 172–176.
10. *Шрамко Н. В.* Условия самореализации личности в образовательном процессе вуза // Педагогическое образование в России. 2011. № 4. С. 34–38.

References

1. Belyaeva A. P. *Metodologiya i teoriya professional'noi pedagogiki [Methodology and theory of professional pedagogy]*. St. Petersburg, Publishing House of Institute of vocational education RAO, 1999. 480 p.
2. Bovina I. B. Theory of social representations: History and the actual development. *Sociological Journal*. 2010, no. 3, pp. 5–20. (In Russian)
3. Kazanskaya V. G. *Pedagogicheskaya psikhologiya: kratkii kurs [Pedagogical psychology: short course]*. St. Petersburg, PITER Publishing House, 2005. 366 p.
4. Klimov E. A. *Psikhologiya professionala: izbrannye psikhologicheskie trudy [Psychology of the professional: selected psychological works]*. Moscow, Voronezh, Publishing house “MODEK”, 1996. 400 p.
5. Kuz'mina N. V. *Professionalizm lichnosti prepodavatelya i мастера производственного обучения [The professionalism of the teacher's personality and the master of industrial training]*. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1990. 120 p.
6. Nefedova N. I. Sotsial'nyye predstavleniya ob uspekhe [Social notions of success]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sociologiya i socialnye tehnologii [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies]*. 2003, no. 3, pp. 141–146.
7. Spinzhar N. S. Forecasting of dynamics of formation of the values of the profession in the University. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2014, no. 3 (59), pp. 204–208. (In Russian)
8. Spinzhar N. F. Humanization of education as a factor of successful professional development and training of future specialists in the University. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2014, no. 3 (59), pp. 162–167. (In Russian)
9. Khristidis T. V. Psycho-pedagogical support of students at the University. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 1 (63), pp. 172–176. (In Russian)
10. Shramko N. V. Conditions of self-realization of a person in educational environment of a higher school. *Pedagogical Education in Russia*. 2011, no. 4, pp. 34–38.

*

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНО- ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОРАЗВИТИЯ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

УДК 378.18

Е. И. Григорьева¹, Е. И. Панкова²

¹Российский государственный социальный университет

²Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

В статье рассматривается феномен студенческого научного общества как особый социально-культурный институт, как некоммерческая мультифункциональная общественная организация, объединяющая на добровольных началах учащихся вуза, призванная содействовать профессиональному становлению начинающих исследователей. Студенческое научное общество представляет собой добровольное объединение студентов в форме самостоятельной самодеятельной организации на основе общих интересов в области научно-исследовательской деятельности. Эта организация обеспечивает развитие в сфере свободного времени, где студент может высказать и обсудить свои идеи и творческие замыслы, протестировать свои способности аргументировать и презентовать результаты исследования.

Ключевые слова: студенческое научное общество, студенческая наука, научные исследования, социально-культурный институт.

¹ГРИГОРЬЕВА ЕЛЕНА ИВАНОВНА – доктор культурологии, профессор кафедры искусств и художественного творчества Российского государственного социального университета, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

GRIGORYEVA ELENA IVANOVNA – Full Doctor of Cultural Studies, Professor of Department of art and artistic creativity, Russian State Social University, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation

²ПАНКОВА ЕЛЕНА ИГОРЕВНА – аспирант кафедры культуроведения и социокультурных проектов факультета культуры и искусств Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

PANKOVA ELENA IGOREVNA – doctoral student of Department of cultural studies and sociocultural projects, Faculty of Culture and Arts, Tambov State University named after GR Derzhavin

e-mail: grigorev_tmb@list.ru¹, vitlen.85@mail.ru²

© Григорьева Е. И., Панкова Е. И., 2017

Е. И. Grigoryeva¹, Е. И. Pankova²

¹Russian State Social University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Wilhelm Pieck str., 4, bld. 1, 129226, Moscow, Russian Federation

²Tambov State University named after GR Derzhavin, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Internatsional'naya str., 33, 392000, Tambov, Russian Federation

STUDENT SCIENTIFIC SOCIETY AS A FACTOR OF PERSONAL-PROFESSIONAL SELF-DEVELOPMENT IN THE SOCIAL AND CULTURAL SPHERE

The phenomenon of students' scientific society is considered in the article as special welfare institute. The students' scientific society is considered as the non-profit multifunctional public organization, which uniting on a voluntary basis pupils of higher education institution. This organization was designed to promote professional formation of the beginning researchers. The students' scientific society represents voluntary association of students in the form of the independent amateur organization. The students' scientific society is the basis of common interests in the field of research activity. This organization provides development in the sphere of free time where the student can state and discuss the ideas and creative plans, test the abilities to reason and present results of a research.

Keywords: student scientific society, student science, scientific researches, sociocultural institute.

Для цитирования: Григорьева Е. И., Панкова Е. И. Студенческое научное общество как фактор личностно-профессионального саморазвития в социально-культурной сфере // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 193–199.

Студенческое научное общество (СНО) в современном вузе представляет собой общественное объединение студентов, принимающих активное участие в научно-организационной и исследовательской работе. Студенческое научное общество – это некоммерческая мультифункциональная, общественная организация, объединяющая на добровольных началах учащихся вуза, призванная содействовать профессиональному становлению начинающих исследователей. Студенческое научное общество – это типичный социально-культурный институт, поскольку представляет собой добровольное объединение студентов в форме самостоятельной самодеятельной организации на основе общих интересов в области научно-исследовательской деятельности [3].

Студенческие научные общества осуществляют свою деятельность на принци-

пах самоуправления, открытого характера деятельности, духа взаимного уважения и культуры научного общения студентов. СНО является коллегиальным органом, который формируется из обучающихся, это объединение молодых, креативных, увлечённых исследовательской деятельностью людей. Вопросы создания, организации и деятельности регулируются на открытых отчётно-выборных конференциях студентов.

Работа СНО строится как система оказания поддержки членам СНО в организации научной работы, самообразовании и повышении уровня профессиональных знаний, расширении диапазона научно-исследовательской деятельности, повышении качества образования. В результате СНО становится творческим общественным объединением студентов и аспирантов, повышающих собственный профес-

сиональный уровень на основе проведения научных исследований, заинтересованных в развитии и совершенствовании научной работы в институте, а также в повышении своего профессионального имиджа.

СНО помогает выявить неравнодушных, пытливых, любопытных студентов, имеющих близкие научные интересы, приветствуя любую инициативу, предоставляет каждому студенту возможность реализовать своё право на творческое и интеллектуальное развитие личности в соответствии с его способностями и потребностями.

Студенческое научное общество вуза имеет собственные руководящие и исполнительные органы, создаваемые для реализации целей и задач СНО, организации его деятельности: студенческое научное общество, как правило, опирается на его актив, включающий в себя председателя СНО, заместителя председателя, председателей секций Совета СНО и членов секций, куда входят по несколько представителей научных кружков соответствующего профиля. Как правило, студенческое научное общество интегрирует несколько подразделений, каждое из которых успешно реализует специфические задачи.

СНО ведёт активную работу, направленную на координацию деятельности студенческих научных кружков кафедр и лабораторий, на содействие в публикации и внедрении в практику результатов научной работы студентов, на оказание помощи студентам в участии в научных конференциях, симпозиумах, семинарах, научных съездах, на предоставление всей имеющейся информации о проводящихся конференциях и грантах [2].

В задачи СНО также входит: организация ежегодных научных студенческих

конференций (недель студенческой науки), университетских конкурсов студенческих научных работ, отчётно-информационных конференций.

СНО – самостоятельная организация студентов, дающая им возможность реализовать себя в качестве молодых профессионалов не только в рамках учебного процесса (на основе единства учебного и научно-исследовательского процессов), но и за рамками традиционных учебных занятий, в их дополнение, а также в сфере свободного времени, где в компании сверстников студент может высказать и обсудить свои идеи и творческие замыслы, протестировать свои способности к аргументации и презентовать результаты изысканий. Таким образом, магистральным направлением деятельности СНО является развитие творческих способностей студентов.

В частности, в работе СНО целесообразно выделить следующие направления: научно-исследовательское (участие в реализации инновационных инициативных научных проектов совместно с ведущими учёными вуза); культурно-творческое (обогащение содержания досуга студенческой молодёжи, развитие всех видов художественного, социально-политического и технического творчества и т.д.); воспитательно-развивающее (организация интерактивных культурно-воспитательных мероприятий, тренингов личностного саморазвития студента).

Студенческое научное общество предусматривает научно-исследовательскую и учебно-исследовательскую работу студентов; выступления с докладами на международных, всероссийских, региональных, городских, вузовских конференциях, конгрессах, симпозиумах; общение с учёными разных поколений; подготовку к посту-

плению в аспирантуру; культурный обмен и контакты с российскими и зарубежными учебными заведениями, научными, общественными, коммерческими организациями; участие в проводимых научно-просветительных и досуговых мероприятиях, что обеспечивает благоприятные условия для становления и научного роста молодых специалистов.

Участие в студенческом научном обществе способствует получению молодым специалистом глубоких профессиональных знаний, что делает его более конкурентоспособным на рынке труда и более привлекательным для работодателя (наличие публикаций, стремление к самообразованию и самосовершенствованию, активность в общественной жизни в процессе учёбы).

Научно-исследовательская работа студентов (НИРС) является важнейшим компонентом вузовской подготовки и требует внедрения в учебно-воспитательный процесс обучающе-исследовательского подхода и научно-исследовательской деятельности.

Активное участие в НИРС развивает мыслительные способности, умение логично и детально анализировать проблему, находить способы её разрешения. Студент-исследователь гораздо быстрее осваивает умения грамотно излагать свои мысли на бумаге, более эффективно и продуктивно работает над курсовыми и выпускной квалификационной работами. Реализация задач, связанных с представлением результатов научной работы на различного рода научных мероприятиях, позволяет совершенствовать ораторские способности, навыки аргументации, умения взаимодействовать с аудиторией, навыки публичных выступлений [4].

Участие в научном обществе помогает подготовиться к поступлению в аспирантуру. Конкурс при поступлении в аспирантуру достаточно высок, следовательно, активным членам СНО выдержать его гораздо легче, поскольку они более подготовлены и мотивированы на серьёзную научную деятельность, имеют опыт участия в научных мероприятиях и многочисленные публикации в научных журналах и сборниках. Часто активным членам СНО предоставляется приоритетное право на поступление в аспирантуру. Студенты, ориентированные на карьерный профессиональный рост, осознают, что абсолютное большинство руководителей предприятий, организаций в своё время заканчивали аспирантуру и имеют учёную степень кандидата или доктора наук.

Быть членом СНО очень престижно, поскольку это элитная организация студентов, которая поможет им выбрать правильный путь в науке, добиться высоких результатов, обеспечивает участников необходимой для этого информацией.

Помимо прочего, участие в СНО открывает для студента возможность получения стипендий, грантов, ценных призов и иных материальных выгод.

Социально-культурные аспекты функционирования студенческого научного общества заключаются в том, что участие в деятельности СНО – это интересный, творческий процесс, позволяющий молодым людям реализовать себя, обеспечить перспективами профессионального роста и задать тренд на жизненный успех. СНО предоставляет студентам привилегии и перспективы самореализации (возможность реализовать личностный потенциал, проявить свою креативность и научно-исследовательские способности); обеспе-

чивает достижение успешного карьерного роста (за счёт обогащения опытом работы с людьми, приобретения навыков принятия решений и чёткого выполнения поставленных задач); организует интересные встречи, новые знакомства, научные командировки (апробация результатов исследования, выступления на научных мероприятиях различного уровня – от внутривузовских до международных).

НИРС предполагает осуществление научно-исследовательской, научно-организационной, научно-проектной, координационной, внедренческой и иной деятельности. Стратегия студенческого научного общества связана с расширением интеллектуального поля жизни студентов, выявлением в их среде интеллектуальных лидеров нового поколения.

В современном вузе НИРС осуществляется в двух видах (НИРС, встроенная в учебный процесс, и НИРС, дополняющая учебный процесс).

Первый вид выполняется в соответствии с ГОС ВО и учебным планом, обеспечивается методическими пособиями и предусматривает учебно-исследовательскую работу в рамках реализации основной образовательной программы конкретного направления подготовки. Ведущими формами НИРС являются: выполнение научного реферата, лабораторной, курсовой или квалификационной работы; осуществление индивидуальных научно-исследовательских работ; научно-исследовательская деятельность в рамках учебной, производственной или преддипломной практики [1].

Участие в студенческом научном обществе относится ко второму виду НИРС и предполагает самостоятельную работу вне рамок непосредственной программы

высшего образования, способствует более глубокому и полному освоению методов научных исследований. Ведущими формами подобной активности становятся студенческие научные кружки, клубы, проблемные группы, лаборатории – любые творческие объединения, а также дни науки, студенческие научно-методологические семинары, научные конференции, секции, «круглые столы», дебаты; «открытые кафедры», научно-исследовательские программы, факультативы и специальные курсы для студентов, имеющих выраженную мотивацию к научной деятельности; организационно-массовые (в том числе состязательные) мероприятия (конкурсы научных студенческих работ, олимпиады по дисциплинам и специальностям, интеллектуальные игры и викторины; смотр-конкурсы курсовых, дипломных, учебно-исследовательских работ, дискуссионные клубы, симпозиумы, школы молодых исследователей и т.д.) различного уровня; выполнение индивидуальных научно-исследовательских работ и научных проектов, научных публикаций, финансируемых как из средств вуза, так и из внешних (хозяйственные договоры, гранты и т.д.) источников. В ряде вузов функционируют студенческие образовательные театры, регулярно организующие студенческие постановки, спектакли, конкурсы, презентации, торжественные посвящения в студенты первокурсников, посвящения в члены научного студенческого сообщества и другие мероприятия.

СНО во многом способствует расширению сотрудничества и взаимосвязей с подразделениями вуза, другими вузами региона, международного сотрудничества с зарубежными вузами при выполнении совместных исследований, использовании

результатов студенческих исследований в учебном процессе или социально-культурной деятельности, позволяет пропагандировать научно-исследовательские достижения молодёжи. В этом контексте следует подчеркнуть активное содействие студенческого научного общества в налаживании, развитии и расширении связей с другими вузами, межвузовских контактов, что повышает статус и престиж вуза.

Осуществление международного сотрудничества с другими вузами способствует изучению и освоению отечественного и зарубежного опыта организации НИРС, обмену информацией, обобщению и внедрению передового опыта и инноваций в организационно-методическую работу в целях повышения эффективности деятельности СНО.

В современных условиях саморазвитие участника студенческого научного общества также связано с информационно-просветительской работой в стенной газете или в соответствующем сообществе Интернета, на студенческом сайте или форуме. В сети Интернет формируются особые досуговые научные сообщества, деятельность которых опирается на информационно-телекоммуникационные системы и технологии. В виртуальной среде осуществляются научные проекты интернет-площадок (порталы, форумы, сайты, социальные сети) и мероприятий (клубы, сообщества, онлайн-встречи, конференции, конкурсы, проектные сессии), которые обеспечивают активное взаимодействие различных исследователей и заинтересованных лиц по вопросам развития и продвижения инноваций; способствуют популяризации научных достижений учащейся

молодёжи и поднятию престижа молодёжной науки [5].

Таким образом, студенческое научное общество – это особый социально-культурный институт, осуществляющий свою деятельность на принципах самоуправления, открытого характера деятельности, духа взаимного уважения и культуры научного общения студентов.

Студенческое научное общество позволяет студенту в рамках исследовательской деятельности максимально приблизиться к практике, смоделировать будущую профессиональную деятельность, получить навыки творческого решения прикладных задач, эффективного взаимодействия в процессе выполнения совместных работ, обмена опытом с ведущими специалистами в конкретных областях научного знания, аргументации и отстаивания своих позиций.

В рамках функционирования СНО осуществляется поиск и привлечение наиболее одарённых студентов к целенаправленной научной и научно-организационной работе в различных научных и творческих коллективах, освоению инноваций в различных областях знания; отбор и продвижение наиболее активных и перспективных студентов для их использования в качестве кадрового ресурса инновационных структур научно-технического предпринимательства, ориентированных на создание наукоёмкой продукции, нововведений, учитывающих международные стандарты и достижения. Всё это позволяет сделать вывод о мощном потенциале студенческого научного общества в обеспечении социально-культурных условий личностного саморазвития молодёжи.

Примечания

1. Багуцкий Н. В. Студенческие сообщества как субъект гражданских отношений в современном российском контексте : дис. на соиск. учён. степ. кандидата социологических наук : 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы / Багуцкий Николай Владимирович ; Саратовский государственный технический университет. Саратов, 2006. 157 с.
2. Жоголева О. Р. Влияние внеучебной воспитательной деятельности вуза на процесс социализации студенческой молодёжи : дис. на соиск. учён. степ. кандидата социологических наук : 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы / Жоголева Оксана Рудольфовна ; Тюменский государственный университет. Тюмень, 2007. 192 с.
3. Завьялов Д. А. Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в. : дис. на соиск. учён. степ. кандидата исторических наук : 07.00.02 – отечественная история / Завьялов Дмитрий Анатольевич ; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2006. 338 с.
4. Мясникова Т. В. Развитие творческого потенциала студентов учреждений среднего профессионального образования в студенческом научном обществе : дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования / Мясникова Татьяна Вячеславовна ; Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева. Чебоксары, 2010. 185 с.
5. Певзнер В. М. Педагогический потенциал студенческого самоуправления в современном вузе : дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования / Певзнер Виталий Михайлович ; Новгородский государственный университет имени Ярослава мудрого. Великий Новгород, 2005. 182 с.

References

1. Bagutsky N. V. *Studencheskie soobshchestva kak sub »ekt grazhdanskikh otnoshenii v sovremennom rossiiskom kontekste. Diss. kand. sotsiolog. nauk [Student community as a subject of civil relations in the modern Russian context. Cand. sociolog. sci. diss.]*. Saratov, 2006. 157 p.
2. Zhogoleva O. R. *Vliyanie vneuchebnoi vospitatel'noi deyatel'nosti vuza na protsess sotsializatsii studencheskoi molodezbi. Diss. kand. sotsiolog. nauk [Influence of non-educational activities of the University in the process of socialization of student's youth. Cand. sociolog. sci. diss.]*. Tyumen, 2007. 192 p.
3. Zavyalov D. A. *Studencheskie nauchnye obshchestva Sankt-Peterburgskogo universiteta v kontse XIX – nachale XX v. Diss. kand. istor. nauk [Students' scientific societies of the St. Petersburg university at the end of XIX – the beginning of the 20th century. Cand. hist. sci. diss.]*. St. Petersburg, 2006. 338 p.
4. Myasnikova T. V. *Razvitie tvorcheskogo potentsiala studentov uchrezhdenii srednego professional'nogo obrazovaniya v studencheskom nauchnom obshchestve. Diss. kand. ped. nauk [Development of creative potential of students of institutions of secondary vocational education in the student scientific society. Cand. ped. sci. diss.]*. Cheboksary, 2010. 185 p.
5. Pevzner V. M. *Pedagogicheskii potentsial studencheskogo samoupravleniya v sovremennom vuze. Diss. kand. ped. nauk [Pedagogical potential of student self-government in modern University.]*. Velikiy Novgorod, 2005. 182 p.

*

ТВОРЧЕСТВО КАК СПОСОБ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ

УДК 378.18

А. Ф. Ахмерова

Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

В статье проведён анализ обширного круга научной литературы и многочисленных как фундаментальных, так и прикладных исследований по проблемам самореализации личности и творчества. Самореализация охарактеризована как комплексная проблема, представляющая собой «область пересечения» различных наук: философии, социологии, психологии, педагогики. Творчество же понимается как универсальная функция человека, которая ведёт ко всем формам самовыражения. Приведены данные педагогического эксперимента, свидетельствующие об успешной самореализации студентов вуза в процессе внеучебной творческой деятельности, где становление нравственно-этических качеств происходит на фоне развития творческого потенциала каждого студента.

Ключевые слова: самореализация, самоактуализация, творчество, креативность, креативный тип образования, самовосприятие, творческая деятельность.

A. F. Akhmerova

Ufa Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, The Russian Government, Mustaya Karima str., 69/1, 450015, Ufa, The Republic of Bashkortostan, Russian Federation

CREATIVITY AS A WAY OF SELF-REALIZATION STUDENTS

The article analyzes a broad range of scientific literature and numerous both fundamental and applied researches on issues of self-identity and creativity. Self-realization is characterized as a complex problem, which is the “intersection area” of various sciences: philosophy, sociology, psychology, pedagogy. Creativity is understood as a universal human feature that leads to all forms of expression. The author cites data of the pedagogical experiment showing the successful fulfillment of the university students in the extracurricular artistic activities, where formation of moral and ethical qualities takes place at the background of the development of the creative potential of each student.

Keywords: self-realization, self-actualization, creativity, creativity, creative type of education, self-perception, creative activity.

Для цитирования: Ахмерова А. Ф. Творчество как способ самореализации студентов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 200–206.

АХМЕРОВА АЙСЛУ ФАРИДОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, истории и права Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

AKHMEROVA AYSLU FARIDOVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of Department of philosophy, history and law, Ufa Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Проблема самореализации личности является в настоящее время одной из ключевых проблем педагогики. Это объясняется её определяющей ролью в развитии личности, предъявлением более высоких требований к таким качествам человека, как самостоятельность, инициативность, способность к саморазвитию и самосовершенствованию. Термин «самореализация» часто является синонимом терминов «реализация своих возможностей», «самовыражение», «самоактуализация».

Представитель гуманистического направления в психологии А. Маслоу в своей теории потребностей выделил потребность самоактуализации как высшую ступень в иерархии потребностей человека. Самоактуализация для Маслоу означала тенденцию к реализации внутреннего потенциала, то есть самореализацию [5].

Самореализация в иерархии потребностей А. Маслоу – это высшее желание человека реализовать свои таланты и способности, стремление проявить себя в обществе, отразив свои положительные стороны [5].

К. Роджерс и А. Маслоу считали, что потенциально стремление к совершенствованию есть у каждого человека, но проявляется оно лишь при определённых социальных условиях [5]. С педагогической точки зрения самореализация – комплексное свойство личности, процесс выявления личностью индивидуальных и профессиональных возможностей, познание, оценивание, воспитание самого себя [1]. Самореализация, как считают Л. С. Подымова и Л. Н. Макарова, это осуществление человеком возможностей своего развития посредством собственных усилий, сотворчества, содеятельности с другими людьми, социумом и миром в целом.

Самореализация пронизывает всю деятельность человека и рассматривается, прежде всего, в ракурсе человека созидющего, человека-творца. Деятельность личности, в процессе которой удовлетворяются потребности в самореализации, является творческой деятельностью [7]. По А. Маслоу, «творчество – универсальная функция человека, которая ведёт ко всем формам самовыражения [5]».

«Творчество – это объективный процесс развития мира через целенаправленную, сознательную (культурную) деятельность человека, выбирающего те естественные возможности, которые соответствуют человеческим потребностям, и организующего их оптимальную реализацию [9]», – пишет С. Н. Семенов.

Мы рассматриваем творчество как возможность для наиболее полной самореализации личности, а креативность (творческость) – как интегральную творческую способность.

К. Роджерс определяет творческость как способность обнаруживать новые решения проблем или новые способы выражения, привносить в жизнь нечто новое для индивида. Творческое выражение не соответствует догме или заранее заготовленной форме. Творческость есть сила, трансформирующая, способствующая положительной самооценке и обеспечивающая самопродвижение индивида в своём развитии [8].

А. Маслоу разделяет креативность на два вида: креативность таланта и креативность самоактуализации. Он пишет, что последняя распространена гораздо более широко и имеет более тесную связь с личностью, проявляясь в повседневной жизни не только в великих и очевидных продуктах творчества, но и многочисленными

другими способами, например, в своеобразном чувстве юмора, склонности что-либо делать творчески.

А. Маслоу описывает составляющие креативности самоактуализации: восприятие, самовыражение, «вторая наивность», влечение к неизведанному.

В креативности самоактуализирующихся людей выделяются два уровня – первичный и вторичный. Первичный уровень – это непровольная креативность, связанная с озарением, вдохновением, пиковыми переживаниями. Вторичный уровень – произвольный, связанный с тяжёлым трудом, длительным обучением, стремлением к совершенству. «На смену спонтанности приходит произвольность; на смену полному принятию приходит критика; на смену интуиции приходит тщательное обдумывание; на смену смелости приходит осторожность; на смену фантазии и воображению приходит испытание реальностью. Далее следуют сравнения, суждения, оценки, хладнокровные размышления, отборы, отказы [5]».

Креативность, при которой задействуются оба типа процессов в правильной последовательности, А. Маслоу называет «интегрированной креативностью [5]».

А. С. Шаров обращает внимание на стремление творческого человека к значимости собственной личности. Так, «для творческого человека особенно характерно стремление к эскалации значимости собственной личности и Я. Это стремление не только направляет, но и мобилизует человека в реализации выполняемой им деятельности. Сделать что-то лучше, качественнее, чем другие, не так, как все. Стремление к значимости охватывает всего человека, он ищет место приложения своих сил и способностей, поэ-

тому творческие люди многое пробуют делать, начинают и бросают, пока не найдут то, где они максимально результативны, и это приносит им огромное удовлетворение [11]».

Т. А. Барышева и Ю. А. Жигалов проанализировали различия между традиционным и креативным типами образования. Традиционный тип ориентирован на стандарты и приобретение знаний в виде непротиворечивой информации, предлагаемой в «готовом» виде. Процесс познания сводится к усвоению чужого опыта и развитию конвергентного (логического) мышления; функция педагога представляет воздействие на учащихся с применением имитационных репродуктивных технологий, а учащиеся являются объектами обучения. Для креативного типа образования характерны созидание будущего, самореализация, рефлексия актуальных достижений и мотивация перспективы [3].

В настоящее время как в среднем, так и в высшем образовании обострились противоречия:

- между требованиями к современному образованию, где в центре внимания находится личность учащегося, и направленностью процесса обучения на освоение определённой суммы знаний;
- между потребностью учащихся в самостоятельной творческой деятельности и преобладанием репродуктивных методов обучения;
- между осознанием важности и необходимости процессов саморазвития и самореализации со стороны обучаемых и преподавателей и отсутствием на практике необходимых для них педагогических условий;
- между необходимостью использования активных форм работы, способству-

ющих развитию творчества и самореализации учащихся, и стереотипами профессионального поведения преподавателей.

Решение данных противоречий можно найти в использовании таких видов учебной и внеучебной деятельности студентов, которые способствуют их самореализации, в том числе творческой. Среди них особое место занимает творческая деятельность [1]. Креативный тип образования способствует развитию творческого потенциала учащихся на каждом этапе образовательного процесса – от детского сада до высших учебных заведений. Становление креативности происходит на фоне самореализации каждого студента. Самореализация подразумевает высокую степень самоорганизации, богатую эмоциональную жизнь, демократичность в отношениях, естественность, устойчивые моральные нормы [4].

Л. А. Коростылева определяет причины затруднения самореализации личности: отсутствие самоосознания, неясность жизненных целей, несоответствие между потребностями и возможностями, комплекс неполноценности, попытка выполнения не своих, навязанных извне планов. Преодолению указанных затруднений способствуют: позитивное самовосприятие, поиск новых путей и желание достичь поставленных целей, способность к внутренней концентрации, восприятие трудностей как временных, желание попробовать осуществить задуманное ещё раз, умение «прислушиваться к своему внутреннему голосу» и понять, что нужно выбрать для достижения своих целей и удовлетворения потребностей, постоянная работа над собой [4]. Человек приобретает возможность самоопределения и самооценок только под влиянием дру-

го человека (эффект подтверждения). Неподтверждение, то есть отсутствие личного контакта, опаснее для становления личности, чем отрицание – негативное восприятие, критическое отношение к человеку, так как, чтобы отрицать нечто, его прежде всего надо заметить. Неподтверждение является основной причиной для формирования стойкого негативного самовосприятия. Самовосприятие же, или Я-концепция (социальная установка личности по отношению к самой себе), формируется у студентов во многом под воздействием преподавателей. Индивидуальная и коллективная творческая деятельность даёт возможность преодоления ранее сформированного у студента чувства неподтверждения, вызванного действиями и отношением родителей, школьных учителей или ровесников [6].

Особенно ярко творческий потенциал студентов проявляется во внеучебной (внеаудиторной) деятельности.

Внеаудиторной деятельностью называется любая деятельность студентов в рамках учебного заведения, не связанная с учебным планом и направленная на формирование и развитие профессионально значимых и личностных качеств.

Внеучебную деятельность отличают следующие характеристики: её осуществление в свободное время студентов, добровольность участия, гибкость, подвижность, разнообразие форм, активизация творческих способностей, воспитание личностных качеств, обогащение знаниями и расширение кругозора всех её участников [2].

Е. Ю. Трацевская определяет критерии готовности к осуществлению творческой самореализации: ценностно-позиционный (сформированность у учащихся професси-

онально значимых ценностей и др.); когнитивный (сформированность у учащихся готовности к осуществлению творческой самореализации на основе актуальных знаний); художественно-исполнительский (сформированность у учащихся умений осуществления творческой самореализации в области музыкально-театрального искусства); критерий готовности к самооценке уровня творческой самореализации (самооценка собственных исполнительских навыков и готовности к взаимодействию с участниками разновозрастной группы и др.). Выделены типы учащихся, мотивированных на творческую самореализацию: 1) ориентированные на внешнее самоутверждение в творческой деятельности; 2) стремящиеся в процессе создания творческого продукта подчеркнуть собственную уникальность; 3) направленные на осознанную творческую самореализацию [10].

По результатам опроса студентов Уфимского филиала Финансового университета к одному из преобладающих мотивов творчества было отнесено самовыражение. Стремление к самовыражению, к полной реализации своего творческого потенциала заставляет этих молодых людей собираться вместе в свободное время, чтобы искать и создавать новые формы внеучебной деятельности.

К примерам успешной самореализации студентов в творчестве можно отнести игры КВН, музыкально-литературные композиции, вокальные, танцевальные выступления, театральные постановки.

Кроме объединений студентов, действующих на русском языке, во многих учебных заведениях и культурных учреждениях организуются клубы для общения на иностранных языках.

В Уфимском филиале Финансового университета действуют клуб разговорного английского языка и клуб «Язык и культура Франции», в которых студенты могут реализовать не только познавательные потребности, но и творческие способности. Языковые клубы выступают в роли «моста», соединяющего учебную и внеучебную деятельность.

Такая внеаудиторная работа предоставляет широкий набор разнообразных способов применения в неформальном общении знаний, полученных на занятиях, и творческой деятельности (музыкальной, театральной, оформительской и т.д.). За счёт отсутствия какого-либо оценивания знаний студентов со стороны преподавателя учащиеся преодолевают психологические барьеры и переходят к более свободному, чем на аудиторных занятиях, общению друг с другом, с преподавателем и приглашёнными гостями. Свобода же является главным условием успешной самореализации.

Выработка устойчивого положительного самовосприятия и развитие творческих способностей студентов определялись методом наблюдения и по результатам анкетирования. Студенты, постоянно занимающиеся творческой деятельностью, отметили в анкетах, что в течение учебного года ими были приобретены или получили дальнейшее развитие следующие качества: навыки общения, творческие способности, целеустремлённость, коллективизм, умение вести дискуссию, познавательный интерес. В процессе наблюдения выводы студентов об изменениях в собственном развитии в основном подтвердились, что свидетельствует об адекватной самооценке большинства студентов. В дополнение к вышеназванным качествам нами отмечено

развитие таких личностных свойств студентов, как ответственность, самоорганизация, общая культура. Становление нравственно-этических качеств происходит на фоне самореализации каждого студента.

Таким образом, творчество, по нашему мнению, является одним из наиболее значимых способов самореализации студентов как в учебной, так и во внеаудиторной деятельности.

Примечания

1. Акулинина В. С. Проблема творческой самореализации старшеклассников: ретроспективный анализ // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. URL: <https://e-koncept.ru/2014/54747.htm>
2. Ахмерова А. Ф. Студенческий клуб как неформальное общественное объединение творческой молодежи // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований '2009» (Одесса, 16–27 марта, 2009). Том 18. Педагогика, психология и социология. Одесса : Черноморье, 2009. С. 33–35.
3. Барышева Т. А., Жигалов Ю. А. Психолого-педагогические основы развития креативности. Москва : Детство-Пресс, 2006. 205 с.
4. Коростылева Л. А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. Санкт-Петербург : Речь, 2005. 222 с.
5. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности: Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. Москва : Издательство Московского университета, 1982. С. 108–117.
6. Общение и развитие психики : сборник научных трудов / АПН СССР, НИИ общ. и пед. психологии ; [редкол.: А. А. Бодалев (отв. ред.) и др.]. Москва : АПН СССР, 1986. 176 с.
7. Подымова Л. С., Макарова Л. Н. Самореализация личности как психолого-педагогическая проблема: синергетический подход // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 1 (69). С. 89–93.
8. Роджерс К. К теории творчества // Взгляд на психотерапию. Становление человека / пер. с англ. М. М. Исениной ; общ. ред. и предисл. [с. 5–33] Е. И. Исениной. Москва : Прогресс : Универс, 1994. 480 с.
9. Семенов С. Н. Развитие творческих способностей в процессе обучения (философско-методологические проблемы). Уфа : Гилем, 1998. 174 с.
10. Трацевская Е. Ю. Система интегрированных уроков искусства // Искусство в школе. 2008. № 1.
11. Шаров А. С. Ограниченный человек: значимость, активность, рефлексия : монография. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. 358 с.

References

1. Akulinina V. S. The problem of high school pupils' creative self realization: retrospective analysis. *Periodic scientific and methodological e-journal "Koncept"*. 2014, vol. 20. Available at: <https://e-koncept.ru/2014/54747.htm>
2. Akhmerova A. F. Studencheskii klub kak neformal'noye obshchestvennoye ob"yedinenie tvorcheskoi molodezhi [Student club as an informal public Association of creative youth]. *Sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sovremennye napravleniya teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy '2009" (Odessa, 16–27 marta, 2009). Tom 18. Pedagogika, psikhologiya i sotsiologiya [Collection of scientific works on materials of the international scientific practical conference "Modern directions of theoretical and applied research"*

(Odessa, March 16–27, 2009). Vol. 18. *Pedagogy, psychology and sociology*. Odessa, 2009. Pp. 33–35.

3. Barysheva T. A., Zhigalov Yu. A. *Psikhologo-pedagogicheskiye osnovy razvitiya kreativnosti [Psycho-pedagogical bases of development of creativity]*. Moscow, Publishing House “Detstvo-Press”, 2006. 205 p.

4. Korostyleva L. A. *Psikhologiya samorealizatsii lichnosti: zatrudneniya v professional'noy sfere [Psychology self-identity: difficulties in the professional sphere]*. St. Petersburg, Publishing House “Russian Language”, 2005. 222 p.

5. Maslou A. [Maslow Abraham] Samoaktualizatsiya [Self-actualization] In: *Gippenreiter Yu. B., Puzyrei A. A., ed. Psikhologiya lichnosti: Teksty [Psychology of personality: Texts]*. Moscow, Publishing house of Lomonosov Moscow State University, 1082. Pp. 108–117.

6. Bodalev A. A., ed. *Obsbchenie i razvitie psikhiki. Sbornik nauchnykh trudov [Communication and development of the psyche: a collection of scientific papers]*. Moscow, Publishing house of the Academy of Pedagogical Sciences of the USSR, 1986. 176 p.

7. Podymova L. S., Makarova L. N. Self-fulfillment of a person as a psychological and pedagogical problem: a synergic approach. *Tambov University Review. Series Humanities*. 2009, no. 1 (69), pp. 89–93.

8. Rogers C. *On Becoming a Person: A Therapists View of Psychotherapy*. Boston, 1961 (In Rus. ed.: Rodzhers K. *Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovleniye cheloveka [A look at psychotherapy. The development of man]*. Translated by M. M. Isenina, ed. by E. I. Isenina. Moscow, Progress Publishers, 1994. 480 p.]

9. Semenov S. N. *Razvitiye tvorcheskikh sposobnostey v protsesse obucheniya (filosofsko-metodologicheskiye problemy) [Development of creative abilities in the learning process (philosophical and methodological problems)]*. Ufa, Publishing House “Gilem”, 1998. 174 p.

10. Tratsvskaya E. Yu. Sistema integrirovannykh urokov iskusstva [System of integrated lessons of art]. *Iskusstvo v shkole [Art in school]*. 2008, no. 1.

11. Sharov A. S. *Ogranichenny chelovek: znachimost', aktivnost', refleksiya [Limited man: relevance, activity, reflection]*. Omsk, Publishing House of Omsk State Pedagogical University, 2000. 358 p.

*

Положение о порядке рецензирования рукописей, представленных для публикации в журнале «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств»

Рецензирования осуществляется в два этапа:

Первый этап – первичного рецензирования. Все научные статьи, поступающие в журнал, перед публикацией подлежат проверке на соответствие требованиям, установленным редакционной коллегией, в ходе которой определяется соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению, наличие необходимых компонентов (аннотация, ключевые слова, сведения об авторе с адресом электронной почты на русском и английском языках). Первичное рецензирование осуществляется ответственным редактором редакции и заместителем главного редактора.

Второй этап – научное рецензирование. При соблюдении формальных требований статья направляется на обязательное рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук (ведущему рубрики, члену редакционной коллегии или привлеченному специалисту, имеющему наиболее близкую к теме научную специализацию). Рецензенты информируются о том, что на присланные им для экспертизы рукописи распространяются нормы авторского права, копии неопубликованных материалов не делаются, и содержание статей не подлежит разглашению.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи:

- не соответствующие профилю журнала;
- получившие отрицательные мнения рецензентов;
- оформленные с нарушением правил;
- не имеющие необходимых компонентов (аннотация, ключевые слова, сведения об авторе с адресом электронной почты на русском и английском языках);
- содержащие грубые ошибки и неточности в библиографическом описании в списке литературы;
- опубликованные в других изданиях, включая интернет-СМИ, в том же объеме и с тем же названием;
- содержащие некорректные заимствования (плагиат).

Авторы, не имеющие ученой степени, аспиранты, соискатели, стажеры предоставляют заключение или заверенную рецензию своего научного руководителя (консультанта).

Сроки рецензирования, как правило, не могут превышать более восьми недель. В отдельных случаях допускается увеличение срока рецензирования в связи с необходимостью привлечения экспертов по проблематике статьи. В рецензии должно быть указано:

- соответствует ли содержание статьи её названию;
- отвечает ли она современным достижениям в рассматриваемой области науки (с учетом ее актуальности и научной новизны), а также аргументированный вывод о возможности публикации.

Рецензент дает рекомендации по доработке и относительно ее публикации в журнале, рекомендует рубрику.

Авторам отклоненных статей направляется мотивированный отказ без указания фамилии рецензента. В дальнейшую переписку с этими авторами редакция не вступает.

Статья, нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента или члена редакционной коллегии. Авторы должны учесть все замечания, сделанные в процессе рецензирования и редактирования статьи, ответить на каждое из замечаний и указать место в тексте, где сделаны изменения. Сделанные автором изменения необходимо внести в электронный вариант текста и вернуть в редакцию в указанные сроки.

После доработки статья повторно проходит рецензирование, по результатам которого редакция принимает решение о возможности публикации.

Не допускается многократная доработка статей: если после доработки статьи автором не удалось устранить замечания, то данная статья снимается с рассмотрения и отклоняется в установленном порядке.

Окончательное решение о публикации статьи принимается главным редактором, а при необходимости редакционным советом.

Рецензии на поступившие материалы хранятся в редакции не менее 5 лет вместе с редакту-рой рукописей.

Отказы на публикацию предоставляются по запросам авторов в форме официального мотивированного отказа. Копии рецензий направляются в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.
